

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

- 26** *Корнев А. В.*
Базовые методы истории политических
и правовых учений и возможная трансформация
объекта юридической науки

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

- 41** *Кирдяшова Е. В.*
К вопросу о междисциплинарном подходе
в государственно-правовых исследованиях
- 59** *Веденеев Ю. А.*
Культурно-историческая
юриспруденция: институты и концепты
- 91** *Горбань В. С.*
Новая историография политико-правовой мысли
как насущная задача юридических наук
- 111** *Козырева А. Б.*
Идея единства Российского государства
в трудах Ивана Александровича Ильина:
философско-правовой аспект
(к 100-летию «философского парохода»)
- 122** *Исаев И. А.*
Народ и суверен: одноразовое соглашение
- 166** *Барзилова И. С.*
Правовые системы Российской Федерации
и Китайской Народной Республики:
сравнительно-правовой анализ

№ 4 (104)
2023

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского государственного университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, помощник проректора по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — профессор кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — профессор Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, профессор Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Росси



Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023

4/2023

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, г. Москва, Россия

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Уни-

верситета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦЮПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — проректор Московского гуманитарно-экономического университета по научной работе и международному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственный редактор выпуска:

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — заведующий кафедрой теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)	5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки. 5.1.4. Уголовно-правовые науки. 5.1.5. Международно-правовые науки.
РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 05.06.2023 Объем 22,36 усл. печ. л. (14,15 а. л.), формат 84×108/16 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор Л. А. Мункуева

Корректор А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка Д. А. Беляков

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

№ 4 (104)
2023

Edition
THEORY OF STATE AND LAW

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — Head of the Department of Financial Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Dean of the Law Faculty of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Dufлот & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Assistant of Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Professor, Institute of Law and National Security, RANEPА University; Professor, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index



© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2023

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROMANOVA Victoria Valeryevna — Head of the Department of Energy Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Vice-Rector for Research and International Cooperation of the Moscow University of Humanities and Economics, Dr. Sci. (Political Sciences), Moscow, Russia

Editor-in-Chief of the Issue:

KORNEV Arkady Vladimirovich — Head of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor

The Journal publishes research papers written on scientific specialties of Group 5.1 «Law» (Legal Sciences)	5.1.1. Theory and History of Law. 5.1.2. Public Law and State Law. 5.1.3. Private Law (Civil Law). 5.1.4. Criminal Law. 5.1.5. International Law.	
THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361	
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)	
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year	
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)", 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993	
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru	
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month	
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993	
SIGNED FOR PRINTING	05.06.2023 Volume: 22,36 conventional printer's sheets (14,15 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper	
<i>When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.</i>		
Editor L. A. Munkueva	Proof-reader A. B. Rybakova	Computer layout D. A. Belyakov

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	8
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	10
АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ	
Корнев А. В. Базовые методы истории политических и правовых учений и возможная трансформация объекта юридической науки	26
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Проблемы методологии юридической науки	
Кирдяшова Е. В. К вопросу о междисциплинарном подходе в государственно-правовых исследованиях	41
Матевосова Е. К. Задачи современного правоведения: новая правовая реальность и доктринальные взгляды прошлого	52
Веденеев Ю. А. Культурно-историческая юриспруденция: институты и концепты	59
Онтология права	
Егоров А. А. Соотношение нравственности и права в трудах И. А. Ильина и Г. Ф. Шершеневича: сравнение естественно-правового и нормативистского подходов	70
Быстров А. С., Виноградов С. В. Спор Харта и Дворкина: критический потенциал для отечественной теории права	79
История политических и правовых учений	
Горбань В. С. Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук	91
Жилинская В. С. Зарождение тоталитарных режимов: социальные и психологические факторы	102
Козырева А. Б. Идея единства Российского государства в трудах Ивана Александровича Ильина: философско-правовой аспект (к 100-летию «философского парохода»)	111

Государство, право и общество

- Исаев И. А.**
Народ и суверен: одноразовое соглашение 122
- Петрова Т. В.**
Ценности права и правовые ценности 131
- Шепелев Д. В.**
Юридическая ответственность:
позитивный и негативный аспекты 141
- Головина А. А.**
Квазисубъекты права в современной теории
правоотношений: понятие и перспективы развития в XXI в. 149

Экспертное мнение

- Чечельницкий И. В.**
Понятие и признаки правозащитной деятельности 158
- Барзилова И. С.**
Правовые системы Российской Федерации
и Китайской Народной Республики:
сравнительно-правовой анализ 166
- Танимов О. В.**
Правовая охрана экономического суверенитета России 174

Трибуна молодого ученого

- Минаева А. И., Романов С. А., Филин А. Ю.**
К вопросу о проблеме обеспечения
экономического суверенитета России 183

Право в историческом преломлении

Памятники права

- Сенатский приговор о лишении царедворцев
и офицеров их поместий за неявку
на царские смотры и на службу 192

Юридическое наследие

- В. О. Ключевский**
Русская история: полный курс лекций. Лекция LXXV 193

Постскриптум

- Шпаковский Ю. А.**
Закон есть закон 208

CONTENTS

NOTE TO THE READERS	8
UNIVERSITY CHRONICLE	10
AUTHORITATIVE OPINION	
Kornev A. V. Basic Methods of the History of Political and Legal Doctrines and the Possible Transformation of the Object of Legal Science	26
VECTOR OF LEGAL SCIENCE	
Problems of methodology of legal science	
Kirdyashova E. V. Towards an Interdisciplinary Approach in Public Legal Research	41
Matevosova E. K. The Objectives of Modern Law: New Legal Reality and Scientific Views of the Past	52
Vedeneev Yu. A. Cultural-Historical Jurisprudence: Institutes and Concepts	59
Ontology of law	
Egorov A. A. The Correlation of Morality and Law in the Works of I. A. Ilyin and G. F. Shershenevich: Comparison of Natural Law and Normative Approaches	70
Bystrov A. S., Vinogradov S. V. The “Hart-Dworkin” Debate: Critical Capacity for Russian Legal Theory	79
History of political and legal doctrines	
Gorban V. S. New Historiography of Political and Legal Thought as an Urgent Task of Legal Sciences	91
Zhilinskaya V. S. The Emergence of Totalitarian Regimes: Social and Psychological Factors	102
Kozyreva A. B. Concept of Unified Russian State in Works of Ivan Alexandrovich Ilyin: Philosophical and Legal Considerations (Dedicated to 100 Year Anniversary of Russian Intellectuals’ Exile from the Soviet Russia ‘Philosophy Steamer’)	111
State, law and society	
Isaev I. A. The People and the Sovereign: A One-Time Agreement	122

Petrova T. V.	
Legal Values and Values of Law	131
Shepelev D. V.	
Legal Responsibility: Positive and Negative Aspects	141
Golovina A. A.	
Quasi-Subjects of Law in the Modern Theory of Legal Relations: Concept and Development Prospects in the 21st Century	149
Expert opinion	
Chechelnit'skiy I. V.	
The Concept and Signs of Human Rights Activity	158
Barzilova I. S.	
Legal System of the Russian Federation and the People Republic of China Legal System: Comparative Legal Analysis	166
Tanimov O. V.	
Legal Protection of Russia's Economic Sovereignty	174
YOUNG RESEARCHERS' PERSPECTIVE	
Minaeva A. I., Romanov S. A., Filin A. Yu.	
On the Issue of Ensuring the Economic Sovereignty of Russia	183
LAW IN HISTORICAL REFRACTION	
Legal Monuments	
Senate verdict on the deprivation of courtiers and officers of their estates for failure to appear at royal reviews and service	192
Legal legacy	
Klyuchevsky V. O.	
Russian history: a full course of lectures. Lecture LXXV	193
POSTSCRIPT	
Shpakovsky Yu. G.	
The law is the law	208



Уважаемые читатели!

В этом году у кафедры государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) памятная дата — 70 лет работы в качестве самостоятельного научного подразделения. Приказом Министерства культуры СССР № 1501 от 27 августа 1953 г. кафедра теории и истории государства и права была разделена на две самостоятельные кафедры — истории государства и права и теории государства и права. Этому знаковому событию и посвящен настоящий номер журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», который состоит из материалов, подготовленных в основном профессорско-преподавательским составом кафедры теории государства и права.

За всю историю существования кафедры на ней работали выдающиеся ученые, что всегда позволяло занимать определенную нишу в отечественной юридической науке. И на всем протяжении своей истории кафедра стремилась сохранять лидирующие позиции в науке. Кафедру теории государства и права отличал высокий кадровый потенциал. Профессорско-преподавательский состав готовил фундаментальные учебники по двум базовым дисциплинам — теории государства и права и истории политических и правовых учений.

Вклад ученых кафедры в разработку теоретической науки трудно переоценить. На кафедре созданы и успешно функционируют две научные школы. Одна занимается проблемами совершенствования деятельности государства, другая ориентирована на изучение современного состояния и перспектив развития системы права и системы законодательства.

Кафедра теории государства и права активно участвует в программе стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». В рамках этого стратегического проекта сотрудники результативно проявляют себя в работе центров компетенций «Социоправо» и «Техноправо». Подготовлены основательные аналитические доклады и предложены конкретные мероприятия, направленные на укрепление экономического суверенитета Российской Федерации, обеспечение устойчивого развития страны, совершенствование правовых основ деятельности институтов общества и государства.

Одним из важнейших направлений деятельности кафедры является инновационная юриспруденция. Инновации в правовой сфере могут иметь место в науке, образовании, правовом регулировании и профессии. Право обладает огромным инновационным потенциалом. Мы исходим из того, что основой всякой иннова-



ционной деятельности являются именно теоретические знания, а точнее — их опережающее значение по отношению к компетенциям и знаниям. Эмпирика (действительность) — одновременно почва для построения теоретических моделей и своего рода полигон для их внедрения. Именно несовпадение теоретических постулатов и итогов их реализации является стимулом для развития теории.

В правовой сфере активно развиваются цифровые технологии, что самым серьезным образом сказывается на процессе правотворчества и правореализации. Юридическая наука и практика в связи с внедрением цифровых технологий сталкиваются с неизвестными ранее проблемами, поиск решения которых преимущественно возлагается на теоретические науки. Искусственный интеллект, цифровая среда как предмет правового регулирования, ответственность — это лишь небольшой круг проблемных вопросов, которые нуждаются в теоретическом осмыслении.

Общая теория права и государства имеет методологический статус и должна решать те научные проблемы, которые имеют междисциплинарный характер. Современная юридическая наука нуждается в принципиально иной методологии для получения нового знания, опережающего действительность. В этой связи хорошие перспективы открываются не только у онтологической и гносеологической, но и у прогностической функции теоретической юридической науки.

Назрела необходимость разработки концепции системно-структурного построения российского права. Очевидно, что старые подходы к формированию системы права и системы законодательства уже не работают. Традиционно юристы отталкиваются от предмета правового регулирования, однородных общественных отношений. По всей видимости, необходимо брать за основу проблему, которая, как правило, имеет комплексный характер, т.е. экономический, политический, социальный характер одновременно, и на этой основе выстраивать комплексные правовые общности.

Статьи наших авторов расположены по определенным рубрикам. Они отражают тот спектр научных задач, над решением которых работает профессорско-преподавательский состав кафедры. Теория не знает временных границ. Она одновременно в прошлом, настоящем, а главное — в будущем. В этом ее суть и научная миссия.

А. В. Корнев,

*заведующий кафедрой теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор*

А. Б. Козырева,

*заместитель заведующего кафедрой
теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук*

Важные назначения

Ректор МГЮА Виктор Блажеев избран заместителем председателя Общественного совета при МВД России



Министр внутренних дел Российской Федерации, генерал полиции Российской Федерации Владимир Колокольцев подписал приказ об утверждении нового состава Общественного совета при МВД России. Формирование совещательного органа проведено в соответствии с Указом Президента России от 23 мая 2011 г. № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах».

В Общественный совет при МВД России вошли 36 человек, среди которых известные правозащитники, деятели культуры и искусства, представители традиционных конфессий, средств массовой информации,

образовательных организаций, молодежных и волонтерских объединений. Формирование персонального состава проведено с учетом рекомендаций Общественной палаты Российской Федерации, Совета при Президенте России по развитию гражданского общества и правам человека, общественных структур.

По результатам голосования членов Общественного совета при МВД России его работу в ближайшие три года возглавит известный российский адвокат и правозащитник Анатолий Кучерена. Заместителями председателя избраны ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев и генеральный директор ООО «Мультимедийный информационный центр «Известия»» Владимир Тюлин. Секретарем Совета стал ректор Московского финансово-юридического университета (МФЮА) Алексей Забелин.

Конференции, круглые столы, семинары

X Московский юридический форум «Устойчивое развитие России: правовое измерение»

X Московский международный юридический форум проходил в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) с 6 по 8 апреля 2023 г. Присутствующие стали участниками отраслевых конференций, круглых столов, экспертных площадок,

¹ URL: <https://msal.ru/news/>

для них были подготовлены мастер-классы, выставки, а также презентации, конкурсы и иные мероприятия, среди которых XXII Международная конференция молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права».

Основная задача мероприятий заключалась в организации общения на профессиональной основе известных ученых, практиков и молодых специалистов.

С приветственным словом к участникам форума обратился ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев.

«Выбор темы форума связан не только с международными факторами, но и с необходимостью использования внутреннего потенциала. Последние несколько лет политическая, экономическая системы крайне турбулентны, что находит некоторые правовые проявления. Требуется выработка новой идеологии, в которой будут выстраиваться новые отношения. В рамках форума пройдет 50 сессий, в которых примут участие около двух тысяч человек. Уверен, что в ближайшие дни нас ждут интересные, а главное — плодотворные дискуссии», — подчеркнул ректор МГЮА.

Проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков зачитал приветственный адрес министра науки и высшего образования Российской Федерации Валерия Фалькова, который пожелал участникам форума плодотворной работы, творческих успехов и отметил, что, только неуклонно следуя принципам права, можно решить стоящие перед обществом задачи и обеспечить стабильное, устойчивое, поступательное развитие нашей страны.

На торжественной церемонии открытия X Московского международного юридического форума присутствовал первый заместитель министра юстиции РФ Евгений Забарчук, который пожелал участникам успехов в работе и вручил высшую ведомственную награду Министерства юстиции России — медаль Анатолия Кони — преподавателям Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА): профессору кафедры предпринимательского и корпоративного права Любови Андреевой, профессору кафедры экологического и природоресурсного права Юрию Шпаковскому, профессору кафедры гражданского и административного судопроизводства Наталии Громошиной.

С трибуны форума прозвучало выступление председателя Московской городской Думы Алексея Шапошникова, который отметил: *«Современные условия*





требуют оперативной корректировки действующей правовой базы. Сегодня в центре внимания органов государственной власти Москвы поддержка экономики, бизнеса и социальная помощь участникам специальной военной операции, членам семей мобилизованных москвичей. Надеемся, что предложения, высказанные на форуме, помогут нам в дальнейшей работе».

Ректор Университета прокуратуры РФ, главный ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования России Игорь Мацкевич подчеркнул, что «юристы, правоведы играют крайне важную роль сегодня. Многие коллеги говорят, что надо оставаться вне политики, а я отвечаю — мы никогда не были вне ее, и сейчас мы либо занимаем активную позицию, либо не занимаем никакой. Сейчас то время, когда нам надо задуматься над совершенно новыми подходами и нестандартными решениями».



С докладами по различным аспектам устойчивого развития выступили Михаил Делягин, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по экономической политике, доктор экономических наук, Ирина Рукавишникова, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, Анна Цивилева, председатель Государственного фонда под-

держки участников специальной военной операции «Защитники Отечества», председатель Совета по вопросам попечительства в социальной сфере Кузбасса, и др.

В завершение церемонии открытия с приветственным видеообращением к участникам выступил председатель Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Сергей Кабышев.

7 апреля 2023 г. в рамках форума состоялось открытие XXII Международной конференции молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права». Конференция является одним из самых представительных студенческих юридических мероприятий в России как по числу участников, так и по кругу обсуждаемых правовых проблем.

В рамках форума на многочисленных сессиях активно прорабатывались правовые решения актуальных правовых проблем устойчивого развития.

Так, на секции «Сравнительное правоведение: в поисках общих ценностей» была отмечена общая тенденция изменения иерархии нормативного массива. Она проявляется в том, то наднациональное регулирование уменьшает свое влияние.

Ряд докладов были посвящены сравнительно-правовому анализу регулирования сотрудничества государств в чрезвычайных ситуациях, вопросам информационно-правового следа, проблемам, связанным с признанием государства спонсором терроризма.



Международная научно-практическая конференция «Перспективы легализации семейного предпринимательства» была организована в рамках программы академического стратегического лидерства «Приоритет-2030» кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Центром компетенций «Бизнес-право» при участии Комиссии Ассоциации юристов России по развитию профессиональных компетенций.

Модераторами мероприятия выступили: первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Инна Ершова и доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета Анатолий Левушкин.

В корпусе Университета на набережной Шитова состоялась V бизнес-конференция «Уголовная ответственность руководителей организаций, владельцев бизнеса и участников стартап-проектов», организованная кафедрой уголовного права и НОЦ применения уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

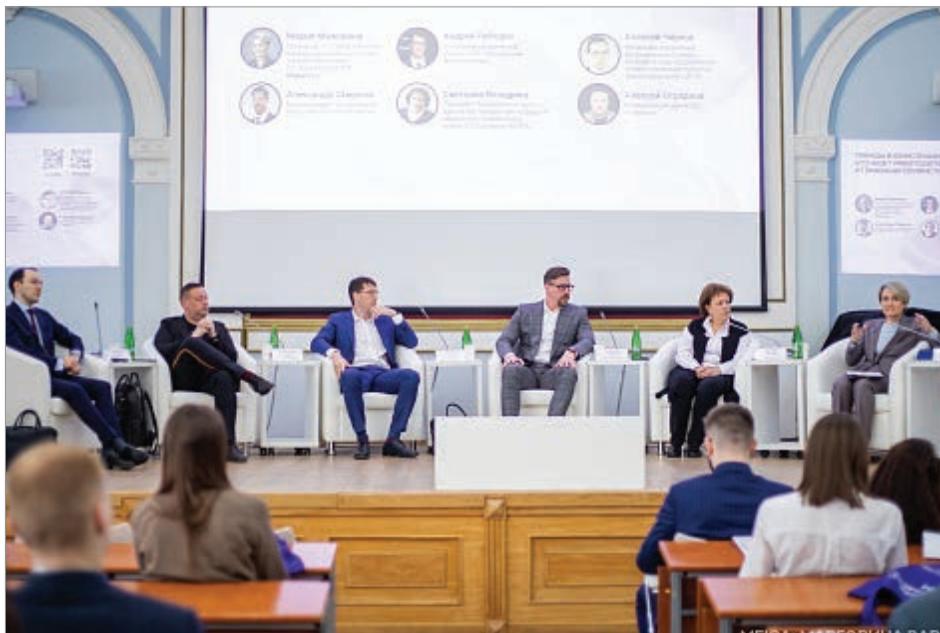
В качестве спикеров и экспертов выступили профессора кафедры уголовного права, представители МВД России и Генеральной прокуратуры, судьи, адвокаты и другие правоприменители.



I Карьерный юридический форум

17 апреля 2023 г. в стенах Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошло торжественное открытие I Карьерного юридического форума. С приветственным словом к участникам обратилась проректор по стратегическому и международному развитию МГЮА Мария Мажорина:





«Карьерный юридический форум — это более пятидесяти экспертов, которые поделятся с вами своими знаниями, историями успеха. И открою вам маленький секрет. Мы разговаривали с нашими спикерами, и наши уважаемые гости всегда задавали вопрос, в чем же повестка Карьерного юридического форума. А я всегда отвечала на этот вопрос: “Пожалуйста, расскажите нашим студентам, как очень быстро занять ваше место”. Форум — это место, где встречаются успешные с начинающими и передают свой опыт».

В день открытия форума была проведена пленарная сессия на тему «Тренды в юриспруденции: что ждет работодатель от (будущего) юриста», где обсуждались качества, которые необходимо развивать юристу будущего для успешной карьеры. В ней приняли участие вице-президент по правовым вопросам ПАО «Ростелеком» Александр Смирнов, президент Федеральной палаты адвокатов, заведующий кафедрой адвокатуры Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Светлана Володина, начальник юридической службы ГУП «Московский метрополитен» Андрей Лебедев, начальник Управления регулирования Службы по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг Центрального банка РФ Алексей Чирков, коммерческий директор «Право.ру» Алексей Отрадных.

XIV Международный форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности»

21 апреля 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) при поддержке Россотрудничества состоялся XIV Международный форум «Инновационное раз-

витие через рынок интеллектуальной собственности». Форум прошел в рамках программы 300-летия Российской академии наук. В мероприятии приняли участие свыше 220 участников из 14 стран мира. На форуме были заявлены представители от 9 международных и межгосударственных органов и организаций, 6 государственных академий наук, 35 академических институтов и ведущих вузов, 13 министерств и ведомств, Центрального банка, Счетной палаты, Генеральной прокуратуры и Следственного комитета России, Верховного Суда РФ, более 60 предприятий и организаций от основных интегрированных структур из 44 регионов России.

С приветственным словом к участникам форума обратились генеральный секретарь ШОС Чжан Мин; председатель Ассоциации юристов России Сергей Степашин; заместитель председателя Суда ЕАЭС Константин Чайка, первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Инна Ершова.

В адрес организаторов и участников форума поступили также приветствия президента РАН Геннадия Красникова, президента НАН Кыргызской Республики Каната Абдрахматова, председателя Суда ЕАЭС Эрны Айриян, Постоянного комитета Союзного государства и Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

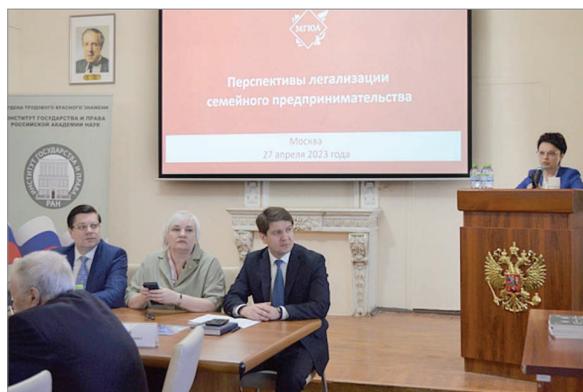
На пленарном и шести сессионных заседаниях форума было представлено более 70 докладов, центральной темой которых стало обсуждение проблем гармонизации законодательства, коммерциализации интеллектуальной собственности и ее правовой защиты и механизмов их решения в целях обеспечения технологического суверенитета и национальной конкурентоспособности на путях евразийской интеграции в рамках большого Евразийского партнерства как нового центра миропорядка в многополярном мире.



Лаптевские чтения — 2023 в Институте государства и права РАН

27 апреля 2023 г. в Институте государства и права РАН состоялась V Международная научно-практическая конференция «Проблемы развития и перспективы предпринимательского права в современных экономических условиях» (Лаптевские чтения — 2023), посвященная памяти академика РАН Владимира Викторовича Лаптева.

С приветственным словом к участникам мероприятия обратились и.о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН, доктор юридических наук,





член-корреспондент РАН Андрей Габов и первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, доктор юридических наук, профессор Инна Ершова.

Инна Ершова обозначила вклад академика РАН Владимира Лаптева в формирование современного механизма правового регулирования экономических отношений, акцентировав внимание на концепции правосубъектности, разработанной Владимиром Лаптевым.

В докладе «Перспективы легализации семейного предпринимательства» Инна Ершова представила обзор законодательных инициатив в данной сфере, изложила свое видение возможных моделей правового регулирования семейного бизнеса, в том числе отметила, что кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» реализуется проект «Семейное и женское предпринимательство», целью которого является разработка доктрины правового обеспечения семейного бизнеса.

В заключение профессор Инна Ершова подчеркнула: *«Мы являемся свидетелями все большей дифференциации субъектов малого предпринимательства. Вслед за появлением в законе категории “социальное предприятие” ожидается легализация понятия “семейное предприятие”. Безусловно, данный феномен требует научного осмысления с целью выработки эффективного механизма правового регулирования».*

На конференции выступили представители МГЮА: заведующий кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, профессор Евгений Вавилин, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права, судья

Арбитражного суда города Москвы, доктор юридических наук Василий Лаптев, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права, доктор юридических наук Игорь Дойников и др.

II Международный междисциплинарный конгресс «Актуальные проблемы международного частного права»

25—26 апреля 2023 г. в стенах Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошел II Международный междисциплинарный конгресс «Актуальные проблемы международного частного права» (Private International Law Issues). Организатором Конгресса выступила кафедра международного частного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Мероприятие было проведено в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

В течение двух дней участники побывали на форум-сессии и панельной дискуссии, сделали доклады на секциях, приняли участие в дебатах.

С приветственным словом выступили проректор по международному и стратегическому развитию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Мажорина, заведующий кафедрой международного частного права МГЮА Владимир Канашевский, председатель Суда Евразийского экономического союза Эрнэ Айриян, судья Суда Евразийского экономического союза Айжамал Ажибраимова.



Развитие Университета

МГЮА и Московская академия Следственного комитета РФ подписали соглашение о сотрудничестве

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась торжественная церемония подписания соглашения о сотрудничестве Университета с Московской академией Следственного комитета РФ, в которой приняли участие их ректоры — Виктор Блажеев и Алексей Бессонов.

Было отмечено, что между Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Московской академией Следственного комитета РФ на протяжении многих лет формируются крепкие горизонтальные связи, а подписание соглашения создаст фундамент для еще более активного взаимодействия по



самым разным направлениям — не только в области науки, но и в сфере образования и молодежной политики.



Подписано соглашение о сотрудничестве с Ассамблеей народов Евразии

27 апреля 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось подписание договора о сотрудничестве с Международным союзом неправительственных организаций «Ассамблея народов Евразии». Соглашение подписали ректор Университета Виктор Блажеев и генеральный секретарь Международного союза неправительственных организаций «Ассамблея народов Евразии» Андрей Бельянинов.

Со стороны Университета в церемонии подписания также участвовали первый проректор МГЮА Инна Ершова, проректор по образовательной деятельности МГЮА Наталья Софийчук, помощник проректора по научно-исследовательской деятельности МГЮА Мария Егорова, директор Научно-исследовательского института МГЮА Олег Кудряшов. Со стороны Международного союза неправительственных организаций «Ассамблея народов Евразии» в состав делегации также вошли заместитель генерального секретаря Юлия Петрова и заместитель руководителя генерального секретариата Лариса Трунина.

Стороны договорились о реализации совместных международных, научных и образовательных проектов.



В МГЮА обсудили сотрудничество с Единым институтом пространственного планирования РФ



26 апреля 2023 г. в Университете прошла встреча работников Единого научно-исследовательского и проектного института пространственного планирования Российской Федерации с проректором по образовательной деятельности МГЮА, кандидатом юридических наук Натальей Софийчук и представителями кафедры экологического и природоресурсного права.

От Института пространственного планирования во встрече участвовали советник директора Эдгар Елизаров, начальник Правового управления Маргарита

Подъюсова и руководитель группы подбора и адаптации персонала Управления кадровой политики Виктория Шурупова.

От кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) во встрече приняли участие доктор юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой Вячеслав Агафонов; кандидат юридических наук, доцент, научный руководитель магистерской программы «Градостроительное право» Ольга Романова.

Заседание комиссий, экспертных советов

Всероссийское координационное совещание руководителей диссертационных советов по праву и политологии

25 апреля 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошло Всероссийское координационное совещание руководителей диссертационных советов по праву и политологии.

Организаторами совещания выступили Департамент аттестации научных и научно-педагогических работников Министерства науки и высшего образования РФ, Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования РФ, Экспертный совет Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ по праву и политологии.

Модератором совещания выступила председатель Экспертного совета ВАК при Минобрнауки России по праву и политологии, заведующий кафедрой финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елена Грачева.

С приветственным словом к участникам обратились ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев и заведующий кафедрой конституционного права МГИМО (У) МИД России, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Владислав Гриб.

Одной из важнейших тем совещания стал переход к новой модели государственной научной аттестации. С докладом по этой теме выступил директор Департамента аттестации научных и научно-педагогических работников Минобрнауки РФ Сергей Пахомов.

С докладом на тему «Актуальные вопросы научной экспертизы диссертационных правовых исследований» выступила председатель Экспертного совета ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ по праву и политологии, заведующий кафедрой финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елена Грачева.



Игорь Мацкевич, главный ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки РФ, ректор Университета прокуратуры РФ, представил доклад на тему «О новых требованиях к членам диссертационных советов».

Также выступили члены Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки РФ: Илья Кучеров, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Андрей Габов, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; Наталья Шевелева, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; Николай Черногор, заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Аркадий Корнев, заведующий кафедрой теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); Дамир Валеев, заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета; Василий Белозеров, заведующий кафедрой политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета и др.

Заседание Экспертной комиссии Межведомственного совета по присуждению премий Правительства Российской Федерации в области образования



12 апреля 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось заседание Экспертной комиссии по инновационным разработкам в сфере образования и осуществления профессиональной педагогической деятельности Межведомственного совета по присуждению премий Правительства Российской Федерации в области образования под руководством ректора Университета Виктора Блажеева.

В мероприятии также приняли участие президент Российской академии образования Ольга Васильева, ректор Белгородского государственного технического университета имени В. Г. Шухова Сергей Глаголев, научный руководитель Института стратегии развития образования Российской академии образования Светлана Иванова, ректор Псковского государственного университета Наталья Ильина, и.о. обязанности академика-секретаря отделения философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования Михаил Левицкий, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета Игорь Максимцев, ректор Московского политехнического университета Владимир Миклушевский, заместитель президента Российской академии наук Михаил Пальцев, президент Российского государственного гуманитарного университета Ефим Пивовар, президент Московского государственного психолого-педагогического университета Виталий Рубцов, президент МИРЭА — Российского технологического университета Александр Сигов, ректор Государственного университета

Иванова, ректор Псковского государственного университета Наталья Ильина, и.о. обязанности академика-секретаря отделения философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования Михаил Левицкий, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета Игорь Максимцев, ректор Московского политехнического университета Владимир Миклушевский, заместитель президента Российской академии наук Михаил Пальцев, президент Российского государственного гуманитарного университета Ефим Пивовар, президент Московского государственного психолого-педагогического университета Виталий Рубцов, президент МИРЭА — Российского технологического университета Александр Сигов, ректор Государственного университета

управления Владимир Строев, ректор Университета МИСИС Алевтина Черникова, проректор по молодежной политике Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Александр Чанышев и заведующий кафедрой физического воспитания Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Николай Чесноков.

В ходе заседания были утверждены кураторы и эксперты по каждой из представленных работ.

26 апреля 2023 г. в Университете состоялось второе заседание Экспертной комиссии по инновационным разработкам в сфере образования и осуществления профессиональной педагогической деятельности Межведомственного совета по присуждению премий Правительства Российской Федерации в области образования под председательством ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктора Блажеева.

На заседании были определены соискатели, рекомендуемые к премированию.



Заседание Экспертного совета по устойчивому развитию и зеленому финансированию Комитета Государственной Думы РФ по финансовому рынку

13 апреля 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось заседание Экспертного совета по устойчивому развитию и зеленому финансированию Комитета Государственной Думы РФ по финансовому рынку под руководством председателя Экспертного совета, депутата Государственной Думы Владимира Сенина.

С приветственным словом к участникам обратилась проректор по стратегическому и международному развитию, руководитель Центра компетенции «Право устойчивого развития. ESG-стандарты» Мария Мажорина.

На заседании присутствовали представители Банка России, ГК «ВЭБ РФ», заинтересованных министерств и ведомств, АО «Московская биржа», Объединенной компании «РУСАЛ», Национального ESG-альянса, а также рейтинговых агентств, аналитических центров, крупнейших кредитных организаций, научного и экспертного сообщества, в том числе заместитель заведующего кафедрой банковского права, кандидат юридических наук, доцент Михеева Ирина и доктор юридических наук, профессор кафедры банковского права Диана Алексеева (члены Экспертного совета).

Обсуждались критерии (таксономия) социальных проектов в Российской Федерации, методология ESG-рейтингов (доклад Банка России), правила формирования методологической базы национального оператора углеродных единиц АО



«Контур», а также вопросы исламского банковского инвестирования в контексте национального ESG.

Международное сотрудничество

Встреча с советником по делам образования Посольства Китая в России



11 апреля 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась встреча проректора по стратегическому и международному развитию Марии Мажориной с советником по делам образования Посольства Китая в России Цзян Чжуйляном. На встрече также присутствовали заместитель директора Центра международного сотрудничества МГЮА Артем Евстифеев и секретари посольства Китая в России Цай Хуэй и Ба Юйсинь.

На встрече обсуждались вопросы развития сотрудничества в таких приоритетных областях, как морское, экологическое, энергетическое, информационное право и право интеллектуальной собственности.

Стороны договорились продолжить взаимодействие по налаживанию сотрудничества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) с потенциальными партнерскими вузами и школами Китайской Народной Республики.

Встреча с советником-посланником Посольства Республики Южная Осетия в России



13 апреля 2023 г. в Университете состоялась встреча проректора по стратегическому и международному развитию Марии Мажориной с советником-посланником Посольства Республики Южная Осетия в России Зарой Валиевой. На встрече также присутствовали заместитель директора Центра международного сотрудничества МГЮА Артем Евстифеев, начальник отдела по работе с иностранными обучающимися Марина Бигаева и второй секретарь Посольства Республики Южная Осетия в России Елена Кокоева.

На встрече обсуждались вопросы сотрудничества в приоритетных областях развития дополнительного образования и углубления межвузовского взаимодействия. Стороны договорились продолжить взаимодействие по налаживанию

сотрудничества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) с потенциальными партнерскими вузами и школами Республики Южная Осетия.

Заседание Комиссии по международным делам и научному сотрудничеству Московского отделения Ассоциации юристов России

3 апреля 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошло заседание Комиссии по международным делам и научному сотрудничеству Московского отделения Ассоциации юристов России при поддержке Университета и Российского совета по международным делам (РСМД).

В ходе заседания участники обсудили вопросы об основных направлениях работы Комиссии, новые и перспективные форматы образовательного и научного взаимодействия с КНР, образовательные проекты в сфере интеллектуальной собственности на евразийском пространстве, перспективы расширения российско-латиноамериканских межуниверситетских связей в новых условиях, стратегии продвижения российских университетов в зарубежном Интернете в новых условиях.

В работе комиссии приняли участие: председатель Комиссии по международным делам и научному сотрудничеству Московского отделения Ассоциации юристов России, профессор кафедры конкурентного права МГЮА, сопresident Международного союза юристов и экономистов (Франция), член РСМД Мария Егорова, генеральный директор РСМД Иван Тимофеев, директор Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, член РСМД Алексей Маслов, президент Евразийского патентного ведомства, кандидат юридических наук, доцент Григорий Ивлиев, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по экономической политике, кандидат юридических наук Артем Кирьянов, заместитель директора Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН по науке, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН Станислав Жуков, директор Центра международного права, директор Управления международного сотрудничества и обмена Китайского университета политологии и права (CUPL) Ли Цзюйцян и др.

В мероприятии также приняли участие члены комиссии, представители дипломатического и академического сообществ России, Индии, Китая, Италии, Франции и Бразилии.



Мероприятия ректората

Заседание Ученого совета



24 апреля 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось очередное заседание Ученого совета. В рамках мероприятия коллектив Университета принял решения по текущим кадровым вопросам и деятельности внутренних подразделений.

С вступительным словом к членам Ученого совета обратился ректор МГЮА Виктор Блажеев. Он традиционно зачитал поздравления в адрес юбиляров прошедшего месяца и объявил о других наградах, полученных профессорско-преподавательским составом и обучающимися.

Также ректор МГЮА Виктор Блажеев наградил почетной грамотой Министерства науки и высшего образования РФ кандидата юридических наук, доцента кафедры конституционного и муниципального права Сергея Заикина и доктора юридических наук, профессора кафедры конституционного и муниципального права Алексея Осавелюка.

На заседании Ученого совета также была торжественно вручена награда за победу в Международном конкурсе по ведению переговоров для студентов-юристов International Negotiation Competition for Law Students (INC-Russia 2023) студенту 3-го курса Института частного права Анастасии Писаревой и студенту 2-го курса Международно-правового института Алине Хисамутдиновой. Помимо этого, награды были вручены студенческим командам МГЮА.

Заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Валентина Комарова выступила с научным докладом «Актуальные проблемы конституционного и муниципального права».

Научный руководитель Научно-исследовательского института МГЮА Наталья Соколова подвела итоги X Московского международного юридического форума и отметила, что в этом году в мероприятии приняло участие более 2 000 человек.

Проректор по стратегическому и международному развитию Мария Мажорина доложила собравшимся о реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

В заключительной части заседания Ученого совета были заслушаны отчеты аспирантов и докторантов Университета.

Конкурсы

Конкурс «Мистер и Фемида МГЮА 2023»

21 апреля 2023 г. в Большом концертном зале РТУ МИРЭА состоялся финал конкурса «Мистер и Фемида МГЮА 2023». Мероприятие направлено на раскрытие творческого потенциала студентов и выявление самых творческих и талантливых личностей.

По итогам длительной подготовки и всех конкурсных этапов стали известны результаты:

«Фемида МГЮА 2023» — Ксения Картопольцева (5-й курс ИСЭ);

«Мистер МГЮА 2023» — Константин Кузьмин (3-й курс ИППУ);

«Вице-Фемида МГЮА 2023» — Анастасия Верткова (1-й курс ИП);

«Вице-Мистер МГЮА 2023» — Даниил Слепченко (1-й курс ИЧП);

Приз зрительских симпатий МГЮА 2023 получили Софья Артюх (2-й курс ВШП) и Александр Степанов (1-й курс ИБП).





**Аркадий Владимирович
КОРНЕВ,**
заведующий кафедрой
теории государства и
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
avkornev@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Базовые методы истории политических и правовых учений и возможная трансформация объекта юридической науки¹

Аннотация. В настоящей статье показано значение методологии истории политических и правовых учений, приводится характеристика базовых (основных) методов, иллюстрируются их познавательные возможности. При этом делается акцент на то, что каждое учение имеет методологическое основание, и это в некоторой степени позволяет оценивать содержание доктрин и реальные возможности их внедрения в практику государственно-правового строительства. Показано значение истории политических и правовых учений в настоящий период, когда особенно обострилось идеологическое противостояние, за которым стоит несоответствие интересов глобальных политических игроков. Методы позволяют изучать реальность и не только политико-правовую. Последняя, как представляется, является частью более широкого явления, которое условно можно назвать социальностью. В настоящее время в научный оборот прочно вошла такая категория, как техно-социальная сфера (система). Синтез природной, социальной, технологических систем представляет собой пример трансформации предметной области юридической науки и как следствие, междисциплинарности научных исследований.

Ключевые слова: государство, доктрина, идеология, история, методология, метод, наука, право, политика, технологии, учение.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.026-040

Arkady V. KORNEV,

Head of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Dr. Sci. (Law), Professor

avkornev@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Basic Methods of the History of Political and Legal Doctrines and the Possible Transformation of the Object of Legal Science

Abstract. This article shows the importance of the methodology of the history of political and legal doctrines, characterizes the basic (basic) methods, and illustrates their cognitive capabilities. At the same time, the emphasis is placed on the fact that each doctrine has a methodological basis, which to

¹ Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

some extent allows us to evaluate the content of the doctrines and the real possibilities of their implementation in the practice of state-legal construction. The importance of the history of political and legal doctrines is shown in the present period, when the ideological confrontation has become especially aggravated, behind which there is a discrepancy between the interests of global political players. Methods make it possible to study reality and not only political and legal. It seems that it is part of a broader phenomenon, which can be conditionally called sociality. At present, such a category as the techno-social sphere (system) has firmly entered the scientific circulation. The synthesis of natural, social, technological systems is an example of the transformation of the subject area of legal science, and as a result, the interdisciplinarity of scientific research.

Keywords: state, doctrine, ideology, history, methodology, method, science, law, politics, technology, doctrine.

История политических и правовых учений относится к теоретико-историческим правовым наукам и учебным дисциплинам. В настоящее время в силу известных причин возрастает роль изучения истории вообще, а не только истории политических и правовых учений. Современный мир без всякого преувеличения являет собой арену бескомпромиссных столкновений различных идеологий. В нашей стране по неведомым причинам под флагом «идеологического плюрализма» фактически насаждалась одномерная интерпретация современности, и в особенности истории.

По всей видимости, в действительности может быть много «отраслевых» историй, поскольку каждая наука имеет «свою» собственную историю. История любой науки так или иначе связана с методологией. Более того, зарождение и эволюция конкретной науки есть история ее методологии.

Значение методологического инструментария трудно переоценить. Исследователь, определившись с объектом и предметом изучения, должен тщательно подобрать методологические приемы изучения тех вопросов, которые стоят перед ним.

В истории политических и правовых учений, как следует из названия, первичным элементом является учение, которое следует расценивать как один из продуктов теоретического (научного) освоения каких-либо проблем. Отличие данной науки и учебной дисциплины состоит в том, что эти учения уже созданы. Они живут своей, как бы отдельной, жизнью. Одни учения перестают быть актуальными, другие возникают. В истории политических и правовых учений, несмотря на обилие имен и школ, по сути, не так уж и много фундаментальных доктрин. Однажды став частью политико-правовой действительности, они оказывают на нее влияние. В той или иной степени.

Методологические проблемы конкретно истории политических и правовых учений занимают особое место в структуре данного направления научного знания. Метод (методы) можно рассматривать с двух сторон. Так, мыслители прошлых эпох, даже если они не особенно тщательно относились к своей методологической ориентации, тем не менее формировали свое, авторское понимание правовых и политических институтов.



Для исследователей последующих эпох и исторических периодов метод, методология в целом как бы принимают усложненный характер. Можно провести известную параллель со школой глоссаторов и постглоссаторов в Болонском университете. Если глоссаторы изучали и комментировали различные источники римского права, то уже постглоссаторы в основном комментировали глоссаторов. Они были своего рода «комментаторами комментаторов». Что-то подобное наблюдается и в данном случае.

Исследователю политических и правовых учений нужно, во-первых, определиться с методологической платформой, на которой стоял создатель того или иного учения, и, во-вторых, самому выбрать методы, которые предстоит использовать при изучении политических и правовых доктрин. А это очень непростая задача.

Настоящая статья нацелена на оказание определенной методологической помощи исследователям правовых и политических идей. Исследовать методологические вопросы — занятие не очень благодарное и рискованное. Обычно ученые делают выбор в пользу прикладных, практических проблем. Реже предпочитают решать теоретические задачи. Еще реже берутся за проблемы методологии. Но что объединяет практически всех авторов, так это отсутствие должного внимания как раз к методологическим проблемам своего исследования. Так сложилось, что авторы сначала пишут текст, а уже потом описывают якобы использованную методологию. Однако надо понимать, что текст не может претендовать на научное исследование, если не задействован адекватный объекту и предмету методологический инструментарий.

Методология занимает важное место в когнитивной (познавательной) структуре. Исследователи политических и правовых учений имеют дело не с институтами в виде государства и права (их уже исследовали до них), а с текстами. Обобщая, можно сказать, что книги и есть то, что изучает историк идей. Работа с текстами имеет свою специфику, как и изучение природных, социальных, технических, а теперь уже и виртуальных явлений.

Тексты делают люди. С этим трудно спорить. Но есть и другая сторона медали. «Человек есть продукт своего чтения» (И. Бродский). Прекрасная мысль. Политические и правовые тексты формируют не просто людей, но и реальность. Не только политико-правовую. Но и вообще. Проблему государства и права не миновал ни один мыслитель. Мотив их деятельности — желание познать природу этих институтов и на этой основе предложить более совершенную модель. Конечно, право, государство рассматривали и как инструменты реализации своих политических устремлений. В истории это было. И, по всей видимости, будет.

Освоение методологических приемов исследования помогает глубже проникать в суть права и государства. В этом состоит значение методологии, на основе которой должно строиться любое исследование в области истории политических и правовых учений.

Прежде чем характеризовать основные методы истории политических и правовых учений, хотелось бы подчеркнуть хронологический аспект данного вопроса. История любой науки предполагает рассматривать и эволюцию методов исследования, которые данная наука применяет.

Хронология предполагает и определенную периодизацию. Историю политических и правовых учений традиционно делили следующим образом: история

политических и правовых учений Древнего мира; история политических и правовых учений Средних веков; история политических и правовых учений Нового и Новейшего времени. Мы уже третий десяток лет живем в третьем тысячелетии. Давно ставится вопрос о некотором пересмотре исторических, хронологических рамок. Средние века, как считают некоторые историки, нуждаются в некоторой временной «корректировке».

В конце XX в., а если быть более точным, то с 1985 по 1995 г. в издательстве «Наука» под редакцией В. С. Нерсесянца вышли пять коллективных монографий, которые охватили весь период эволюции политико-правовой мысли. Первые две отразили политическую и правовую мысль Древнего мира; а также Средних веков и Возрождения. А три последующие охватывали XVII—XVIII; XIX и XX вв.

Однако была и другая периодизация. И, что особенно важно, она имела под собой не только хронологическое, идеологическое, но прежде всего методологическое обоснование.

Своеобразным водоразделом истории политических и правовых учений послужило формирование и развитие марксистского политического и правового учения. Хотя в каком-то смысле более правильно именовать его историческим материализмом. В некоторых изданиях советского периода содержатся и более детализированные характеристики — материалистически трактуемый диалектический историзм. Разумеется, имелись в виду работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. К ним мы еще вернемся. Пока лишь отметим, что методологическая составляющая в истории политических и правовых учений актуализируется по мере возрастания их «научности». Кавычки использованы только для того, чтобы подчеркнуть существенный момент, а именно: четкого водораздела между собственно научным и ненаучным знанием не существует. Особенно в политико-правовой области.

Так, формирование и развитие марксистского политического и правового учения квалифицировали не иначе как революцию в политических и правовых учениях. Другой вопрос — насколько имелись для этого основания.

То, что принято считать основными методами изучения истории политических и правовых учений, таковыми стали не вдруг, а по мере развития данной области научного знания и ее методологии. В роли «основных» методов долгое время выступали исторический метод и логический метод, которые дополняли друг друга.

Если обратиться к отечественной истории политической и правовой мысли, то придется констатировать совсем уж малый интерес к методологической составляющей дореволюционной юридической науки. Тем не менее у нас нет оснований говорить о полном отсутствии интереса к методологии в то время.

Г. Ф. Шершеневич в своем двухтомнике «Общая теория права» (1911 г.) главу XIII назвал «Методология юридических наук». В ней он говорит, что методы, которые использует конкретная наука, зависят от тех задач, которые она решает. Разработку проблем методологии всех юридических наук он возлагает на общую теорию права. При этом ставит неутешительный методологический диагноз: «...неразработанность юридической методологии обусловливается крайней отсталостью той юридической науки, на обязанности которой лежит разработка общих теоретических вопросов, именно общей теории права»².

² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911. Т. 1 : Часть теоретическая. С. 49.



Любопытно, что правоведение Г. Ф. Шершеневич включил в группу социальных наук. Большая часть дореволюционных юристов политические и правовые учения рассматривали в рамках философии права. Пятитомное издание Б. Н. Чичерина «История политических учений» выпадает из общепринятого тогда подхода. К слову сказать, в настоящее время юридические науки снова стали частью социальных наук.

Г. Ф. Шершеневич обращает особое внимание именно на исторический метод: «Философия права превращается в теорию права, которая получает название общей, чтобы отличить ее от тех теорий, которые создаются в пределах специальных юридических наук. На основании только исторического материала, философия права должна выяснить, что такое вообще право, независимо от изменчивого его содержания, что такое государство вне разнообразия действительных форм его существования, каковы источники права, каковы методы разработки норм права»³.

Однако из всех дореволюционных авторов более всего обращался к историческому и логическому методу, а главное — к диалектической взаимосвязи между ними, М. М. Ковалевский, хотя он предпочитал обращаться к конкретным идеям и проблемам⁴.

Таким образом, сочетание исторического и логического методов было заложено еще дореволюционной юридической наукой и получило свое развитие в советский и постсоветский период.

Суть этих методов состоит в том, что они являются не просто основными, не только находятся в состоянии взаимодополняемости. В определенной степени оба этих метода как бы объективируются и в других методах, которые используются в современной истории политических и правовых учений.

Можно сказать, что сочетание исторического и логического методов формирует и способы изложения учений: «В свете диалектической взаимосвязи логического и исторического, а также с учетом совмещения в истории политических и правовых теоретического и исторического профилей исследования освещение материала в данной дисциплине проводится на основе сочетания хронологического и проблемно-категориального способов и приемов изложения»⁵.

Объем знаний все возрастает. И, как считал Д. А. Керимов, это обстоятельство повышает требования к точности, строгости, логической последовательности научного мышления, а это с необходимостью предполагает изучение самого познавательного процесса: «Этой цели и служит методология, которая есть мышление, обращенное во внутрь себя. Она выступает в качестве “обратной логики”, благодаря которой совершенствуется познавательная логика и организация исследовательского процесса, отрабатывается ее инструментарий».

Чаще всего логику квалифицируют в качестве науки о мышлении. В этом контексте особенно любопытны следующие рассуждения Д. А. Керимова:

³ Шершеневич Г. Ф. Философия права // Общая теория права. С. 39—40.

⁴ Ковалевский М. М. История монархии и монархических доктрин : курс лекций. М., 1912 ; Он же. Демократия и ее политическая доктрина : курс лекций. СПб., 1913 ; Он же. История аристократии : курс лекций. СПб., 1914.

⁵ История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. М. : Юрид. лит., 1988. С. 15.

«Методологическое мышление призвано превращать объективное в субъективное, познание в познанное, реальные объекты, явления, процессы в их осознанные образы. Тем самым открываются возможности для преобразования изучаемых объектов, явлений и процессов в их же «вторую природу»»⁶.

Это вполне отвечает содержанию и «статусу» истории политических и правовых учений. Дело в том, что мыслители прошлого, да и современные авторы, берутся, как правило, только за те вопросы и категории, которые имеют проблемный характер. Ведь что такое государство как объект анализа? Не будет преувеличением сказать, что это целый «космос». Иными словами, это сложнейший институт, который сформировался в процессе эволюции общества в силу определенных закономерностей. И его нужно рассматривать как некоторое движение. Государство как политический и правовой институт постоянно развивается. Во времена Платона, Макиавелли и сейчас понятие государства может быть общим только в том смысле, что оно представляет собой организацию власти. Если рассматривать его в иных аспектах, то совпадений практически не обнаружим.

То же самое мы можем утверждать и в отношении права. Оно в еще большей степени меняется, нежели государство. Появляются все новые и новые отношения, которые нуждаются в правовом регулировании. И наоборот, некоторые отношения уже перестают быть предметом регулятивного воздействия. Однако таких отношений на фоне «новых» значительно меньше.

Таким образом, именно проблемный характер политических и правовых институтов совершенно естественным образом опирается на исторический подход (метод), поскольку теоретизировать проблему можно только на определенном историческом материале, политико-правовом опыте, и никак не иначе.

Хотя историю политических и правовых учений обоснованно считают историей теории государства и права, есть определенные нюансы в их методологии.

Мы исходим из того, что никакого методологического единства нет и быть не может. Тем не менее исследователи нередко просто механически соединяют методы, которые в общем-то плохо сочетаются друг с другом. И на этот факт совершенно обоснованно обратил внимание В. М. Сырых: «Каждый метод разрабатывается применительно к определенным познавательным процедурам и исключает применение методов, способов, используемых для решения иных познавательных задач. Аналитическая деятельность, например, противостоит синтезу, а формально-логический метод толкования права — конкретно-социологическому или сравнительно-правовому, методы сбора и обобщения эмпирических фактов — методам абстрагирования, восхождения от абстрактного к конкретному»⁷.

Совершенно очевидно, что применительно к теории права и государства можно вполне обоснованно предъявлять претензии в части соблюдения определенной «методологической строгости». От этой отрасли научного юридического знания можно требовать обоснованности полученных результатов. А это во многом обеспечивается тщательно подобранными методами исследования.

В истории политических и правовых учений дело обстоит несколько иначе. О какой научной доказательности мы можем говорить применительно к правовым

⁶ Керимов Д. А. Избранные произведения : в 3 т. М. : Академия, 2007. Т. 1. С. XIII—XIV.

⁷ Сырых В. М. Материалистическая теория права // Избранное. М. : РАП, 2011. С. 287.



взглядам, допустим, Фомы Аквинского? Тем не менее его наследие объявлено едва ли не истиной в последней инстанции в рамках католической богословской традиции.

Наряду с общенаучными, история политических и правовых учений имеет свои, только ей присущие методы исследования. В качестве таковых можно назвать:

- хронологический;
- проблемно-теоретический;
- портретный;
- страноведческий.

Все учебные издания, которые выходили до настоящего времени, фактически строились на обозначенных выше подходах. Хотя могут быть и другие. К примеру, издание можно посвятить проблеме демократии. Она будет сквозной и обязательно должна затрагивать те сферы, которые непосредственно порождают данный политико-правовой режим. Это, прежде всего, география и господствующий способ производства и воспроизводства форм социальной жизни. В этой связи абсолютно справедливо подмечено: «Торговля и порожденная ею демократия, стали брать вверх над земледелием и аристократией. Таков общий закон гражданского развития. Живя обособленной жизнью, государство опирается на земледелие. Вступая в отношения с соседями, оно должно отдавать предпочтение торговле. Торговые страны всегда были демократическими республиками»⁸.

В качестве специфического можно также указать контекстный метод исследования. С более широких позиций уместно обратить внимание на системный подход, который уже выходит за рамки контекстного и используется фактически во всех науках. Специфическим методом является ценностный (праксеологический) подход к изучению политических идей⁹.

Соглашаясь в принципе с такой позицией, хотелось бы сделать и некоторые оговорки. Ценностный (праксеологический) метод назван подходом. И для этого есть все основания. То же самое можно сказать и в отношении хронологического, проблемно-теоретического, портретного и страноведческого методов.

По большому счету, это не методы, а подходы. Есть ли между ними разница? И да, и нет. Взять, к примеру, хронологический метод. Вероятно, никакими инструментально-научными характеристиками он не обладает. Сам по себе он не может выступать научным, методологически познавательным инструментом.

Или портретный метод. Он основан на изучении индивидуальных, присущих только конкретному мыслителю взглядов на право и государство. Они могут быть начисто лишены научного содержания.

Но на эту проблему, т.е. «метод-подход», можно посмотреть и с другой стороны. Восприятие государственно-правовых институтов как нечто меняющееся во времени, в котором необходимо выявить что-то постоянное, в известной степени можно назвать методом.

Вновь обратимся к этому же источнику: «Признавая актуальность вопроса о частных и специфических методах исследований применительно к истории

⁸ Летон Х. Греция. Полная история. М., 2022. С. 92.

⁹ История политических и правовых учений / под ред. В. В. Лазарева. М.: Высшее образование, 2008. С. 24.

политических учений, необходимо, тем не менее, сосредоточить внимание на основных требованиях общих методов. Самыми всеобщими являются четыре: материалистический и идеалистический; метафизический и диалектический методы»¹⁰.

Методы в истории политических и правовых учений, нацелены прежде всего на то, чтобы объяснить содержание идей, а не оценить их научную состоятельность. Разумеется, такая задача отнюдь не исключается.

Прекрасно осознавая дискуссионность положения, рискнем предположить, что основным в истории политических и правовых учений следует признать всеобщий диалектико-материалистический метод.

Суть этого метода содержится в предисловии «К критике политической экономии» К. Маркса: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII в., называет гражданским обществом, и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии... В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания... Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹¹.

В западной интеллектуальной мысли известность Маркса объясняют тем, что его работы, по сути, стали программой Германской социал-демократической партии, влиятельной политической силой. Другим фактором, который привлекал внимание к его работам, стало то, что «ранние труды Маркса не были научными, они были гуманистическими»¹².

Действительно, его ранние работы были направлены на то, чтобы облегчить жизнь «простого человека». Только по истечении определенного времени в работах К. Маркса и Ф. Энгельса формируется нечто такое, что можно использовать в процессе переустройства мира.

К 200-летию со дня рождения Энгельса¹³ была выпущена любопытная книга, в предисловии к которой ее переводчик и составитель Г. Преображенский пишет: «Во временном отношении Энгельс относительно далек от современности, его труды практически исключены из широкого спектра текстов современного интеллектуального потребления и поэтому их сейчас почти никто не читает. Ведь чтение

¹⁰ История политических и правовых учений. С. 25.

¹¹ Цит. по: Антология мировой правовой мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1999. Т. 3. С. 422—423.

¹² Тернер Фрэнк М. Европейская интеллектуальная история. От Руссо до Ницше. М. : Кучково поле, 2016. С. 170—172.

¹³ Если 200-летний юбилей со дня рождения К. Маркса хотя бы как-то был отмечен в нашей стране, то 200-летие со дня рождения Энгельса прошло абсолютно незаметно.



его работ нельзя в данный момент ни конвертировать, ни каким-то образом извлечь из них пользу, оставаясь современным. На сегодняшний день Энгельс это настоящая интеллектуальная свобода»¹⁴.

Очень интересная и в какой-то степени двоякая оценка. Но что касается современности, то имеют место и другие оценки: «В сущности, марксизм — это теория и практика долгосрочных исторических изменений»¹⁵.

«Списывать» в методологический утиль марксизм и тесно связанный с ним исторический материализм рано. А может быть, вообще невозможно.

В контексте истории политических и правовых учений несомненный интерес представляет совместная работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология». Она была написана в 1846 г., но опубликована лишь в XX в. В интерпретации Фрэнка М. Тернера «основная идея этого труда заключалась в том, что человеческие представления о мире и обществе являются продуктом материальной организации общества: т.е. идеи проистекают из экономического и социального устройства общества и наоборот»¹⁶. Человек — это продукт материальных условий.

В соответствии с историко-материалистическим методом история человечества представляет собой последовательную смену общественно-экономических формаций. Когда производительные силы и производственные отношения входят в антагонистические противоречия друг с другом, происходит социальная революция. Иными словами, на смену отжившей свое общественно-экономической формации приходит другая, более прогрессивная.

Если объективно подходить к истории, то так, по сути дела, и происходило. Во всяком случае, применительно к европейской истории. Исторический материализм как раз и критиковали за то, что он был ориентирован только на европейский опыт. Критика эта во многом была справедливой. Хотя отцы-основатели исторического материализма и писали об азиатском способе производства.

Конечно, следует иметь в виду, что наука XIX столетия не располагала теми данными, которыми она оперирует сегодня. Археология, антропология, языкознание продвинулись далеко вперед. И тем более — ряд дисциплин «исторического» профиля располагает сегодня серьезными техническими возможностями для того, чтобы далеко заглядывать в прошлое и давать ему соответствующую научную оценку. Ничего подобного не наблюдалось в позапрошлом столетии.

Тем не менее материалистический метод базируется на определяющей роли материального производства в ходе эволюции общества, на каком бы этапе исторического развития оно ни находилось.

Соответственно, идеи сами по себе, производны от того типа производства социальной жизни, который имеет место в конкретный исторический период времени. Им в рамках исторического материализма не придавалось самостоятельного значения.

Исходя из методологических позиций исторического материализма, можно сказать, что все явления так или иначе находятся в постоянном движении и

¹⁴ Энгельс Ф. Книга Откровения. Энгельс без Маркса. СПб. : Лениздат ; Книжная лаборатория, 2018. С. 10.

¹⁵ Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М. : Карьера-Пресс, 2017. С. 50.

¹⁶ Тернер Фрэнк М. Указ. соч. С. 180.

развитии. Одни процессы определяют другие. Конкретно: экономические факторы, производственные главенствуют над всеми остальными. В самом общем виде материалистический метод предполагает рассмотрение всего того, что принято понимать как производство и воспроизводство различных форм жизни общества под диалектическим углом зрения. И хотя сегодня стали критиковать диалектику, как и практически все, что воспринималось ранее как нечто само собой разумеющееся, диалектический метод продолжает сохранять свою актуальность. Практически каждое диссертационное исследование упоминает о проверенном временем методе.

В контексте исторического материализма очень важным методологическим обобщением можно считать тезис об относительной самостоятельности политической и правовой надстройки, идеологии как таковой.

Так, в одном из своих писем Ф. Энгельс делает очень важное уточнение: «Мы считаем, что экономические условия в конечном счете обуславливают историческое развитие. Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т.д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а все остальное является лишь пассивным следствием. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в конечном счете всегда прокладывает себе путь»¹⁷.

Из этого следует, что, используя метод (подход) исторического материализма при изучении истории политических и правовых учений, нужно исходить из того, что они, по своей природе, могут и не иметь прямой связи с экономическими факторами. А вот с производством и воспроизводством бытия общества — всегда имеют.

Так сложилось в истории политических и правовых учений, что определенным антиподом историческому материализму выступает идеалистический метод.

«Идеалистический метод, — констатирует В. В. Лазарев, — ориентирован на поиск источника всяких идей и учений вне материальных условий жизни людей. При этом субъективный идеализм видит эти источники в сознании или подсознании человека, а объективный идеализм считает их данными объективно (применительно к человеку даже до его рождения) и часто обращен к Богу»¹⁸.

Наиболее ярким примером субъективного идеализма в истории политических и правовых учений является И. Кант. Его правовые идеи не утратили своей актуальности и до настоящего времени.

В советской историографии истории политических и правовых учений И. Канта критиковали как раз за «непоследовательность», за слишком откровенный идеалистический взгляд.

Суть кантовской концепции состоит в том, что человеческий разум творит некий мыслимый порядок, который представляется ему идеальным, и стремится «подтянуть» к нему ту реальность, в которой пребывает человек.

Данная парадигма не лишена привлекательности. Если не касаться сущностной, собственно онтологической составляющей, то обращает на себя внимание

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М., 1948. Т. 2. С. 484—485.

¹⁸ История политических и правовых учений. С. 26.



желание менять реальность, если она не представляется разумной, в том числе и правовыми средствами.

В основе всякого политического союза, по Канту, лежит согласие народа или хотя бы его большинства на справедливое публичное управление. Это и есть тот первоначальный договор, на котором только и можно основать гражданское, стало быть, чисто правовое, устройство. У Канта читаем: «Этот договор есть всего лишь идея разума, которая, однако, имеет несомненную (практическую) реальность...»¹⁹.

Чрезвычайно важную роль в его концепции играет категорический нравственный императив, некий априорный закон, вытекающий исключительно из разума. По большому счету это кантовское «изобретение» представляет лишь светское выражение того, что в той или иной степени закреплено в иудаизме и христианстве. Да и в других религиозных системах можно увидеть нечто подобное.

Методологическая составляющая субъективного идеализма состоит в признании идей продуктом критически мыслящего человека, его разума. На этом отчасти и базируется рациональная концепция права. Данный методологический подход и сегодня востребован. Как, впрочем, и идеализм.

Еще одним «классическим» представителем идеализма как методологического направления является Г. В. Ф. Гегель. В отличие от Канта, он был объективным идеалистом. Тремя основными ступенями диалектически развивающегося духа являются: субъективный дух, объективный дух и абсолютный дух. Право, мораль, нравственность Гегель отнес к объективному духу. Принципиальным положением гегелевской философии является идея тождества мышления и бытия, а также тождество разумного и действительного.

В «Философии права» Гегель констатирует: «Почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой — воля, которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение и система права есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа»²⁰.

В. С. Нерсесянц в предисловии к «Философии права» Гегеля, по сути, дает характеристику идеалистическому методу следующим образом: «Постановка и решение Гегелем вопроса о предмете и методе философии права опирается на диалектику в ее спекулятивно-идеалистической форме, метод предопределяет понятийный характер предмета исследования и по существу не исследует объект, а констатирует, создает его, предмет же исследования сводится к понятийному аппарату метода. Собственно тождество предмета и метода (от исходного момента до развертывания в целостную систему) гегелевской философии права означает равенство их понятийного содержания»²¹.

В данном случае сложно что-то добавлять. Однако у Гегеля и в настоящее время много последователей, в том числе и в области политических и правовых учений.

Самое сложное и ответственное — это характеризовать ту «версию» идеалистического метода, которая связана с Богом. Это уже область веры, а не науки.

¹⁹ Антология мировой правовой мысли. Т. 3. С. 305.

²⁰ Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 67.

²¹ Гегель Г. Указ. соч. С. 10.

Правда, в настоящее время соотношение науки и религии подается не так, как было принято ранее. Источником всего, включая идеи, в данном случае является Бог.

Отвечая на вопрос Фомы, Иисус сказал ему: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6). На вопрос Понтия Пилата о том, что есть истина, Спаситель ответил так: «Я на то и родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Ин. 18:37).

В истории политических и правовых учений важное место занимает блаженный Августин, главным образом благодаря его трактату «О граде Божьем». Однако самая читаемая книга блаженного Августина — «Исповедь». Она, если так можно выразиться, «методологически» ориентирована.

Практически все религиозные мыслители пытались в основном понять Бога. Августин говорил, что он хотел бы понять Бога и человека, его душу, и более ничего. Таким образом, у него богопознание неразрывно связано с самопознанием. Только Бог открывает истину человеку о самом себе.

Обратимся к метафизическому методу (подходу). Метафизика явление полисемантическое. Она имеет множество значений.

Этот подход «господствовал в давние времена. Он утверждал неизменность, вечность идей, раз и навсегда установленных истин. Сегодня его влияние преодолено. От него в большой мере отказывается даже церковь»²².

Церковь может и отказывается, а вот наука — нет. В некоторой степени метафизика в настоящее время стала синонимом философии. Метафизический метод (подход), с нашей точки зрения, не может являться продуктивным. Ничего вечного в этом мире нет и быть не может.

Диалектический метод (подход) частично освещен в соединении с материалистическим методом. Вопрос в том, как понимать диалектику и к какому «основанию» она привязана. Если к материализму, то идеи следует понимать и изучать в одном ключе, а если к идеализму — то в другом.

Очень верно сказано: «Всякая теория, всякое учение в той мере, в какой они отвечают на вопрос, как понимать такие политические явления, как государство и право, являются методологическими, образуют методологию исследования государства и права... Курс истории политических и правовых учений — одновременно и курс истории методологии государства и права»²³.

Есть некоторые основания считать материалистический, идеалистический, диалектический и метафизический методы основными методами (подходами) изучения политических и правовых учений, что, естественно, не исключает и иные. Но не следует при этом забывать, что использование одновременно нескольких методов может породить известное противоречие между ними.

Политико-правовые учения представляют итог описания реальности. Но не только. В рамках этой науки и учебной дисциплины мы всегда можем найти и попытки обоснования более совершенных форм политико-правового бытия. В любом случае исследователь, изучая конкретные идеи, выходит на феномен

²² История политических и правовых учений. С. 27.

²³ История политических и правовых учений. С. 34.



«социальности», понимаемый в самом широком смысле этого слова. Особенно в настоящее время.

В современный период важнейшее значение приобретает технологическая сфера. В силу этого техника и технологии становятся приоритетными. Именно поэтому науку все чаще стали воспринимать как применение научного знания в виде технологий или неких вновь созданных научных продуктов. Техника и технологии активно проникают и в сферу исследования юридических наук. Происходит, по сути, тотальная цифровизация юридической деятельности в самом широком смысле этого слова. «Виртуальное пространство», «дополненная реальность», «искусственный интеллект» стали привычными категориями юридической науки и практики. В каком-то смысле практика даже несколько опережает теоретическое юридическое знание. В данном контексте имеет место обычное течение социальной истории, т.е. эволюция социальных институтов. Несовпадение теоретических постулатов с реальностью, эмпирикой есть самый важный стимул для развития любых теоретических построений²⁴.

Следует помнить, что развитие технологий не должно быть самоцелью, т.е. чтобы технологии развивались ради технологий. В наше время существует несколько систем: природная, социальная и технологическая. В последние годы все чаще говорят о дополненной, виртуальной реальности. Иными словами, позволительно говорить о цифровой системе и цифровой реальности. Тем более, что все больше и больше людей проводят время именно там. Не всё, но значительную часть.

Нельзя по-прежнему противопоставлять, как имело место ранее, эти системы. Они находятся между собой в диалектическом единстве. Все древние цивилизованные народы обожествляли природу, отношения к ней приобретали сакральные формы. Данный факт очевиден. Даже в нашей стране те народы, которые приняли христианство, продолжают сохранять свои языческие обряды, в которых они превозносят силы природы, а некоторые природные объекты воспринимают как живые системы в полном смысле этого слова.

Отношение к природе поменялось, когда был объективирован постулат «Не надо ждать милости от природы, а брать от нее то, что нужно человеку». Не будем указывать авторство из-за уважения. Однако лозунг завел нас слишком далеко. Конфликт между социальными, технологическими и природными системами очевиден. А решать возникшую проблему готовы далеко не все.

Совсем неправильно противопоставлять социальную систему и технологическую. Мы называем эти категории и явления нашего бытия «сферами». Но так ли они далеки друг от друга? Возьмем здравоохранение. Это ведь не только профилактика и лечение болезней. Здесь и технологии, и производство медицинского оборудования, и наука. И все это в своей совокупности работает для человека и общества. Стало быть, относить сферу здравоохранения только к социальной не совсем правильно. Точнее, совсем неправильно.

Точно так же можно говорить о транспорте, науке, образовании, производстве и проч. Нельзя больше разделять эти системы. Будет очень верным решением

²⁴ Стимул в Древнем Риме — железный штырь, с помощью которого управляли поведением животных.

говорить о «техно-социальных» системах или социально-технологических, если угодно. Данный подход должен стать в какой-то степени методологическим. Если нам в конечном счете удастся сломать привычные стереотипы противопоставления данных систем, это будет очевидной победой, символизирующей принципиально «новую философию жизни». В этой части история политических и правовых учений представляет немалый интерес.

Для понимания социального в самом широком смысле этого слова история учений имеет особое значение. В ней по определению мы находим людей необычных, критически мыслящих, более глубоко смотрящих на право и государство, а также тесно связанные с ними институты. Как тут не вспомнить Рахметова, одного из героев главного литературного труда Н. Г. Чернышевского: «По каждому предмету капитальных сочинений очень немного; во всех остальных только повторяется, разжижается, портится то, что все гораздо полнее и яснее заключено в этих немногих сочинениях. Надобно читать только их; всякое другое чтение — только напрасная трата времени»²⁵.

Прямо скажем, слишком категорично. Но что-то в этом есть. В мире не так много идей, концептуальных положений, которые в той или иной мере определяют практику государственно-правового строительства. В силу этого читать классиков всегда предпочтительней, чем их интерпретаторов. Тем более, что оценка идей очень зависит от того времени, в котором мы живем.

Однако если идея еще жива, то это значит, что в ней есть определенный потенциал, который и является основой ее актуальности. Важно не забывать: в любой идее есть методологическая составляющая. А это означает, что творец идеи стоял на какой-то определенной методологической позиции, которая самым непосредственным образом повлияла на содержание его взглядов. А вот те, кто изучает историю идей, должны определиться с методами, которые помогут им объективно познавать их суть. В этом залог успеха.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. — М. : Мысль, 1999. — Т. 3. — 829 с.
2. Гегель Г. Философия права. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
3. Евангелие от Иоанна / синодальный перевод.
4. Иглтон Т. Почему Маркс был прав. — М. : Карьера-Пресс, 2017. — 288 с.
5. История политических и правовых учений / под ред. В. В. Лазарева. — М. : Высшее образование, 2008. — 917 с.
6. История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. — М. : Юрид. лит., 1988. — 816 с.
7. Керимов Д. А. Избранные произведения : в 3 т. — М. : Академия, 2007. — Т. 1. — 432 с.
8. Летон Х. Греция. Полная история. — М. : АСТ, 2022. — 336 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. — М., 1948. — Т. 2. — 597 с.

²⁵ Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 1958. С. 279.



10. *Сырых В. М.* Материалистическая теория права // Избранное. — М. : РАП, 2011.
11. *Тернер Фрэнк М.* Европейская интеллектуальная история. От Руссо до Ницше. — М. : Кучково поле, 2016. — 384 с.
12. *Чернышевский Н. Г.* Что делать? — М. : Московский рабочий, 1957. — 489 с.
13. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. — М., 1911. — Т. 1 : Часть теоретическая. — 512 с.
14. *Шершеневич Г. Ф.* Философия права // Общая теория права. — М., 1911. — 293 с.
15. *Энгельс Ф.* Книга откровения. Энгельс без Маркса. — СПб. : Лениздат, 2018. — 368 с.

К вопросу о междисциплинарном подходе в государственно-правовых исследованиях

Аннотация. В статье ставится вопрос о необходимости расширения междисциплинарных связей юридической науки и ее выходе за пределы социокультурного контекста, в котором чаще всего и исследуются государственно-правовые явления. На примере данных эволюционной биологии, когнитивной и эволюционной психологии, а также ряда других направлений современного научного познания обозначаются вопросы, которые могут и должны стать предметом осмысления учеными-правоведами. Одновременно обращается внимание на актуальность принципа трансдисциплинарности в познании окружающего мира, в том числе при исследовании права и государства.

Определяются некоторые перспективные направления междисциплинарных исследований правового поведения человека и государственно-правового регулирования. В частности, обозначается влияние неконтролируемой сознанием системы интуитивных умозаключений, выработанной в ходе биологической эволюции, на процесс отбора и восприятия значимой информации (в том числе предрасположенность к усвоению морали); на способность человека формировать различные объединения и врожденные механизмы распознавания общественных союзов (коалиций) и контроля за верностью им, на встроженные в сознание шаблоны обмена и чувство справедливости.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, трансдисциплинарный подход, методология познания, постнеклассическая наука, право, государство, эволюционная биология, когнитивная психология, эволюционная психология, спонтанный реализм, мышление, сознание, информация, интуитивные умозаключения, коалиционная психология, справедливость, престижная экономика.



**Елена Владимировна
КИРДЯШОВА,**

доцент кафедры
теории государства и
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент

[elena.kirdyashova@
yandex.ru](mailto:elena.kirdyashova@yandex.ru)

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.041-051

Elena V. KIRDYASHOVA,

*Associate Professor of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate Professor*

elena.kirdyashova@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Towards an Interdisciplinary Approach in Public Legal Research

Abstract. *The article raises the question of the need to expand interdisciplinary links of legal science and its output beyond the socio-cultural context, in which the state-legal phenomena are most often studied. On the example of the data of evolutionary biology, cognitive and evolutionary psychology, as well as a number of other directions of modern scientific knowledge, the issues that can and should become a subject of reflection for legal scientists are outlined. At the same time, attention is drawn to the relevance of the principle of transdisciplinarity in the knowledge of the world around, including the study of law and state.*

Some perspective directions of interdisciplinary research of human legal behavior and state-legal regulation are defined. In particular, the influence of the system of intuitive inferences is developed in the course of biological evolution and is not controlled by consciousness on the process of selection and perception of meaningful information (including predisposition to learning morality), on the ability of a person to form various associations and innate mechanisms of recognizing social alliances (coalitions) and control over loyalty to them, on the built-in in the mind patterns of exchange and sense of justice are outlined.

Keywords: *interdisciplinary approach, transdisciplinary approach, cognitive methodology, post-non-classical science, law, state, evolutionary biology, cognitive psychology, evolutionary psychology, spontaneous realism, thinking, consciousness, information, intuitive inferences, coalition psychology, justice, prestige economy.*

Научная деятельность, направленная на познание государственно-правовых явлений, представляет собой *динамический процесс*. Динамика эта обусловлена не только историчностью предмета исследования, но и развитием науки в целом. Особо необходимо отметить, что государственно-правовые явления, входящие в объект познания юридической науки, сами по себе сложны и неотделимы от мира социального взаимодействия в целом. Это в принципе исключает возможность обособления исследователя от контекста, в котором эти явления только и существуют. Соответственно междисциплинарное сотрудничество и включение принципов *комплексности* и *всесторонности* исследования в методологию познания юридической науки неизбежны.

Состояние дел в юридической науке и перспективы ее развития в целом вполне соответствуют общим тенденциям развития научного знания, выявленного

философией науки, подразумевающим существование *классической, неклассической и постнеклассической науки*¹. Причем именно для последнего этапа научного познания характерен принцип *междисциплинарности*. Это еще раз подтверждает в определенной степени прогрессивный характер социальных исследований по сравнению с исследованиями естественно-научными, которые только сейчас активно обратились к идее «*человекоразмерности*».

Постнеклассическая наука, наряду с междисциплинарным подходом, ориентирует ученое сообщество и на *трансдисциплинарность*. В осуществлении этого принципа есть, однако, некоторые сложности ввиду отсутствия однозначного понимания того, какие теории в состоянии принять на себя ответственность за формирование единой картины мира. На эту тенденцию развития познавательной деятельности юридической науке надо обратить особое внимание.

В теоретико-правовой науке междисциплинарный подход чаще всего проявлялся двояко². С одной стороны, государственно-правовые явления начинали рассматривать как частный случай чего-то более емкого, и не только юридического, что позволяло для их исследования задействовать в том числе те методы, которые были разработаны соответствующими направлениями наук, а также их понятийно-категориальный аппарат³. С другой стороны, юридическая наука могла использовать непосредственно знания, полученные и систематизированные коллегами из других областей, а также проводить с ними совместные исследования. Например, данные археологии или этнографии были задействованы для теоретико-правового анализа органов власти и социальных регуляторов первобытного общества и выявления причин и закономерностей появления права и государства⁴.

В итоге возникали отдельные промежуточные направления научного познания, например юридическая антропология. Более того, представляется, что игнорирование материалов различных направлений научных исследований, так или иначе пересекающихся с государственно-правовыми явлениями или иным образом затрагивающих их, юридической наукой в принципе неуместно и недопустимо, поскольку соответствующие знания могут дать новую информацию для размышления, подтвердить или опровергнуть сделанные правоведами выводы, что в итоге и развивает науку.

¹ См., например: Постнеклассика: философия, наука, культура : коллективная монография / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб., 2009 ; *Степин В. С.* История и философия науки. М. : Академический проект, 2014.

² В работах современных исследователей называются и другие формы междисциплинарности при проведении юридических исследований. См., например: *Затонский В. А.* Междисциплинарный подход — методологическая основа определения эффективности права и правоприменения // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3.

³ См., например: *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012.

⁴ См., например: *Венгеров А. Б.* Значение археологии и этнографии для юридической науки // Советское государство и право. 1983. № 3. С. 28—36 ; *Венгеров А. Б., Куббель Л. Е., Першиц А. И.* Этнография и науки о государстве и праве // Вестник Академии наук СССР. 1984. № 10. С. 88—101 ; *Венгеров А. Б.* Законодательство и этнические процессы в советском обществе (методологический аспект) // Труды ВНИИ советского законодательства. 1983. № 26.



Здесь, однако, существует необходимость четкого понимания того, с какими науками в первую очередь надо наладить такое междисциплинарное взаимодействие (и, скорее всего, их перечень не будет неизменным). Это не означает, что все проводимые юридической наукой исследования должны быть по определению междисциплинарными и осуществляться как юристами, так и специалистами из других областей. Юридическая наука просто не может не учитывать данные других общественных и естественных наук, если они так или иначе имеют выход на интересующую ее проблематику. Между тем даже содержание параграфов учебников о месте теории государства и права в системе общественных и юридических наук (исходя из традиционно предложенного там перечня) уже подразумевает некоторую ограниченность научных контактов.

Междисциплинарное сотрудничество юридической науки имеет, однако, не только теоретическое, но и практическое значение. Оно способствует и углублению научных знаний, и совершенствованию правового регулирования общественных отношений. В качестве иллюстрации существующей проблемы, а заодно и демонстрации потенциала развития юридической (в первую очередь, теоретико-правовой) науки, хотелось бы обратиться к *эволюционной биологии*, а также *эволюционной и когнитивной психологиям*, некоторые данные которых представляются весьма любопытными для ученых-правоведов и нуждаются в осмыслении.

В принципе, взаимодействие с психологией для теории государства и права не ново. Однако эволюционная психология и психология когнитивная (будучи относительно молодыми и весьма обособленными направлениями современной психологии) очевидного присутствия в теоретико-правовой науке пока не получили. С эволюционной биологией юридическая наука каких-то очевидных пересечений пока тоже не имеет. Правоведы обычно ограничиваются констатацией наличия факта антропогенеза и появления на определенном его этапе человека разумного. В дальнейшем их внимание переключается на *политогенез* или *социогенез*.

С учетом социального характера юридической науки это вполне оправданная постановка вопроса — государственно-правовые явления присутствуют только в общественной жизни. Однако, перейдя от состояния первобытного стада или праобщины к раннепервобытной родовой общине, человек не перестает быть человеком. Человечество же в исследовательских целях на определенном этапе позволило себе разделить биологическое и социальное, утверждая в том числе, что при помощи разума человек смог победить и подчинить своей воле и своему сознанию свои природные инстинкты.

Эволюционная биология утверждает, что мозг человека эволюционировал так же, как и весь его организм, и эта эволюция внесла свой вклад в сохранение нашего биологического вида. Посредством этой естественной науки показывается, какие специфические черты и особенности по сравнению с другим живым миром приобрел человек для своего выживания и размножения. Генетика доказывает, что из всей окружающей организм информации генами передавалась и передается лишь та, которая не является внешней, предзаданной и постоянно существующей. В генетической памяти отражаются только внутренние, обеспечивающие приспособление вида сведения.

Таким образом, с одной стороны, человек способен воспринять много разной информации, но, с другой стороны, в ходе эволюции у него выработалась особая

система ее распознавания, позволяющая вычленять из всего информационного потока значимую, полезную для него, обеспечивающую сохранение вида. И система эта совершенствуется по мере эволюции человека, а также в процессе его обучения. Полученные данные позволяют утверждать, что в ходе биологического развития природа снабжает нас таким способом мышления (именуемым философами *спонтанным* или *наивным реализмом*), который мы (не осознавая того) задействуем для извлечения значимой с точки зрения эволюции информации⁵.

Это своеобразная *операционная система*, установленная природой на наш суперкомпьютер — разум. Именно она имеет решающее значение в процессе восприятия сознанием окружающего мира, позволяя видеть то, что мы можем и должны видеть с точки зрения эволюционного отбора. Причем подчеркнем: разум — это *самообучающийся суперкомпьютер*. В таком видении мышления и познавательного процесса, собственно, и состоит основная идея когнитивной психологии.

Поскольку первобытное состояние общества составляет значительно больший промежуток времени существования человека, очевидно, что система распознавания информации и иные компоненты его «врожденной» операционной системы были сформированы именно в обществе догосударственном, но, став элементом приспособления в эволюционном отборе и результатом борьбы видов, они сохранились и, не находясь под контролем сознания, что называется «по умолчанию», используются нами сегодня и будут использоваться впредь, пока в работе мозга не произойдут соответствующие эволюционные изменения.

Таким образом, привычную материализму идею определения сознания материей можно развить, отметив, что наше отражение окружающего мира более сложно связано с природой человека — оно развивалось и является благодаря эволюции в определенной степени избирательным, предзаданным, оказывающим обратное воздействие на процесс восприятия материи.

Для конкретизации исследования воспользуемся не так давно опубликованной работой Паскаля Буайе⁶, в которой использованы и на основании междисциплинарного подхода проанализированы отдельные представляющие для юридической науки интерес положения *эволюционной биологии* и *когнитивной психологии*, сопровождающиеся данными *археологии*, *антропологии*, *экономики* и многих других областей науки⁷. Ученый полагает, что именно «на стыке ряда наук, в том числе эволюционной биологии, генетики, когнитивной психологии и экономики, формируется целостное понимание человеческого поведения»⁸, что

⁵ См., например: *Селларс У.* Эмпиризм и философия сознания. СПб., 2021 ; *Sellars W.* Science, Perception and Reality. London, 1963.

⁶ Отечественные исследователи также работают в соответствующих направлениях. См., например: *Марков А.* Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня. Неожиданные открытия и новые вопросы. М., 2010 ; *Он же.* Религия: полезная адаптация, побочный продукт эволюции или «вирус мозга»? // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 45—56.

⁷ *Буайе П.* Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. М., 2019. 436 с.

⁸ *Буайе П.* Указ. соч. С. 9.



весьма важно для анализа сложившихся социальных практик и их институтов (включая право и государство). Формирование такой *междисциплинарной теории поведения*, вероятно, задача будущего, но юридическая наука не может не учитывать появление этого направления исследования.

В принципе, любой вопрос, поставленный в книге П. Буайе, достоин внимания со стороны науки юридической, но в связи с ограниченностью объема статьи остановимся лишь на некоторых.

Ранее уже отмечалась выявленная наукой способность человека распознавать и воспринимать значимую для него информацию, выработанная в результате биологической эволюции. Развивая идею, исследователь утверждает, что «в наше мышление включена система обучения морали, детектор, позволяющий найти в окружающем мире нравственно значимую информацию»⁹. Более того, ученый полагает, что «представление о ребенке, просто вбирающем моральные установки принятой культуры посредством наблюдения и обобщения, — опасное заблуждение»¹⁰. Человек в силу природы может и готов распознавать и воспринимать соответствующую информацию. Причем у некоторых психически нездоровых людей такая врожденная способность отсутствует.

В целом же научение П. Буайе считает возможным благодаря набору «психических механизмов», которые он называет «*система интуитивных умозаключений*» (по-другому — «модули» или «предметно-ориентированные системы»)¹¹, для которых характерны следующие черты: они функционируют преимущественно «вне поля сознания» и являются «интуитивными»; «являются специализированными»; формируются в ходе эволюции в качестве свойства нашего вида¹².

Таким образом, в психике человека *заложена* определенная *система умозаключений*, которая рассматривается как его адаптация к условиям внешней среды, и именно посредством этой системы человек выбирает и усваивает эволюционно значимую информацию, *не контролируя* своим *сознанием* работу самого механизма. Исходя из этого, исследователь предлагает *не антропоморфизировать* людей при определении причин их поступков, отмечая, что не следует разделять природу и культуру, врожденное и усвоенное.

Для современной юридической науки это достаточно неожиданный призыв. Все-таки мы привыкли рассматривать человека как существо, контролирующее свое поведение своей волей и своим сознанием. Однако, если человек обладает некоторыми врожденными природными предзаданностями, которые он не может контролировать своим сознанием и волей, но которые от этого не утрачивают своей работоспособности, вряд ли это обстоятельство следует игнорировать при исследовании поведения человека. Можно предположить, что указанное свойство разума требует осмысления юридической наукой на предмет субъектности субъекта в рамках его правового поведения и возможности разработки комплекса мероприятий по дезавуированию или хотя бы корректировке

⁹ Буайе П. Указ. соч. С. 29.

¹⁰ Буайе П. Указ. соч. С. 29.

¹¹ См., например: Barrett H. C. The Shape of Thought: How Mental Adaptations Evolve. Oxford, 2014.

¹² Буайе П. Указ. соч. С. 32—35.

соответствующих врожденных факторов. Хотя в этой части с природой вряд ли имеет смысл спорить.

Не менее любопытно выявленное обстоятельство и для теории познания. Получается, что соответствующая деятельность исследователя также может основываться на некоторых предрасположенностях. На первый взгляд это созвучно уже высказанной идее исчезновения субъекта познания¹³. Однако последнее обстоятельство обуславливается преимущественно социальными факторами, которые, если рассуждать в логике П. Буайе, не являются единственными.

Таким образом, познавательный процесс может быть поставлен в зависимость не только от культуры, но и от природы человека, какими бы намерениями он ни руководствовался, приступая к исследованию.

П. Буайе также предполагает, что частью *сформировавшегося в ходе эволюции* когнитивного механизма человека является и скрытый набор психологических качеств и предпочтений, обозначенных эволюционными психологами как *коалиционная психология*¹⁴, благодаря которой человек обладает способностью формировать разнообразные объединения, позволяющие ему обзавестись особым благом — общественной поддержкой, почувствовать себя «своим» в этой общности. Этим коалиция и отличается от иных форм объединений, существующих в мире людей, и именно коалиции выступают основой для возможных межгрупповых конфликтов.

Несмотря на то, что юридическая наука, в принципе, редко задействует категории «свой» — «чужой», не вызывает сомнения необходимость анализа права и государства в контексте определения предельной человеческой общности и атрибутов, ее фиксирующих. Проблема социального регулирования также связана с отношениями «свой» — «чужой», поскольку социальные регуляторы, используемые коллективом, работают только внутри него и на «чужих», как правило, не распространяются.

Коалиционная психология помогает понять, что объединяет людей в соответствующие коллективы. П. Буайе в качестве таковых предлагает: осознание общей цели, которую легче достичь вместе; готовность поступиться собственной выгодой ради общего блага и ожидание аналогичного поведения от членов коллектива; понимание того, что все члены коллектива ждут от него того же, что он ждет от них; восприятие затрат (выгод) соперничающей (конкурирующей) коалиции как свои собственные выгоды (затраты) с тем, чтобы пытаться их увеличить (или уменьшить)¹⁵. При этом *разум способен без участия сознания* производить все необходимые расчеты, связанные с коалициями, в которых участвует или планирует участвовать индивид.

Кроме того, коалиционная психология включает систему *распознавания* союзов, а также механизм *контроля* за верностью союзу (в том числе наказания). Еще раз подчеркнем: эти способности предлагается рассматривать в качестве врожденных. Представляется, что при исследовании государственно-организованного

¹³ См., например: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977 ; Бурдье П. Начала. М., 1994 ; Он же. Социология социального пространства. М., СПб., 2005.

¹⁴ Буайе П. Указ. соч. С. 58.

¹⁵ Буайе П. Указ. соч. С. 59—60.



общества соответствующий встроенный в сознание механизм помогает по-иному взглянуть на некоторые явления, в частности на право, государственную символику, аппарат принуждения, подспудно подразумеваемые человеком в качестве необходимых для функционирования этой коалиции сигналов.

Не менее любопытны и рассуждения П. Буайе на тему *справедливости* — у этого вопроса тоже обнаруживаются природные корни. В качестве предыстории ученый обращает внимание в том числе на следующие установленные факты. Во-первых, коллективными усилиями экономисты и биологи, эволюционные антропологи и эволюционные психологи¹⁶ пришли к выводу, что *сотрудничество*, к которому склонен человек, есть прямой результат нашего *эволюционного наследия*, поскольку «каждый может существенно выиграть за счет честного взаимовыгодного поведения»¹⁷ (следовательно, каждый из нас заинтересован в долгосрочном взаимодействии с «правильным» (честным) партнером). Сотрудничество осуществляется ради взаимной выгоды и предполагает возможность «выбора партнера»¹⁸. Во-вторых, будучи склонными к сотрудничеству, люди «участвовали в двух формах экономической деятельности, свойственной только людям, — они практиковали общий дележ и какие-то формы обмена с чужаками»¹⁹. Причем обе формы в идеале должны были быть выгодны человеку, вступившему в кооперацию.

По факту процесс дележа добычи в обществе присваивающей экономики со временем стал менее схематичен и более изящен, нежели традиционно отмечаемое в юридической литературе уравнильное половозрастное распределение²⁰. Сложившиеся порядки позволяли в итоге не только удовлетворять потребности коллектива в пище, но и формировать репутацию конкретного человека-добытчика в качестве потенциального партнера для сотрудничества. Следует обратить внимание на так называемую *престижную экономику* первобытного общества, экономику *дарообмена*, в рамках которой осуществлялись распределение пищи, а впоследствии и обмен между коллективами²¹.

Существовавший *общественный дележ* не был связан исключительно с альтруизмом и стремлением помочь другим. Это *элемент приспособления*, благодаря которому у человека сформировалась *интуитивная система*, позволяющая ему оценивать информацию о присвоенном продукте, об участниках процесса и их вкладе, а также о личностях тех, кто претендует на распределение, подсознательно определяя справедливую (честную) долю каждого при распределении. Примечательно, что данный интуитивный механизм был выработан на опыте

¹⁶ См., например: *Boyd R., Richerson P. J. Culture and the Evolutionary Process. Chicago. 1988 ; The Handbook of Evolutionary Psychology / David M. Buss (ed.). 2015. Vol. 1 : Foundation.*

¹⁷ *Буайе П.* Указ. соч. С. 217.

¹⁸ *Буайе П.* Указ. соч. С. 220.

¹⁹ *Буайе П.* Указ. соч. С. 222.

²⁰ См., например: *Gurven M. To Give and Give Not: The Behavioral Ecology of Human Food Transfers // Behavioral and Brain Sciences. 2004. 27 (4).*

²¹ См., например: *Семенов Ю. И. Происхождение и развитие экономики. От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древне-восточному, античному и феодальному). М., 2014. 720 с.*

функционирования *малых групп* (т.е. личности участников и вклад каждого из них человеку известны).

Другая же форма экономической деятельности — *обмен* обладает некоторой спецификой. В принципе, это взаимодействие может возникнуть только тогда, когда у потенциальных участников контактов имеются разные блага, в которых заинтересованы контрагенты, а последние осознают возможность и выгодность обмена. Соответственно, такая форма взаимодействия для природы типичной не является. Тем не менее П. Буайе полагает возможным предположить, что частью нашей психики давно стал и *шаблон социального обмена*, встроенный в наши *подсознательные представления о торговле*²² (поскольку без развития у человека особых психологических способностей торговля не могла бы существовать).

В результате работы трех когнитивных систем (способности соотносить полезность товаров и услуг; способности определять статус их владельца (право собственности); способности выявлять тех, кто извлекает выгоду из сделки, ничего не заплатив по ней) у человека вырабатывается абстрактное представление о сути сделки, которое и образует этот шаблон. И он традиционно имеет не только *экономическое*, но и *социальное* наполнение (определяют репутацию, например, и, соответственно, предполагают социальную ответственность участника обмена).

Вторая составляющая — очень важный момент. Ученые отмечают, что широко известный сегодня тезис «бизнес — и ничего личного» является побочным эффектом исключительно рыночной экономики, а изначально «наш разум делает торговлю возможной, регулируя ее в соответствии со всем спектром моральных чувств и мотиваций, включая благодарность, расположение, зависть, неприязнь и возмущение эксплуатацией»²³. Соответственно, эволюционно выработанные механизмы мышления в части современного обмена и торговли сталкиваются с ситуациями, на которые они *не были рассчитаны*.

По мнению П. Буайе, «феномен масштабной кооперации не похож на другие социальные взаимодействия, известные человеческому разуму, — вот почему наши когнитивные системы с большим трудом осмысливают его»²⁴.

П. Буайе приходит к выводу, что системы интуитивных заключений, касающиеся обмена, вполне могут влиять «на формирование наших сознательных представлений о справедливости»²⁵. Естественно, они работают вкуче с социальными факторами. Психология обмена дает несколько таких систем, о некоторых из которых уже упоминалось.

Однако еще раз подчеркнем: системы разрабатывались применительно к малым группам и не были рассчитаны на современный уровень развития экономики, что не позволяет им на подсознательном уровне стопроцентно предопределить ответ на вопрос, что в современном обществе является справедливым. Но начала для формулирования ответа и постановки вопроса они все же дают.

Сам П. Буайе видит два главных пути, ведущих от интуитивной психологии к концепциям общества массового потребления. Первый исходит из того, что «люди

²² Буайе П. Указ. соч. С. 229.

²³ Буайе П. Указ. соч. С. 231.

²⁴ Буайе П. Указ. соч. С. 237.

²⁵ Буайе П. Указ. соч. С. 246.



имеют право на собственность, которой владеют на законных основаниях или которую они сами произвели, равно как и право на то, что приобретено в ходе добровольного обмена с другими свободными людьми»²⁶.

Ученый полагает, что сходные представления лежат в основе концепций справедливости Джона Локка и Роберта Нозика, замечая: «Второй подход... берет начало в интуитивных представлениях о совместных действиях и перераспределении, проецируя их на куда более сложную картину массового общества»²⁷. Наиболее четко эти критерии представлены в теории Джона Ролза. «Сталкиваясь друг с другом, предпочтения одной интуитивной системы (дележа) и другой порождают интуитивно предпочитаемую политику», — заключает П. Буайе²⁸. Причем он оптимистичен с точки зрения возможностей поиска путей обхода возникшего конфликта, отмечая при этом, что проблема тем не менее весьма сложная, не решаемая на интуитивном уровне.

Таким образом, нельзя сказать, что факт присутствия интуитивных умозаключений в представлениях индивида о справедливости позволяет найти окончательное решение вопроса о ее сути. Однако осознание того, что существующие в головах человечества идеи справедливости так или иначе связаны с эволюцией человека как биологического вида и его приспособлением к окружающему миру, показывает принципиальное значение справедливости для существования человека как такового, его поступков и коллективного образа жизни.

Исходя из вышеизложенного, представляется очевидным, что так или иначе воспринятые юридической наукой бихевиоризм, психоанализ, постмодернизм, структурализм и другие подходы научного исследования без данных эволюционной биологии, когнитивной и эволюционной психологии не позволяют сформировать целостную картину понимания поведения человека вообще и государственно-правового поведения в частности.

Изложенные в настоящей статье идеи данных дисциплин являются предварительными, требуют дальнейшей проработки. Однако даже в этом статусе они позволяют по-новому взглянуть на отдельные вопросы теоретико-правовой науки, связанные с человеком государственно-организованным, а также на теорию познания в целом. Не исключено, что могут потребоваться проведение совместных в организационном плане исследований, а также трансдисциплинарный анализ.

В заключение повторим, что в статье изложены лишь некоторые аспекты перспективных направлений исследований, проводимых в рамках юридической науки, толчком к которым могут и должны стать междисциплинарные контакты.

²⁶ Буайе П. Указ. соч. С. 247.

²⁷ Буайе П. Указ. соч. С. 247.

²⁸ Буайе П. Указ. соч. С. 253.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Буайе П.* Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. — М., 2019. — 436 с.
2. *Бурдые П.* Начала. — М., 1994. — 288 с.
3. *Бурдые П.* Социология социального пространства. — М. ; СПб., 2005. — 288 с.
4. *Венгеров А. Б.* Законодательство и этнические процессы в советском обществе (методологический аспект) // Труды ВНИИ советского законодательства. — 1983. — № 26. — С. 12—26.
5. *Венгеров А. Б.* Значение археологии и этнографии для юридической науки // Советское государство и право. — 1983. — № 3. — С. 28—36.
6. *Венгеров А. Б., Куббель Л. Е., Першиц А. И.* Этнография и науки о государстве и праве // Вестник Академии наук СССР. — 1984. — № 10. — С. 88—101.
7. *Затонский В. А.* Междисциплинарный подход — методологическая основа определения эффективности права и правоприменения // Государственно-правовые исследования. — 2020. — № 3. — С. 392—397.
8. *Марков А.* Религия: полезная адаптация, побочный продукт эволюции или «вирус мозга»? // Историческая психология и социология истории. — 2009. — № 1. — С. 45—56.
9. *Марков А.* Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня. Неожиданные открытия и новые вопросы. — М., 2014. — 528 с.
10. Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. — СПб., 2009. — 671 с.
11. *Селларс У.* Эмпиризм и философия сознания. — СПб., 2021. — 218 с.
12. *Семенов Ю. И.* Происхождение и развитие экономики. От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). — М., 2014. — 720 с.
13. *Степин В. С.* История и философия науки. — М., 2017. — 424 с.
14. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — М., 1977. — 488 с.
15. *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права. — СПб., 2012. — 650 с.
16. *Barrett H. C.* The Shape of Thought: How Mental Adaptations Evolve. — Oxford, 2015. — 416 p.
17. *Boyd R., Richerson P. J.* Culture and the Evolutionary Process. — Chicago, 1988. — 339 p.
18. *Gurven M.* To Give and Give Not: The Behavioral Ecology of Human Food Transfers // Behavioral and Brain Sciences. — 2004. — Vol. 27. — № 4. — P. 543—560.
19. *Sellars W.* Science, Perception and Reality. — London, 1963. — 366 p.
20. *Tooby J., Cosmides L.* Conceptual Foundations of Evolutionary Psychology // The Handbook of Evolutionary Psychology / David M. Buss (ed.). — 2015. — Vol. 1 : Foundation. — P. 5—67.





Елена

Константиновна
МАТЕВОСОВА,

доцент кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
ekmatevosova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Задачи современного правоведения: новая правовая реальность и доктринальные взгляды прошлого

Аннотация. Статья посвящена значимым не только для юридической науки, но и для практики проблемам постановки и достижения задач правоведения, которые наиболее полно отражали бы исторический опыт, современное состояние и тенденции будущего развития права. Актуальность данных вопросов, независимо от временных и пространственных границ, подтверждается анализом научных работ отечественных и зарубежных ученых-правоведов, в числе которых особое внимание заслуживает опубликованная в 1907 г. работа «Задачи современного правоведения», принадлежащая перу дореволюционного юриста Юрия Степановича Гамбарова. Автор статьи анализирует отдельные положения данной работы, «проецируя» их на правовую реальность, складывающуюся под действием объективных факторов глобального и странового масштаба, аргументируя необходимость определения задач современного правоведения с учетом философских идей и общественных отношений, не ограничиваясь только действующим правом.

Ключевые слова: задачи правоведения, юриспруденция, правовая доктрина, закон, источники права, правовая реальность, юридическая практика, юридическая наука, правотворчество, правоприменение.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.052-058

Elena K. MATEVOSOVA,

Associate Professor of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

ekmatevosova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Objectives of Modern Law: New Legal Reality and Scientific Views of the Past

Abstract. The article is devoted to the problems of setting and achieving the objective of jurisprudence that are significant not only for legal science, but also for practice, which would most fully reflect the historical experience, the current condition and trends in the future development of law. The relevance of these issues, regardless of temporal and territorial boundaries, is confirmed by the analysis of scientific works of domestic and foreign legal scholars, among which special attention should be paid to the work "The objectives

of modern jurisprudence” published in 1907, written by the pre-revolutionary lawyer Gambarov Yuri Stepanovich. The author of the article analyzes certain provisions of this work, “projecting” them on to the legal reality, which is formed under the influence of objective factors of a global and country scale, arguing the need to define the objective of modern jurisprudence, taking into account philosophical ideas and social relations, not limited only to the current law.

Keywords: *objective of jurisprudence, jurisprudence, legal doctrine, law, sources of law, legal reality, legal practice, legal science, lawmaking, law enforcement.*

Обращение к трудам ведущих отечественных и зарубежных представителей юридической мысли позволяет вступить на тернистый, но верный путь в поиске ответов на вопросы о настоящем и будущем юридической науки и практики.

На страницах произведений, составляющих сокровищницу теоретической юриспруденции, особую заботу ученых, независимо от исторических эпох и национального правового пространства их научных творений, составляют задачи правоведения. Рассуждая о том, какие задачи выводимы из самой неизменной природы права, из динамичной жизни общества, из провозглашаемой правовой политики государства, в путеводителе по российскому юридическому наследию внимание современных правоведов заслуживают воззрения дореволюционного юриста Юрия Степановича Гамбарова¹. В его работах в подтверждение, защиту и развитие «социальной юриспруденции» центр тяжести научного осмысления перемещен с отраслевого партикуляризма в понятия общего права, имеющие тесную связь со всеми без исключения отраслями обществоведения.

В начале работы «Задачи современного правоведения»² Ю. С. Гамбаров задает себе и читателю вопрос о том, «почему юриспруденция непопулярна?», отыскивая причины такого ее положения. И его рассуждения о восприятии большинством гражданского права как скучной, сухой и трудной юридической дисциплины в равной степени могут быть отнесены и к другим дисциплинам, в особенности общетеоретическим, если предоставлять возможность их оценки притворно выскательным изучающим.

Однако Ю. С. Гамбаров указывает на то, что «не юриспруденция, как таковая, а только известное ее понимание и еще более — применение должны нести ответственность и за то, что называют “непопулярностью” юриспруденции». Примечательно, что в юридической науке во все времена были слышны призывы к ее спасению от того кризисного состояния, которое, по распространенному мнению,

¹ О жизни и творчестве Ю. С. Гамбарова см.: *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII—XX веков : очерки жизни и творчества : в 3 т. 2-е изд., доп. М. : Зерцало-М, 2015. Т. 2. С. 248—268. (Серия : Русское юридическое наследие) ; *Парижские тайны : Русская высшая школа общественных наук // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).* 2016. № 10 (26). С. 184—185.

² *Гамбаров Ю. С.* Задачи современного правоведения (из «Журнала Министерства Юстиции», январь 1907 г.). СПб. : Сенатская типография, 1907. 34 с.



наступает ввиду объективных внешних условий и факторов жизни общества, существующих за пределами собственно науки, а также ввиду внутренних противоречий в ней самой, приводящих к утрате наукой своей направляющей источниковой роли для реальной практики.

Допустимо ли, оценивая положение современного правоведения в настоящее время, по прошествии более чем целого века, считать, что юриспруденция продолжает быть или вновь стала «непопулярной»? Справедливым следует признать мнение Ю. С. Гамбарова, утверждающего, что преобразования в изучении права и повышение интереса к праву необходимо рассматривать как часть преобразований в праве в целом.

Продолжая его мысли применительно к настоящему времени, допустимо предположить, что кризисное состояние права, в особенности международного, сегодня потенциально может вызвать «непопулярность» правоведения, которое оказывается неспособным предложить правотворцам и правоприменителям эффективные решения вопросов, имеющих судьбоносный характер для отдельных государств и всего международного сообщества.

Однако, как бы это ни было парадоксально, популярность правоведения подтверждается тем, что о его непопулярности рассуждают в попытке вернуть ему прежние позиции, не находя замены праву в других социальных регуляторах и замену юридическим знаниям в других научных областях. Несмотря на очевидную важность изучения права с учетом всей совокупности общественных отношений, в которых, по утверждению Ю. С. Гамбарова, выражается всякая юридическая норма, создаваемая, изменяемая, дополняемая или отменяемая под действием «импульса запросов жизни», сегодня, как и прежде, актуальность сохраняет проблематика междисциплинарности, поскольку монополизация правоведением расширяющегося круга правовых вопросов не освобождает юридическую науку от необходимости обращения к политологии, экономике, социологии, культурологии и другим общественным наукам.

Отрицая, что юриспруденция является теоретической наукой, Ю. С. Гамбаров считал достаточным объяснением этому то, что юриспруденция имеет дело прежде всего с настоящим и по самому характеру своего предмета определяет для себя практические цели, а потому есть «чисто практическое или прикладное знание»³. Но, как представляется, известные и современные споры о том, является ли юриспруденция теоретической или практической наукой, вполне могут быть разрешены, если признавать ее двойственный характер, поскольку данная наука не только учитывает и изменяет юридическую практику, но и создает особые конструкты, не имеющие прямого применения в практике, но служащие определенным идейным компасом для самой науки.

В ряду образных примеров, которые так часто предлагаются учеными с развитым воображением для научного объяснения своего видения относительно того или иного объекта исследования, можно найти и такой, обосновывающий абстрактность всякого научного знания, и юридического знания в частности, в котором наш взор обращен на хрустальный шар⁴ с постановкой вопроса о том,

³ Гамбаров Ю. С. Указ. соч. С. 13.

⁴ Рождественский А. А. Основы общей теории права : курс лекций. М., 1912. С. 155—156.

существует ли наука, которая была бы в состоянии самостоятельно изучить этот шар всесторонне, и заключением, что такой одной науки не существует. Постигание такого шара в многообразии присущих ему свойств потребует, к примеру, от физика изучить его плотность, удельный вес и прочие характеристики, от химика — молекулярный состав соответствующего вещества, от минеролога — кристаллическое строение шара и другие показатели, от геометра — пространственные особенности такой фигуры, а от юриста — правовое положение хрустального шара среди других вещей внешнего мира, рассмотрев его как возможный объект конкретных правоотношений.

Перед юристом объективно не могут быть поставлены задачи, решение которых требует наличия специальных неюридических знаний, однако в случае, если, к примеру, оборотоспособность хрустального шара как объекта гражданских прав будет зависеть от установленных законодателем физических, химических и иных характеристик такого шара, задача юриста будет состоять в том, чтобы их учесть, не осваивая новые научные знания, а обращаясь к сведущим лицам. Имея высокую степень абстрактности, юридическая наука не утрачивает свой статус науки конкретной, что только подчеркивает ее многозначность, многоаспектность и многозадачность.

Полемицирование Ю. С. Гамбарова в своих научных статьях, посвященных проблемам общей теории права и гражданского права, с известным немецким правоведом Р. Иерингом во многом объясняет созвучие в названии, но никак не повторение содержания работы Ю. С. Гамбарова «Задачи современного правоведения», изданной в 1907 г., и работы Р. Иеринга «Задача современной юриспруденции»⁵, датированной 1883 г.

Размышляя над задачами юриспруденции, Р. Иеринг, осмысливая правовую реальность в актуальных для него временных рамках, отмечал, что предчувствие о зарождении в юриспруденции чего-то нового посещало каждого, и даже того, кто оценивал это грядущее новое как нечто отрицательное. И в науке, утратившей свой покой, происходило то брожение, причины которого не только возможно, но и необходимо установить⁶. В настоящее же время предчувствие о зарождении в юриспруденции чего-то нового, которое посещает каждого теоретика и практика, связано прежде всего с научно-техническим прогрессом, формирующим совершенно новый тип общества, изменяя фундаментальные представления о правах человека, суверенитете государства, правосудии, источниках права и других основополагающих категориях.

Современную для своего времени юриспруденцию Ю. С. Гамбаров характеризовал как имеющую следующие негативные черты:

- 1) «самоограничение» рамками действующего права;
- 2) оторванность от всего, кроме своих состояний в прошлом;
- 3) стремление удержать во что бы то ни стало то, что существует, как бы это существующее ни дисгармонировало с новыми отношениями и запросами жизни;

⁵ См.: Иеринг Р. фон. Задача современной юриспруденции // Юридический вестник. 1883. Т. 13. С. 533—573.

⁶ Иеринг Р. фон. Задача современной юриспруденции. С. 534.



4) полное безразличие к своему собственному содержанию и преобразованию в будущем⁷.

К сожалению, несмотря на тенденцию сближения различных концепций правопонимания, юриспруденция, представляемая в триаде «юридическая наука, юридическая практика и юридическое образование», и сегодня не освободилась полностью от оков непримиримо крайних позитивистских взглядов, а противоречия в правовой доктрине, стратегические упущения правотворца и системные ошибки в правоприменении являются причинами, по которым вышеперечисленные негативные черты могут в той или иной степени сохраняться и в тех или иных формах проявляться. И все же современной юриспруденции не характерно «полное безразличие», о котором писал Ю. С. Гамбаров, но глубокого анализа и беспристрастной оценки требуют сегодня те конкретные усилия, которые предпринимаются в юриспруденции, небезразличной к самой себе.

Основной причиной заблуждений в теории, приводящих к ошибкам в юридической практике, Ю. С. Гамбаров, критически оценивая историческую школу права, называл смешивание явных задач исторического и практического правоведения. И сама правовая действительность начала XX в. и настоящего времени указывает на ошибочность такого смешения, приводящую к подмене истинных задач правоведения задачами исторических наук. Однако весьма спорна позиция Ю. С. Гамбарова, заключающаяся в том, что «история права касается только прошлого того или другого народа и может осведомить нас лишь о том, что было, а не о том, что должно быть»⁸, поскольку именно обращение к истории, выявление закономерностей в развитии права может осведомить нас о его будущности, знание того, что есть «бытие права» недостаточно для того, чтобы в отсутствие понимания исторических законов его формирования рассуждать о грядущем.

Категорическое отрицание Ю. С. Гамбаровым сведения юриспруденции только к толкованию действующего права, без учета действующих обычаев, складывающейся правореализационной практики и обновляющейся правовой доктрины, что ведет науку к «банкротству»⁹, слышится как эхо различения Р. Иерингом высшей и низшей юриспруденции¹⁰. Предполагается переход права из одного агрегатного состояния юридических правил (юридических принципов и положений) — низшей юриспруденции, в другое состояние «понятий»¹¹ — юриспруденции высшей, в результате которого из системы положений и идей право трансформируется в совокупность «юридических организмов», обладающих особыми свойствами.

Неиссякаемыми ключами юридического настоящего Ю. С. Гамбаров называл прежде всего потребности общественной жизни, господствующие умственные течения и нравственные идеи, судебную практику, образцы иностранного права, международные отношения, учения юристов, экономистов, политиков. И, надо признать, подобные представления об источниках права, бьющих с живительной

⁷ Гамбаров Ю. С. Указ. соч. С. 17.

⁸ Гамбаров Ю. С. Указ. соч. С. 22.

⁹ Гамбаров Ю. С. Указ. соч. С. 6—7.

¹⁰ Иеринг Р. фон. Задача современной юриспруденции. 539.

¹¹ Иеринг Р. фон. Дух римского права на различных ступенях его развития / пер. с 3-го испр. нем. изд. СПб., 1875. Ч. 1. С. 32, 41.

силой, в современной российской юридической науке, развивающейся преимущественно в векторе интегративного правопонимания, получают все большее подтверждение.

Правовая реальность формируется под действием не только формально установленных законов, но и разнообразных идей о сущем и должном, как воспевающих ценность права, так и анархически ее отрицающих, под действием правоприменения, переводящего общую модель нормы права в конкретные правоотношения, под действием того правового опыта других народов, разумная целесообразность и практическая возможность заимствования которого выявляются по результатам сравнительно-правового анализа, под действием новых вызовов в мирополитической системе, архитектура которой сегодня претерпевает существенные изменения, продолжая оказывать определяющее влияние на национальные правовые порядки стран, под действием всей совокупности знаний о закономерностях и случайностях в экономической, политической, культурной и иных сферах жизни общества, которые невозможно рассматривать в отрыве от права, оказывающего на них как регулятивно направляющее, так и опосредованное воздействие.

Однако спорным представляется утверждение Ю. С. Гамбарова о том, что «закон, в действительности, резюмирует только прошлое и уже пережитое...»¹². Во-первых, сам закон и создает то, что составляет «правовую реальность», несмотря на необъятное содержание данного понятия, в котором каждый автор может усматривать тот или иной смысл. Закон, принимаемый в прошлом по отношению ко времени его продолжающегося действия, «резюмирует» юридическое настоящее, конституируя его таким, каким оно могло быть и должно стать, исходя из общих целей и конкретных задач закона.

Во-вторых, закон может опережающе «резюмировать» юридическое будущее, создавая условия для тех общественных отношений, которые не имеют широкого распространения в обществе, но в которых очевиден определенный публичный интерес, конструировать будущее правового регулирования, устанавливая юридические рамки для тех общественных отношений, которые ранее были свободны от них ввиду своей упорядоченности иными социальными нормами, а также «резюмировать» путем целенаправленного «разрушения» в системе общественных отношений тех устоявшихся правовых связей, которые противоречат задаваемым направлениям обновляемой государственной политики.

Безусловно, разрешение научного спора, который может возникнуть при обсуждении возможностей закона «резюмировать» только прошлое, во многом зависит от семантического понимания слова «резюмировать», однако в работах Ю. С. Гамбарова в тех или иных выражениях в целом оформляется мысль об обреченности принятого закона жить в настоящем своим прошлым, что для широкого понимания права представляется излишне узкой и недостаточно обоснованной оценкой потенциала закона.

Определение для себя задач, в которых отражение находят мировой исторический государственный и правовой опыт, представления о праве должном и сущем, социальные потребности, интересы и притязания, называемые Ю. С. Гамбаровым

¹² Гамбаров Ю. С. Указ. соч. С. 7.



«основными пружинами общественной жизни», — главная задача юриспруденции, от успеха решения которой зависит не только ее собственная судьба, но и настоящее и будущее самого общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гамбаров Ю. С.* Задачи современного правоведения (из «Журнала Министерства юстиции», январь 1907 г.). — СПб. : Сенатская типография, 1907.
2. *Иеринг Р. фон.* Дух римского права на различных ступенях его развития / пер. с 3-го испр. нем. изд. — СПб., 1875. — Ч. 1.
3. *Иеринг Р. фон.* Задача современной юриспруденции // Юридический вестник. — 1883. — Т. 13. — С. 533—573.
4. Парижские тайны : Русская высшая школа общественных наук // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2016. — № 10 (26). — С. 184—185.
5. *Рожественский А. А.* Основы общей теории права : курс лекций. — М., 1912.
6. *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII—XX веков : очерки жизни и творчества : в 3 т. — 2-е изд., доп. — М. : Зерцало-М, 2015. — Т. 2. — (Серия : Русское юридическое наследие).

Культурно-историческая юриспруденция: институты и концепты

Аннотация. Тема статьи касается вопросов эволюции юриспруденции в определениях языка социокультуры своего исторического времени. Среди факторов изменений правовой аналитики и стиля аргументации ключевое место занимает категория-понятие «концепт». Концепты выражают базовые представления, касающиеся ментальных и когнитивных оснований развития права и науки права. В составе подходов в изучении права и науки права особое место занимает культурно-историческая юриспруденция, аналитический инструментарий которой предназначен для выявления, описания и объяснения концептуальных и институциональных сдвигов и переходов в развитии правовых систем. Каждая историческая эпоха эволюции права и науки права существует и определяет себя в рамках своей юридико-психологической картины мира, ее базовых концептов и нормативной грамматики должного или недолжного правопорядка. Язык социокультуры, составляя одновременно план выражения концептуальной картины мира и план содержания ее актуальных смыслов и значений, не только отражает правовую реальность, но также ее формирует. Каждая историческая эпоха говорит на языке своей социокультуры, что получает аналитическое и практическое отображение как в составе и определениях юридической науки, так и в правовых конструкциях наличного правопорядка.

Ключевые слова: культурно-историческая юриспруденция, правовые институты и концепты, юриспруденция мифа и логоса, фазовые трансформации права и науки права, язык и стиль классической и постклассической юриспруденции, онтология и эпистемология права, концептуальная картина мира.



**Юрий Алексеевич
ВЕДЕНЕЕВ,**

профессор кафедры
теории государства
и права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор

javedeneev@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.059-069

Yury A. VEDENEEV,

Professor of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Dr. Sci. (Law), Professor

javedeneev@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Cultural-Historical Jurisprudence: Institutes and Concepts

Abstract. The topic of the article concerns the evolution of jurisprudence in the definitions of the language of sociocultural of its historical time. Among the factors of changes in legal analytics and the style of argumentation, the key place is occupied by the category-concept of concept. Concepts express

© Веденеев Ю. А., 2023

basic ideas concerning the mental and cognitive foundations of the development of law and the science of law. As part of the approaches to the study of law and the science of law, a special place is occupied by cultural and historical jurisprudence, analytical the toolkit of which is designed to identify, describe, and explain conceptual and institutional shifts and transitions in the development of legal systems. Each historical epoch of the evolution of law and the science of law exists and defines itself within the framework of its legal and psychological picture of the world, its basic concepts, and the normative grammar of proper or improper law and order. The language of socioculture, constituting simultaneously the plan of expression of the conceptual picture of the world and the plan of content of its actual meanings and meanings, not only reflects the legal reality, but also shapes it. Each historical epoch speaks the language of its socio-culture, which is analytically and practically reflected both in the composition and definitions of legal science and in the legal constructions of the existing legal order.

Keywords: *cultural and historical jurisprudence, legal institutions and concepts, jurisprudence of myth and logos, phase transformations of law and the science of law, language and style of classical and postclassical jurisprudence, ontology, and epistemology of law, a conceptual picture of the world.*

1. Постановка вопроса

Современное состояние в развитии юридической науки нуждается в глубокой предметно-методологической ревизии и реконструкции. Позитивистская версия понимания права, закрытая для изменений своего категориально-понятийного языка, исчерпав свой аналитический ресурс, судорожно ищет концептуальные основания сохранения своего статуса официальной схоластики. Существующая дисциплинарная структура юриспруденции продолжает воспроизводить бесперспективную логику содержательной и структурной эволюции дисциплины как апологии формального правопорядка.

В полной мере этот момент развития отечественной юридической науки, как в предметном, так и методологическом аспектах, демонстрируют базовые учебные курсы по теории государства и права. Ни узкий, ни широкий взгляд на природу права, ни иные вариации на тему нового правопонимания не меняют язык, проблематику и структуру классической юриспруденции, ее консервативную, формально-догматическую логику построения своего предмета и изучения государственно-правовых институтов.

Юриспруденция, как и общие элементы правовой онтологии и аксиологии, должна быть предметом научной рефлексии. Сами по себе именованная корпуса юридических дисциплин общеправового профиля — теория государства и права, теория права и государства, общая теория или энциклопедия государства и права, классическая и неклассическая теория и т.п. ни о чем не говорят¹. Скорее,

¹ См.: Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания. М., 2012.

они свидетельствуют об исчерпанности наличной эпистемологии дисциплины, а не об открытии ее новой категориальной, концептуальной и аналитической перспективы.

Язык позитивной юриспруденции застыл в системе понятий и конструкций, ограничивающих возможность выхода за рамки принятых представлений, а фактически санкционированных самим юридическим научным сообществом, догматических определений и правоположений. Язык права, несмотря на формальные констатации наличия в его структуре метаязыка, концептуального и практического, остается периферийной темой и проблемой современной юриспруденции². Стандартные рассуждения о языке права и языке науки права не выходят за рамки элементарных лингвистических конструкций понимания своего предмета.

Этот концептуальный вызов все еще ждет своего адекватного концептуального ответа, поскольку изменения в системе междисциплинарных связей лежат в основании изменений аналитического языка теоретической юриспруденции³. Именно язык культурно-исторически ориентированной юриспруденции позволяет под новым комплексным углом зрения увидеть скрытые, глубинные основания и условия кризисов в развитии государственно-правовых институтов, а также цивилизационных различий в нормативных, доктринальных и аналитических практиках организации и функционирования систем социального, политического и правового общения, в том числе в механизмах их социокультурной легитимации. Они определяются пониманием нормативных границ сосуществования отдельных правовых систем в исторически различных культурах обменов и заимствований институтами и представлениями об институтах.

Очевидно, что любое явление — социальное, политическое или культурное — не существует само по себе (*per se*). Это положение относится и к праву. Онтологический статус явления права заключен в социальных коммуникациях или взаимодействиях сторон общения. Право возникает только в практиках общения с другими, их восприятиях и переживаниях, определениях и квалификациях. Отсюда проистекает то, что называется:

- феноменология права, или право в отношениях и отношении к отношениям;
- аксиология права, или право в оценках и определениях;
- эпистемология права, или право в концепциях и теориях понимания права.

² См.: Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 17—18; Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997.

Признавая безусловный вклад в изучение права с позиций стандартной грамматики языка юридических текстов, следует отметить абсолютную недостаточность подобной рефлексии на предмет права. Грамматика правопорядка — это не язык формальных высказываний о праве в грамматических конструкциях и в логических определениях. Это культурная грамматика насыщенная воображением и переживаниями правового отношения к действительности в собственном смысле и значениях данного отношения как ценности и принципа, т.е. юридического концепта действительности. Право — это не то, что выражено в тексте нормативных правовых актов, право — это то, в чем и чем живет текст в определениях культуры своего исторического времени и пространства (см.: Веденеев Ю. Грамматика правопорядка. М., 2018).

³ В поисках теории права / под ред. Е. Г. Самохиной, Е. Н. Тонкова. СПб., 2021.



Феноменология, аксиология и эпистемология права — это предметные измерения и аспекты выражения и существования права в его онтологии, или бытия права. Онтология права включает в себе два модуса существования права: внешнее бытие и внутреннее бытие. Бытие права как практически и эмпирически сущее и бытие права как ментально и когнитивно сущее. Внешнее бытие права обнаруживает себя в институтах и процедурах, т.е. юридических конструкциях организации социальных коммуникаций. Внутреннее бытие права представлено в мотивациях и оценках социального поведения. В этом смысле право или правовая реальность — одновременно институциональная и психологическая реальность. Сами правовые институты являются предметами культуральной психологии⁴.

Явление права выражает себя в определениях языка, на котором говорят и рассуждают о праве, осознают и осмысливают право в терминах юридического словаря, поговорках и пословицах, образах и метафорах. То есть языка исторически заданного социокультурой правового общения. В этом плане можно говорить о такой составляющей юридической науки и практики, как юридическая символика и поэтика правопорядка, или о семантике, семиотике и грамматике юридического языка правопорядка.

Проблема состоит в том, что язык, на котором говорят и рассуждают о праве, уже в самом себе заключает, что мы мыслим, или предмет рассуждения; как мы мыслим, или логику рассуждения. Меняя язык, мы меняем реальность. В этом смысле реальность, которая прячется в явлении права, это также функция языка — его лексики (словаря и терминологии) и грамматики (правил и способов рассуждения). В этом отношении правовая реальность — это также и языковая реальность. Язык, на котором мы говорим, думаем и рассуждаем о праве, не только отражает юридическую реальность. Язык также производит юридическую реальность. Реальность права обнаруживает себя в границах принятого социального и культурного языка общения и рассуждения о праве. Все ключевые аспекты существования и функционирования права: формирования права, реализации права, толкования права и применения права — связаны языком социального и культурного общения.

Реальность права такова, каков язык восприятия и понимания права в рамках своей собственной социокультуры. Язык социокультурного общения обладает органической или внутренней нормативностью. Язык порождает определенный нормативный текст. В своей исходной наличной онтологии все в этом мире, с чем мы сталкиваемся, есть текст.

Историческое право — это нормативный текст в устной или в письменной форме, в форме звучащей юриспруденции или в форме логически аргументированной юриспруденции. Правовое развитие от устного права к письменному означало не что иное, как парадигмальный сдвиг в практиках правового общения и регулирования. Это две исторические эпохи нормативной коммуникации: визуальной, юриспруденции жестов и ритуальных действий, и вербальной, юриспруденции звуков, интонаций и слов.

⁴ См.: Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018.

Это две культурные формации трансляции и выражения права, звучащая юриспруденция и юриспруденция письменных актов. Это две соционормативные модальности или нормативные манифестации правовых отношений — юриспруденция ритуальных практик, инициаций и генеалогий и юриспруденция формальных процедур и решений. В конечном итоге это две фундаментальные эпохи развития языка права: производства и воспроизводства правовых институтов. Это также две фундаментальные эпохи развития юридических знаний: передачи и сохранения накопленного юридического опыта, а именно исторической памяти, традиций и стереотипов поведения; юридических документов, архивов и компетенций.

Иначе говоря, право существует, формирует и выражает себя в форме лексики и грамматики языка собственной социокультуры. В ее архаической и современной формах можно различать юриспруденцию жеста и звука, юриспруденцию ритуалов и инициаций, юриспруденцию знаков и символов, юриспруденцию понятий и определений. Сегодня мы входим в новую социальную реальность и новую историческую эпоху — эпоху глобальных сетей и коммуникаций, цифрового права и транзакций. Или права сетевых сообществ, трансграничных институтов и компетенций.

Комплексная аналитика языка правовых коммуникаций сегодня составляет предмет и основание исследований *переходных состояний* социальной, политической и культурной реальности. Все старые и новые элементы *языка права* (лексика, терминология или словарь эпохи), правового *дискурса* (правил рассуждений, описания и объяснения явлений), юридического *текста* (процессов восприятия, оценки и определения права) должны найти себя в новой конфигурации юридической организации отношений власти, собственности и управления.

Это уже проблема взаимных отношений традиций и новаций правового развития в условиях кризиса традиционного языка правового общения, реального конфликта старой и новой грамматик правопорядка. Неизменной остается только универсальная и общая функция права вносить формальную определенность в социальные отношения. Сетевая практика социального общения, когда на пересечении ее подвижных и пересекающихся интересов, воли и ценностных мотиваций поведения возникают трансграничные правовые коллизии и конфликты, требует создания адекватных механизмов и форм юридической организации и регулирования сетевых социальных отношений. То есть трансграничных институтов или юридических комплексов правил и процедур пересекающихся компетенций и юрисдикций. Фактически это уход от практик правового развития и регулирования в логике иерархии и доминирования и перехода к практикам правового развития и регулирования в логике общего консенсуса на принципах транзитивности и транспарентности.

Решение этой задачи актуализирует потребность создания и введения в юридический оборот новых *языков* — практических (*правовых конструкций*) и аналитических (*правовых понятий*). Изучение данных процессов — актуальная задача и предмет современного формата юридической науки или инновационной юриспруденции. Теория права — составная часть юридической науки — образует понятийное основание ее аналитического языка. Определение места дисциплины в общей структуре юридического знания продолжает быть актуальной темой и проблемой современной юриспруденции.



Традиционная версия понимания концептуального статуса дисциплины в духе бюрократического администрирования везде и во всем, идеологически мотивируя ее предназначение, — быть альфой и омегой в объяснении государственно-правового развития — концептуальным реликтом. Ее конечный результат в полной мере выявил себя в унылом однотонном пейзаже учебной литературы, повторяющей и воспроизводящей десятилетиями как молитву классовые символы доктринальной веры⁵. Разработка темы и проблемы концептуального статуса теории права составляет актуальное направление юридической науки.

2. Юридический концепт действительности

Особое место в новой аналитике и методологии изучения развития правовых систем современной юриспруденции (*инновационной юриспруденции*) занимает понятие-категория «концепт». *Концепты* являются структурными элементами культурного механизма развития правовых систем. Как и любое явление социокультурного порядка, данная категория имеет свою историческую биографию: *эйдосы* Платона, *монады* Лейбница, *гештальты* О. Шпенглера и Эрнста Юнгера, *габитусы* Пьера Бурдьё, *эпистемы* Мишеля Фуко, *цивилизационные паттерны* Йохана Арнасона — все это проявления и исторические маркеры ментальной и когнитивной природы языка права. Сознание, отражая реальность, в определениях своей культуры рефлексивирует феномен права в рамках глубинных оснований существования и заложенной в нем языковой картины мира своего исторического времени⁶. Отсюда закономерно включение в механизм генезиса

⁵ Завершенное в себе выражение юридической теологии, выработанное на крупнейшем собрании представителей советской юридической мысли в 1938 г. и заключившее понятие права в рамки канонической формулы: «Право — совокупность правил человеческого поведения, установленных государственной властью как властью господствующего в обществе класса, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» (*Вышинский А. Я.* Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 40—41).

Здесь представлено все: и доктринальная манифестация позитивизма в его этатистской версии абсолютной веры, надежды и любви в магическую силу любых решений государства; и воплощение шопенгауэровской формулы мира как воли и представления в редакции никем и ничем не ограниченной власти в законоположениях единственно верного учения. Господствующая идеологема победившего все и вся класса продолжает до сих пор с известными вариациями на тему конституционной государственности сохранять и охранять свое концептуальное и формальное наследие. Можно бесконечно долго ходить вокруг да около, размышляя на тему государства граждан, оформивших свои отношения в определениях Конституции, своего рода политико-правовом контракте, забыв при этом, что исходным основанием политического соглашения выступает доверие государству. Доверие не безгранично. Сегодня оно есть, а завтра его может и не быть. Это рано или поздно расходуемый культурно-психологический феномен.

⁶ *Гуссерль Э.* Кризис европейской науки и трансцендентальная феноменология. СПб., 2022.

правовых систем такой составляющей процесса и оснований развития права, как концептогенез:

- нормогенез — правогенез;
- этногенез — социогенез — культурогенез — *концептогенез*;
- политогенез — государствовгенез.

Концептогенез характеризует развитие правовых систем (институтов и ценностей) в *восприятиях, переживаниях и отношениях* к праву. То есть концепты заключают в себе *регуляторные понятия* в определениях права своей социокультуры. В этом аспекте концепты являются ментальными основаниями и источниками развития права. Концепты получают свое выражение и связаны также с правопониманием или базовыми представлениями о природе и источниках права. В этом аспекте концепты являются *когнитивными* основаниями и подходами в изучении права. То есть концепты заключают в себе *аналитические понятия*, или *свои* языки описания и объяснения права.

Право как реальность не только *существует* в системе институтов, но также *изучается* в предметной логике правопонимания своей эпохи. В рамочных определениях культурного гештальта право переживается и оценивается в положительных или отрицательных коннотациях, познается и изучается в адекватной или неадекватной исследуемому явлению аналитике. Восприятие права и изучение права являются важнейшими моментами существования и развития языка права и языка науки права.

Право как социальная категория и институт отражает и выражает психологию своего исторического времени. В терминах дискурсивной логики Маркса право это не что иное, как *опредмеченная* коллективная психология общества. Факт исторического существования права лежит в определениях культуры или социокультурной психологии определенной эпохи. Либеральное, гражданское или социальное право в различных модусах и модальностях своего институционального и нормативного выражения, а именно *императивное или диспозитивное право, жесткое или мягкое право*, это проявления правосознания и правовой культуры конкретного общества. То есть социальной психологии своего исторического времени и места. Институты существуют в рамках *юридико-психологических картин мира* определенной исторической эпохи. Это предметы культурно-исторической юриспруденции и психоанализа в логике языков *инициаций* Зигмунда Фрейда, *архетипов* Карла Юнга, *симулякров* Жана Бодрийяра, *политических спектаклей* Ги Дебора и *культурных пространств* Анри Лефевра.

Именно в этом смысле право — это не только институциональная реальность. Поскольку институты одновременно переживаются и осмысляются, это также ментальная и когнитивная реальность. Поэтому важнейшим элементом понимания онтологии правовых институтов являются рамочные базовые представления о власти и нормативном регулировании, или *концепты*, своего рода доктринальные ядра политического и юридического развития соционормативных, в том числе правовых, систем.

Концепты выполняют двойную регуляторную функцию в механизме развития права и науки права: во-первых, в определениях границ аналитического языка юриспруденции; во-вторых, в определениях границ предметов правового регулирования; в-третьих, в определениях состава и структуры источников



действующего права. Поэтому право по факту и понятию — это *концептуальная реальность*. Категория «концепт» выражает коллективные представления и переживания феномена права на языке, в терминах и определениях исторической и культурной эпохи его существования. В этом смысле право — это *и концептуальная, и языковая реальность*.

Категория «концепт», наряду с категорией «институт», составляет вторую базовую аналитико-тематическую единицу изучения процессов государственно-правового развития, поскольку оно определяется нормативными представлениями о должных формах организации власти и нормативного регулирования. Оперируя в исследовании явлений государства и права определенным языком, терминологией и логикой рассуждений, важно обозначить их положение как в общей системе научной дисциплины, так и в рамках конкретно-исторической юридической картины мира.

Концепты лежат между категориями и понятиями, между социально-нормативными фактами и определениями социально-нормативных фактов. Концепты квалифицируют государственно-правовую реальность, *фиксируют* ее культурную и цивилизационную принадлежность. И, самое главное, концепты определяют исторические траектории ее развития: *инерционность и преемственность, позитивную или негативную динамику* движения политико-правовых традиций и новаций в практиках государственно-правового развития. Иначе говоря, феномен права существует в рамочных определениях и построениях концептогенеза своего времени и места.

В конечном итоге именно концепты определяют исторические траектории и судьбу тех или иных правовых систем. Феномен права существует в рамочных определениях и построениях своих концептуальных оснований, или базовых ценностей и представлений о должном. Или *юридических картин мира*. В этом отношении право — *цивилизационный феномен*. Восточная традиция понимания права связана, существует и воспроизводит себя в системе глубинных концептуальных координат: *традиции, иерархии, авторитета*. В свою очередь, западная традиция понимания права также связана, существует и воспроизводит себя в своей системе глубинных концептуальных координат: *формального равенства, индивидуальной свободы, социальной справедливости*.

Категория «концепт» раскрывает внутреннюю и скрытую от глаз природу права, поскольку концепты имеют *феноменологический статус*, т.е. статус репрезентации явления в коллективном и индивидуальном сознании в форме *образов и знаков, символов и представлений*. Концепт — это ментально существующее, конкретное воображаемое, обнаруживающее свое социальное и культурное существование в политических и правовых институтах. То есть концепты имеют институциональные, доктринальные и аналитические репрезентации. Право, прежде чем стать институтом, возникает и живет, переживается и осмысливается в сознании индивидуальном и коллективном в терминах и определениях концептов или культурных языков своей эпохи.

Таким образом, в самом общем виде, право одновременно *институциональная реальность и языковая реальность, концептуальная реальность, когнитивная и ментальная реальность* со своими предметами, аспектами и языками изучения, описания и объяснения явления права. Государственно-правовое развитие

в этом плане — это институциональное развитие социальных систем, концептуальное развитие социальных систем и ментальное развитие социальных систем.

Категория «концепт» уже представлена в отечественной юриспруденции. Концепты лежат не только в основании формирования аналитического языка юриспруденции. Это одна сторона вопроса и предмет эпистемологии права. Концепты образуют нормативное основание права и правового развития. Они играют правообразующую, а точнее, правопорождающую функцию. Это другая сторона вопроса и предмет онтологии права. *Концепты* являются источниками права и правового развития в собственном смысле и значении данной категории, явления и понятия. Юриспруденция концептов составляет аналитическое ядро инновационной юриспруденции, определяя ее собственную дисциплинарную структуру, историческую динамику и траектории развития.

Номенклатура возможных проявлений юридического концепта действительности включает множество измерений, охватывая и историко-генетические, и социокультурные, и когнитивные, и концептуальные, и нормативные, и институциональные, и формально-догматические аспекты существования и выражения права. Это своего рода универсальное первоначало *юридического per se*, следы шествия которого сквозь историческое время и пространство и образуют правовую реальность.

Это и юридические идеи, и категории, и ценности, и представления, и символы, и архетипы. Изменения в их системе, структуре и составе под влиянием экзогенных и эндогенных, постоянных и переменных факторов и условий социального развития и определяют конкретно-исторические формы и содержание правовой действительности. Можно соглашаться или не соглашаться с подобной трактовкой категории «*юридический концепт действительности*». Хотя, разумеется, каждый из перечисленных элементов, как в отдельности, так и в их системе, требует развернутого предметного анализа.

Юридический концепт действительности как элемент правовой реальности является исторической категорией, меняющейся вместе (синхронно или асинхронно, симметрично или ассиметрично) с этой реальностью. Он не может быть ни полным, ни завершенным, поскольку он такой, какой есть — в смысле существования. Юридический концепт действительности как предмет научно-практической рефлексии существует уже в другом концептуальном пространстве, в форме понятия о самом себе и той реальности, частью которой он является по факту, а не по определению.

Категория «юридический концепт действительности» и понятие «юридический концепт действительности» живут на различных этажах правовой реальности, обладают собственной предметной и эпистемологической логикой развития и воспроизводства. Их объединяет общий научно-практический язык, язык юридических определений и язык юридических конструкций. Каждая историческая эпоха существования права — это одновременно и историческая эпоха существования корреспондирующего ей юридического концепта действительности, т.е. юридического языка права и юридического языка размышления о праве. По существу, юридический концепт действительности, его содержание и структура связаны и определяются эпистемологическими и аксиологическими поворотами юридических картин мира.



3. Юриспруденция как методология и технология правового развития

Юриспруденция или юридическая наука имеет свою концептуальную биографию. Становление и развитие аналитического языка юриспруденции от фактического и конкретного к абстрактному и понятийному также имеет свои фазовые переходы и циклы в движении и развитии концепций и представлений о должном или недолжном порядке социальных отношений. Содержание юридической науки всегда включало в себя историю борьбы доктрин и теорий, протекающую в исторической логике *смены концептуальных парадигм*. Отсюда проистекает разнообразие аксиоматических, доктринальных и метафизических суждений о государстве и праве в формате языка публицистики, риторики или рационально-логических конструкций и построений. И здесь проблематика онтологического статуса юридического языка в процессах институционального и концептуального развития правовых систем имеет основополагающее научно-практическое значение.

Язык не только отражает право, но и формирует право, поскольку «языковая форма действительно представляется не только возможным, но и вообще единственным материалом нововведений и новообразований»⁷. Юридический язык производит правовую реальность в определениях и технологиях своей социокультуры. Поэтому понятийные и юридидико-технические конструкции права являются органической частью правовой реальности, ее концептуальных и институциональных оснований. Вопрос первичности и вторичности социальных или доктринальных оснований права сегодня так же далек от своего окончательного разрешения, как и вчера. Это не только основной вопрос философии, но также и основной вопрос развития права. По существу, вокруг него и вращается вся действительная проблематика и теоретической и практической юриспруденции, ее предмета, структуры, ее феноменологии и эпистемологии. Юридический язык вплетен в практики социального общения и их концептуального осмысления.

Право имманентно сущему. Оно пребывает не над и не вне социальной реальности. Оно пребывает внутри социальной реальности. Оно и есть сама эта реальность, поскольку социальное как таковое уже фактом своего существования предполагает нормативный порядок отношений. Правовое, или юридическое, или нормативно-должное — это такое фундаментальное качество социальной реальности, которое обеспечивает существование социального порядка в практиках социального общения как наиболее адекватной и нормативно обеспеченной форме порядка *per se*.

Исторические формы социального есть одновременно и исторические формы нормативного. Абсолютно прав Л. С. Мамут: «Онтическое, не опосредствуемое деонтическим, исключено»⁸. Столь же очевидно, что деонтическое, не опосредованное концептуально, также исключено. Прежде чем быть институтом, право живет в концептах. Социальная реальность задана в мифологии и религии,

⁷ См.: Кузнецин Д. В. Послесловие переводчика // Э. Гуссерль. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2022. С. 387.

⁸ Мамут Л. С. Полиmodalность права // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4 : Правовая коммуникация и правовые системы. С. 19.

образах и символах, представлениях и понятиях — доминантных для каждой эпохи юридических картин мира исторических типов правового мышления⁹ и знания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. — М., 2021.
2. Варламова Н. В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права. — М., 2016. — С. 30—71.
3. Гаджиев Г. А. Онтология права. Критическое исследование юридического концепта действительности. — М., 2013.
4. Глоссарий основных понятий устойчивого развития с комментариями / под ред. М. В. Мажориной, Е. И. Михеевой, Е. А. Шахназаровой. — М., 2022.
5. Критические теории права / под ред. Е. Н. Тонкова, И. И. Осветимской. — СПб., 2023.
6. Михайлов А. М. Актуальные вопросы правовой идеологии и методологии юриспруденции. — М., 2016.
7. Разуваев В. Н. Юридическое мышление в семиотическом пространстве правовой реальности // Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы. — СПб., 2020. — С. 29—69.
8. Юнгер Э. Смена гештальта. Прогноз на XXI век. — М., 2018.

⁹ Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2020.

Онтология права



**Александр
Александрович
ЕГОРОВ,**

доцент кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
aaegorov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Соотношение нравственности и права в трудах И. А. Ильина и Г. Ф. Шершеневича: сравнение естественно-правового и нормативистского подходов

Аннотация. В статье обосновывается необходимость обращения к политико-правовому наследию дореволюционной российской юридической мысли и предлагается анализ научного наследия классиков отечественной политико-правовой мысли И. А. Ильина и Г. Ф. Шершеневича по вопросу соотношения нравственности и права. Исследуются понятия социальных норм, их назначение и место в системе социального регулирования. Отмечается общественная природа нравственности, ее регулятивная функция и историческая изменчивость. Проводится отличие правового регулирования от нравственного регулирования. Исследуются общественная полезность нравственности, понятие нравственного поведения и его мотивов. В контексте понимания права акцентируется внимание на его принудительной природе и видах юридических санкций. В рамках тесного взаимодействия нравственности и права подчеркивается, что придание нравственной норме юридической санкции придает этой норме смешанный характер — этический и правовой. Отмечается, что требования нравственности и права в ряде случаев могут противоречить друг другу.

Ключевые слова: нравственность, право, социальные нормы, принудительность, нравственное поведение, общественная полезность, гражданская угроза, уголовная угроза.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.070-078

Alexander A. EGOROV,

Associate Professor of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)
aaegorov@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

**The Correlation of Morality and Law in the Works
of I. A. Ilyin and G. F. Shershenevich:
Comparison of Natural Law and Normative Approaches**

Abstract. *The article substantiates the need to address the political and legal heritage of pre-revolutionary Russian legal thought and offers an analysis of the scientific heritage of the classics of domestic political and legal thought I. A. Ilyin and G. F. Shershenevich on the relationship between morality and law. The concepts of social norms, their purpose and place in the system of social regulation are investigated. The social nature of morality, its regulatory function and historical variability, means of influencing persons who do not comply with the norms of morality are noted. The difference between legal regulation and moral regulation is carried out. The social utility of morality, the concept of moral behavior and its motives are investigated. In the context of understanding the law, attention is focused on its coercive nature and types of legal sanctions. Within the framework of the close interaction of morality and law, it is emphasized that giving a moral norm a legal sanction gives this norm a mixed character — ethical and legal. It is noted that the requirements of morality and law in some cases may contradict each other.*

Keywords: *morality, law, social norms, compulsion, moral behavior, public utility, civil threat, criminal threat.*

Раскрытие диалектики нравственности и права, а также их взаимодействия является одной из ключевых проблем в рамках истории учений о праве и государстве. И вряд ли когда-нибудь будет найдено удовлетворительное решение данной проблемы, касающейся важнейших принципов функционирования социума.

В условиях наблюдаемых сегодня трансформаций отечественного государства и права актуализируется интерес к доктринальным основам правоведения, в том числе к теоретическим проблемам соотношения нравственности и права, их пониманию и осмыслению. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу возрастающего научного интереса к исследованию исторических особенностей становления и развития теоретико-правового осмысления соотношения нравственности и права, к наследию российской юридической мысли в сфере социально-нормативного регулирования.

В науке сложились различные доктринальные модели рассмотрения соотношения нравственности и права: единый социальный регулятор; социальные



нормы, не имеющие между собой ничего общего; признание права минимумом нравственности; самостоятельность нравственности и права¹.

Все эти подходы представляют интерес не изолированно, а в контексте их сопоставления между собой. В этом смысле следует сравнить подходы И. А. Ильина и Г. Ф. Шершеневича. Этот выбор не следует рассматривать лишь как дань уважения выдающимся ученым. И. А. Ильин отстаивал естественно-правовую позицию, подчеркивал духовность права и был категорическим противником трактовки последнего как приказа государственной власти. В свою очередь, Г. Ф. Шершеневич был классиком юридического позитивизма (нормативизма), представители которого скептически относились к идее естественного права, отождествляли право и закон, понимали право как формально-определенный приказ государственной власти. Внимательное рассмотрение подходов И. А. Ильина и Г. Ф. Шершеневича позволяет преодолеть формальную демаркационную линию между постулатами различных типов понимания права.

Иван Александрович Ильин (1883—1954) был известен в целой совокупности ипостасей: правовед, философ, религиозный мыслитель, педагог, яркий оратор, патриот и публицист. Его творческое наследие представляет интерес в контексте постановки проблем и нестандартности решений. Одной из важнейших граней его наследия следует признать проблематику соотношения нравственности и права. По справедливому наблюдению Т. Б. Сазоновой, право в творчестве И. А. Ильина не было чем-то обособленным, оно было тесно связано с нравственностью, что объясняется специфической ролью этих важнейших регуляторов общественной и личной жизни человека². Прежде всего следует обратиться к его общему пониманию социальных норм.

И. А. Ильин понимал социальные нормы достаточно широко, включая в их состав нравственность, право и религиозные нормы, и полагал, что их общая особенность состоит в том, что все они выполняют регулятивную функцию. В его трудах достаточно четко прослеживается и более укрупненное деление социальных норм на две группы: в первую очередь, нравственные и религиозные нормы, а во вторую — правовые. По мнению И. А. Ильина, нравственность и религия выводят на первый план душевное состояние человека, а право интерпретирует уже внешнее поведение³. Здесь представляется важным вопрос о происхождении норм нравственности.

И. А. Ильин полагал, что нравственность неотделима от духовной сущности человека. По его мнению, человек, формируя свои нравственные убеждения и устанавливая нормы нравственности, не может руководствоваться «личной прихотью и произволом». Он должен задаться вопросом, что является самым совершенным в его личном поведении и в отношениях между людьми⁴.

¹ См. подробнее: *Егоров А. А.* Нравственные основания права в трудах А. П. Куницына (1783—1840) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2. С. 10—11.

² *Сазонова Т. Б.* Право и правосознание в учении И. А. Ильина : дис. ... канд. юрид. наук. Благовещенск, 1998. С. 67.

³ *Сазонова Т. Б.* Указ. соч. С. 69.

⁴ *Ильин И. А.* Общее учение о праве и государстве // Собр. соч. М., 1994. Т. 4. С. 69.

Как мы видим, И. А. Ильин, подобно представителям натуралистической этики, был убежден в невозможности установления нравственности каким-либо внешним авторитетом, так как ее истоки находятся в самом человеке. Вместе с тем, в отличие от представителей натуралистической этики, И. А. Ильин делал акцент не на биолого-психической, а на духовной сущности человека.

Полагая, что не только нравственное поведение, но и вся жизнедеятельность человека определяется духовными началами, И. А. Ильин писал: «Духовная жизнь только тогда имеет свое подлинное значение и свою истинную сущность, когда движущие ее мотивы питаются собственными лично-индивидуальными влечениями и интересами, так что давление чужой воли, хотя бы благородной и правой не имеет в этом творчестве решающего значения»⁵. Признавая за каждым человеком свободу воли, И. А. Ильин не считал эту свободу неограниченной, полагая, что свобода любого человека простирается сугубо до тех пределов, пока она не затрагивает свободу других лиц. Этот постулат лежит в основе всего творчества И. А. Ильина.

В контексте понимания идеи о происхождении нравственности необходимо учитывать религиозность самого И. А. Ильина. Он рассматривал совесть не только в качестве источника нравственных норм, но и как сосредоточение всех духовных и нравственных сил человека⁶. Таким образом, И. А. Ильин достаточно оригинально вплетает идею происхождения нравственности в религиозную канву, но не отождествляет ее с религией.

И. А. Ильин проводил отличие нравственности от религии на основании того, что религиозная норма является выражением воли Бога, а нравственная определяется голосом совести. Представляется, что религиозное начало выступает первопричиной сходства нравственности и религии, так как они действительны лишь для тех, кто их признает. И. А. Ильин полагал, что норма нравственности связывает лишь признавшего ее человека; это признание должно быть добровольным, и если кто-нибудь соблюдает ее по чужому приказанию, из покорности или страха, то она теряет свой нравственный характер⁷.

Таким образом, И. А. Ильин движущим началом нравственного поведения видел самосознание индивида. В вопросе понимания права он рассуждает уже в противоположном ключе.

Взяв за основу нормативистское понимание права как нормы или совокупности норм, И. А. Ильин делает вывод, что право — это «суждение, которое устанавливает известный порядок как должный»⁸. В данном подходе четко усматривается признак принудительности права. По мнению И. А. Ильина, правовое регулирование в отличие от нравственного имеет принудительный характер. Реализация правового предписания требует определенного поведения, которое не зависит от субъективного усмотрения человека. В данном случае критерий «правильности» и «неправильности» устанавливается государственной властью и закрепляется

⁵ Ильин И. А. О сущности правосознания // Собр. соч. М., 1994. Т. 4. С. 194.

⁶ Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. С. 70.

⁷ Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. С. 70.

⁸ Ильин И. А. Понятие права и силы // Собр. соч. М., 1994. Т. 4. С. 19.



в соответствующих законах. Требования же нравственности поддерживаются внутренним убеждением человека и общественным мнением⁹.

Как мы видим, отмечая принципиальную взаимосвязь нравственности и права как видов социальных норм, выполняющих регулятивную функцию, И. А. Ильин отмечал и отличия между ними в контексте наличия или отсутствия принудительности, формальной определенности и легальных санкций.

Весьма интересный подход к раскрытию вопроса о соотношении нравственности и права предложил русский юрист, цивилист, профессор Казанского и Московского университетов, депутат I Государственной думы Габриэль Феликсович Шершеневич (1863—1912). Этот классик дореволюционной школы юридического позитивизма в вопросе соотношения нравственности и права не просто слепо копировал традиционные установки нормативизма, а предложил достаточно прогрессивный подход.

Под общественными, или социальными, нормами Г. Ф. Шершеневич понимал правила, которые определяют отношения между людьми (нравственность, право, приличие, мода и некоторые другие)¹⁰. Несмотря на видовое разнообразие социальных норм, Г. Ф. Шершеневич отмечал две универсальные особенности: 1) цель всех социальных норм — «обеспечить условия общежития»; 2) все социальные нормы «исходят от воли одних людей и обращены к воле других людей»¹¹.

Проводя аналогию с позицией И. А. Ильина, следует отметить, что Г. Ф. Шершеневич точно так же подразумевал наличие у социальных норм регулятивной функции и выражение ими воли большинства населения. Вместе с тем соблюдение социальных норм должно быть чем-то обеспечено.

Полагая, что любая социальная норма является не советом и не просьбой, а требованием, Г. Ф. Шершеневич считал, что «угроза злом» составляет необходимый и существенный элемент любой социальной нормы¹². Таким образом, принудительность выступает общим признаком всех социальных норм. В данном контексте следует обратиться к пониманию норм нравственности.

По его мнению, правила нравственного поведения создаются всем обществом, а не отдельным человеком в интересах всего общества, но никак не в интересах отдельного человека¹³. Таким образом, для Г. Ф. Шершеневича была абсурдна сама постановка вопроса о существовании как общественной, так и индивидуальной нравственности. Он полагал, что нравственный закон не внутри человека, а вне его¹⁴. Этот подход полностью соответствует ранее упомянутой позиции И. А. Ильина, согласно которой при формировании нравственности человек не может руководствоваться «личной прихотью и произволом». Г. Ф. Шершеневич совершенно справедливо отмечает историческую изменчивость в понимании нравственности.

Шершеневич считал, что изменение жизни общества влечет за собой изменение общественного мнения в оценке того или иного поведения. Например, в

⁹ Ильин И. А. О сущности правосознания. С. 152—154.

¹⁰ Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве : лекции. М., 1911. С. 62.

¹¹ Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896. С. 21.

¹² Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве. С. 23.

¹³ Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве : лекции. С. 63.

¹⁴ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910—1912. С. 169—171.

среде древних племен социальный статус человека зависел от количества убитых им врагов. Кроме того, нравственно допустимым и даже одобряемым считалось избавление от стариков и детей¹⁵. Действительно, нормы нравственности как регулятора социальной жизни не являются чем-то неизменным, так как вся сфера социально-нормативного регулирования прямо зависит от конкретно-исторических условий жизни того или иного социума.

Важным критерием нравственного поведения Г. Ф. Шершеневич признавал его общественную полезность: «...нравственным признается такое поведение, которое соответствует тому, что в данное время, по мнению общества, является наиболее для него полезным»¹⁶. Под общественной полезностью нравственного поведения Г. Ф. Шершеневич понимал совершение действий, которые способствуют самосохранению общества, росту его благополучия и предотвращению его разрушения. Именно в этом аспекте, по его мнению, совпадают нравственные представления разных народов в разное время¹⁷.

Можно сделать вывод, что Г. Ф. Шершеневич развивает мысль И. А. Ильина, согласно которой при установлении норм нравственности необходимо учитывать самые совершенные аспекты взаимоотношений между людьми. Определяя нравственное поведение как наиболее полезное для общества социальное взаимодействие, Г. Ф. Шершеневич подходит к вопросу о том, какие люди являются нравственными. По его мнению, нравственная оценка человека не может ограничиваться лишь его внешним поведением. Например, действие человека, который жертвует деньги на строительство больницы, безусловно, является нравственным. Однако чтобы признать этого человека нравственным, необходимо установить, какими соображениями он руководствовался — помочь людям или получить орден. В первом случае можно говорить о нравственном человеке, а во втором — о ненадежном для общества человеке¹⁸.

Таким образом, нравственность оценивает любое поведение человека не только с объективной, но и с субъективной стороны. Г. Ф. Шершеневич в данном случае более подробно осмысливает позицию И. А. Ильина о том, что нравственность, в отличие от права, обращена к внутреннему миру человека. Придавая несомненное значение добровольному и осознанному следованию человеком правилам нравственности, Г. Ф. Шершеневич справедливо упоминает и о существовании нравственной санкции.

По его мнению, ни один человек не может оставаться равнодушным к положительной или отрицательной общественной оценке своего поведения. Следовательно, нравственная санкция заключается в общественном давлении со стороны среды, к которой относится данный индивид¹⁹. Чем сознательнее и настойчивее человек игнорирует правила нравственности, тем жестче проявляется реакция общества. Г. Ф. Шершеневич усматривал вариативность форм общественного

¹⁵ Шершеневич Г. Ф. *Общее учение о праве и государстве* : лекции. С. 64—65.

¹⁶ Шершеневич Г. Ф. *Общее учение о праве и государстве* : лекции. С. 65.

¹⁷ Шершеневич Г. Ф. *Общая теория права*. С. 174.

¹⁸ Шершеневич Г. Ф. *Общее учение о праве и государстве* : лекции. С. 66—67.

¹⁹ Шершеневич Г. Ф. *Общая теория права*. С. 191.



порицания: от отказа в рукопожатии и разрыва знакомства вплоть до суда Линча²⁰. Указанные формы свидетельствуют о тесном переплетении норм нравственности и права в контексте мер воздействия. В данном случае Г. Ф. Шершеневич конкретизирует формы проявления упоминаемого И. А. Ильиным общественного мнения как средства обеспечения исполнения норм нравственности.

Г. Ф. Шершеневич полагал, что если нравственной норме придается юридическая санкция, то эта норма остается этической и одновременно становится правовой (например, в случае присоединения юридической санкции к осуждению родителей за развращение детей). И наоборот — исключение юридической санкции из нормы права преобразует последнюю в норму нравственности (например, отмена наказания за ростовщичество)²¹. Таким образом, нормы нравственности и права тесно взаимосвязаны и в ряде случаев переходят друг в друга. Это обстоятельство адресует к авторскому пониманию права.

Г. Ф. Шершеневич писал: «Право есть такая норма (правило) поведения, соблюдение которого поддерживается угрозой страдания, причиняемого государственной властью нарушителю»²². Следовательно, право представляет собой принудительный порядок, установленный государством. Этот тезис вполне вписывается в концепцию юридического позитивизма. В данной авторской дефиниции прослеживается четкое отождествление права с нормой права. С. А. Пяткина справедливо считала это обстоятельство характерной особенностью юридического позитивизма²³.

Нельзя обойти стороной и скептическое отношение Г. Ф. Шершеневича к теории естественного права. По его справедливому наблюдению, право подобно другим социальным нормам подвержено изменчивости. Деяние, которое для одного народа признается преступным, у другого народа может охраняться как право. Таким образом, по мнению Г. Ф. Шершеневича, содержание любой нормы права всегда детерминируется условиями времени и места, что исключает существование неизменного и не зависящего от конкретно-исторической обстановки естественного права²⁴. Представляется, что он все же не отрицал естественное право, а выводил его за рамки правовой оценки, будучи убежденным в том, что действующее позитивное законодательство уже содержит в себе ценностную основу.

Признавая диалектическую взаимосвязь содержания права с конкретно-исторической обстановкой, Г. Ф. Шершеневич был убежден в необходимости формального подхода к исследованию правовых понятий независимо от их разнообразного содержания, которое диктуется условиями времени и места²⁵. Данный формализм в его концепции проявляется еще и в тезисе, согласно которому источниками

²⁰ Шершеневич Г. Ф. *Общее учение о праве и государстве* : лекции. С. 70.

²¹ Шершеневич Г. Ф. *Определение понятия о праве*. С. 70.

²² Шершеневич Г. Ф. *Социология* : лекции. М., 1910. С. 130.

²³ Пяткина С. А. *О правовой теории русского юридического позитивизма* // *Правоведение*. 1964. № 4. С. 119.

²⁴ Шершеневич Г. Ф. *Общее учение о праве и государстве* : лекции. С. 80. *Он же*. *Определение понятия о праве*. С. 70.

²⁵ Шершеневич Г. Ф. *История философии права*. 2-е изд. СПб., 1907. С. 17.

права признаются формы выражения положительного права²⁶. В данном случае Г. Ф. Шершеневич воспроизводит классическое для юридического позитивизма отождествление права с законом. Как уже было отмечено ранее, нравственность оценивает как с объективной, так и с субъективной стороны любое поведение человека. Правовая оценка мотивов существенно отличается и распространяется лишь на случаи несоблюдения правовых требований.

Нормы права, устанавливая определенные веления, оставляют без внимания мотивы, которыми руководствовался человек при их соблюдении. Так, например, для права не имеет значения мотив уплаты налога — считает ли гражданин необходимостью отдать часть своего дохода на нужды государства или опасается штрафа за несвоевременный платеж²⁷. В данном случае Г. Ф. Шершеневич стремится понять причину соблюдения законов.

Признавая безусловную важность добровольного следования законам, Г. Ф. Шершеневич в качестве неотъемлемого элемента права признавал правовую угрозу. По его мнению, в случае отсутствия у человека чувства законности побуждением к соблюдению законов может стать только угроза государства причинить ему известное зло за уклонение от их соблюдения²⁸. Вместе с тем он не абсолютизировал правовую угрозу, понимая, что невозможно заставить человека что-либо исполнить. Таким образом, закон должен воздействовать на волю человека, чтобы он придерживался определенного поведения, рассматривая данное поведение как общественно одобряемое и выгодное для себя. Будучи убежденным в том, что культурного человека можно склонить к соблюдению закона меньшей угрозой, чем дикого человека, Г. Ф. Шершеневич подразделял правовую угрозу на гражданскую и уголовную.

Гражданская угроза проявляется в лишении такой же ценности, которая была незаконно присвоена или удержана (например, лишение гражданина денежной суммы, которую он не заплатил за предоставленный товар). Уголовная угроза составляет возможность лишиться одного из тех благ, которыми пользуются все граждане (свобода, неприкосновенность, жизнь)²⁹. Однако, чтобы эти угрозы были действенными, гражданин должен иметь возможность пользоваться всеми теми благами, утраты которых он мог бы опасаться.

Если у человека нет имущества, то гражданское взыскание не составляет для него угрозы. Если законы страны не обеспечивают свободу и неприкосновенность граждан, то бессмысленно угрожать им потерей этих благ. По справедливому замечанию Г. Ф. Шершеневича, разумный законодатель должен сначала наделить граждан личными и материальными правами, а затем уже закреплять те или иные правовые угрозы³⁰. Отмечая, что нравственность и право основаны на соображении общепольности, Г. Ф. Шершеневич отмечал и принципиальные их отличия друг от друга.

²⁶ Шершеневич Г. Ф. Ответ профессору Загоровскому профессора Казанского университета Г. Ф. Шершеневича. Казань, 1894. С. 8.

²⁷ Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве. С. 49.

²⁸ Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве : лекции. С. 76.

²⁹ Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве : лекции. С. 78.

³⁰ Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве : лекции. С. 78.



Угроза страданием за игнорирование норм нравственности исходит от общества и выражается в общественном осуждении. Несоблюдение норм права подразумевает, что угроза исходит от государственной власти и приводится в исполнение его органами. По мнению Г. Ф. Шершеневича, воздействие на волю человека проявляется как в нравственности, так и в праве. Вместе с тем в первом случае это давление не организовано и не определено, а во втором — действие строго определено специально создаваемыми для этого государственными органами³¹.

Следовательно, нравственность и право продиктованы соображениями общепольности, подлежат принудительному исполнению и имеют общую цель — упорядочить отношения в обществе. При этом способы обеспечения их исполнения принципиально отличны. Признавая нравственность и право правилами, действующими одновременно в одной и той же общественной среде, Г. Ф. Шершеневич справедливо полагал, что они могут действовать совместно, по-разному, а в ряде случаев и находиться в противоречии друг с другом.

Например, постулаты нравственности и права осуждают ростовщичество. Требования этих социальных регуляторов расходятся в случае, если гражданину станет известно о готовящемся политическом преступлении: закон требует донести об этом, а нравственность велит сохранять молчание. В подобных случаях верх берет то правило, которое больше довлеет над человеком: чего он боится больше — общественного мнения или законного суда³².

Следует отметить, что случаи расхождения нравственности и права неизбежны, так как любое общество, в отличие от первобытной общины, достаточно разнообразно, дифференцировано, что предопределяет разность взглядов и убеждений. Государственная власть, стремясь поддерживать жизнедеятельность социума, вынуждена принимать решения, которые нередко расходятся с общественным мнением, руководствуясь или прикрываясь соображениями общепольности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Егоров А. А.* Нравственные основания права в трудах А. П. Куницына (1783—1840) // Труды Академии управления МВД России. — 2022. — № 2. — С. 8—16.
2. *Ильин И. А.* Собрание сочинений : в 10 т. — М., 1994. — Т. 4.
3. *Пяткина С. А.* О правовой теории русского юридического позитивизма // Правоведение. — 1964. — № 4. — С. 116—120.
4. *Сазонова Т. Б.* Право и правосознание в учении И. А. Ильина : дис. канд. юрид. наук. — Благовещенск, 1998.
5. *Шершеневич Г. Ф.* История философии права. — 2-е изд. — СПб., 1907.
6. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. — М., 1910—1912.
7. *Шершеневич Г. Ф.* Общее учение о праве и государстве : лекции. — М., 1911.
8. *Шершеневич Г. Ф.* Определение понятия о праве. — Казань, 1896.
9. *Шершеневич Г. Ф.* Ответ профессору Загоровскому профессора Казанского университета Г. Ф. Шершеневича. — Казань, 1894.
10. *Шершеневич Г. Ф.* Социология : лекции. — М., 1910.

³¹ *Шершеневич Г. Ф.* Общее учение о праве и государстве : лекции. С. 79.

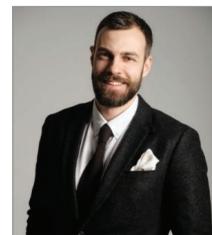
³² *Шершеневич Г. Ф.* Общее учение о праве и государстве : лекции. С. 80.

Спор Харта и Дворкина: критический потенциал для отечественной теории права

Аннотация. В статье предлагается анализ ранних аргументов англо-американской философско-правовой дискуссии, известной в научной литературе как «спор Харта и Дворкина». Исследуются ключевые тезисы, приписываемые Р. Дворкиным правовому позитивизму Г. Харта и его последователей: тезис о происхождении, тезис об усмотрении, тезис об обязательстве, а также тезис о разграничении. Дается характеристика критике указанных тезисов Р. Дворкиным, основанной на недооценке правовыми позитивистами роли правовых принципов, а также потенциалу данных аргументов для переосмысления ключевых положений мейнстрима отечественной теории права. Анализируются центральные положения эксклюзивного (жесткого) и инклюзивного (мягкого) правовых позитивизмов как двух стратегий ответа на критику Р. Дворкина. Тезис о разграничении рассматривается через призму предложенного Дж. Колманом разделения позитивной и негативной версий позитивистской теории права. Обосновываются выводы о недостаточной проблематизации характера связи между моральными и правовыми нормами в отечественной теории права, а также о критическом потенциале аргументов, высказанных в рамках спора Харта и Дворкина, для преодоления догматизма в данном вопросе.

Ключевые слова: природа права, Герберт Харт, правовой позитивизм, Рональд Дворкин, правовые принципы, Джулс Колман, право и мораль.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.079-090



**Андрей Сергеевич
БЫСТРОВ,**

старший преподаватель
Департамента теории
права и сравнительного
правоведения
НИУ «Высшая школа
экономики»,
кандидат юридических
наук, доцент
abystrov@hse.ru
109028, Россия,
г. Москва, Большой
Трехсвятительский пер.,
д. 3



**Сергей Валерьевич
ВИНОГРАДОВ,**

преподаватель
Департамента права
цифровых технологий
и биоправа
Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»,
аспирант
svinogradov@hse.ru
109028, Россия,
г. Москва, Большой
Трехсвятительский пер.,
д. 3

© Быстров А. С.,
Виноградов В. С., 2023

Andrey S. BYSTROV,

*Senior lecturer of the School of theory of law and comparative law
of the Higher School of Economics University, Cand. Sci. (Law), Associate Professor*
abystrov@hse.ru

3, Bol'shoj Tryokhsvyatitel'skij per., Moscow, Russia, 109028

Sergey V. VINOGRADOV,

*Lecturer of the School of digital law and bio-law
of the Higher School of Economics University, postgraduate student*
svinogradov@hse.ru

3, Bol'shoj Tryokhsvyatitel'skij per., Moscow, Russia, 109028

The “Hart-Dworkin” Debate: Critical Capacity for Russian Legal Theory

Abstract. *This article is devoted to an analysis of the early arguments within the Anglo-American philosophical and legal discussion, known in the academic literature as the “Hart-Dworkin” debate. The key theses attributed by R. Dworkin to the legal positivism of H. Hart and his proponents are examined: the pedigree thesis, the discretion thesis, the obligation thesis and the separability thesis. R. Dworkin’s criticism of these theses, on the basis of legal positivists’ undervaluing of the role of legal principles, as well as the capacity of these arguments for reconsideration of the key assumptions of mainstream Russian legal theory, is characterized. The central statements of the exclusive (hard) and inclusive (soft) legal positivism as two strategies of reaction to R. Dworkin’s critique are analysed. The separability thesis is discussed through the framework of J. Coleman’s distinction between positive and negative versions of the positivist legal theory. The conclusion that the nature of the nexus between moral and legal norms has not been properly problematised in contemporary Russian legal theory and that the arguments in the Hart-Dworkin debate have critical capacity to challenge dogmatism on this issue is justified.*

Keywords: *nature of law, Herbert Hart, legal positivism, Ronald Dworkin, legal principles, Jules Coleman, law and morality.*

Правопонимание и дисциплинарные границы

Ключевым для юриспруденции вопросом является проблема природы права: различные предпосылки относительно сущности правовых норм и их общеобязательности, происхождения и видов, связи с принуждением и моралью формируют кардинально отличающиеся картины мира у юристов, аксиоматично принимающих те или иные взгляды на право как таковое.

Правопонимание, сформированное в процессе получения высшего образования, в дальнейшем является своего рода очками, через которые юрист смотрит на мир, на социальную действительность: то, что сторонник неопозитивизма сочтет законным, адепту возрожденного естественного права покажется

противоправным, а то, что легист объявит произволом судейского усмотрения, юснатуралист признает точной реализацией прав человека.

По этой причине последовательная рефлексия о собственных представлениях относительно природы права — долг всякого интеллектуально честного юриста, признающего своим ремеслом не просто защиту интересов доверителя, но искусство добра и справедливости. Именно поэтому проблема правопонимания в современных реалиях высшего юридического образования нуждается в переосмыслении.

В учебных планах современных отечественных программ юридического бакалавриата вопросы общей теории права, призванные сформировать у студентов представления о природе, признаках, сущности и функциях права, поднимаются прежде всего в курсе *теории государства и права* и в курсе *философии права*. При этом первая дисциплина обычно направлена на формирование у будущих юристов общего понятийно-концептуального аппарата — единого *lingua franca* отраслевых юристов, а вторая должна подвергнуть критическому переосмыслению аксиоматически изложенную теорию права, выветив общие, фундаментальные проблемы юриспруденции.

Неудивительно, что в условиях подчинения высшего правового образования задачам рынка юридических профессий более критическая по своей природе дисциплина — философия права часто оказывается «задвинута» на поздние курсы бакалавриата или же вовсе вынесена в блок курсов по выбору (студенты же предпочитают более практико-ориентированные курсы)¹.

В итоге подавляющее большинство будущих юрисконсульты, адвокаты, судьи, нотариусы, правоохранители и т.д. последовательно рассуждают о природе и функциях права исключительно в рамках курса теории государства и права, где после беглого обзора всевозможных подходов к правопониманию следует некритическое изложение «стройной» аксиоматики правового позитивизма.

Преодоление дисциплинарного барьера необходимо прежде всего для критического пересмотра догм отечественной теории права, формирующих правопонимание юридического сообщества: достижения современной философии права должны восприниматься не просто как умозрительные споры на новой странице истории правовых учений, но как рабочий инструмент для постановки теоретических проблем. Цель данной работы — актуализировать в отечественном научном дискурсе² один из ключевых споров англо-американской философии права XX в.,

¹ Таким образом выстроены программы высшего юридического образования в ведущих московских вузах: 1) пятилетняя программа бакалавриата «Право» НИУ ВШЭ предполагает изучение курса теории государства и права (далее — ТГП) в начале 1-го курса, а изучение курса современной философии права (далее — ФП) — в начале 4-го курса, по выбору; 2) четырехлетняя программа бакалавриата «Юриспруденция» МГУ предполагает изучение ТГП в начале 1-го курса, а ФП — не включает в качестве самостоятельного курса; 3) Major «Академическая юриспруденция» в рамках четырехлетней программы бакалавриата «Юриспруденция: междисциплинарные исследования» (РАНХиГС) предполагает изучение ТГП на 1-м курсе, а ФП — на 4-м курсе; и т.д.

² Русскоязычному читателю тема в последние годы стала известна благодаря публикациям И. М. Чурносова, С. Н. Касаткина, А. Б. Дидикина, А. В. Нехаева, С. В. Коваль, а



продемонстрировав его критический потенциал для проблематизации вопросов теории государства и права, без которой невозможно формирование более осознанных и последовательных взглядов на природу права.

Роль принципов в праве

С момента выхода в 1967 г. статьи «Модель правил»³ (переизданной в 1977 г. в качестве главы книги «О правах всерьез»)⁴ англо-американская юриспруденция оказалась буквально одержима дебатами, развернувшимися между ее автором, профессором юридического факультета Йельского университета Рональдом Дворкиным (1931—2013), и профессором юриспруденции Оксфордского университета Гербертом Хартом (1907—1992), чья теория подверглась в статье последовательной критике. Сложная и многоаспектная дискуссия «гигантов современной аналитической юриспруденции»⁵ по ключевым вопросам теории и философии права привлекла внимание, пожалуй, всех ведущих ученых-юристов западного академического мира.

Хотя на критику Дворкина сам Харт и не представил системно изложенного ответа⁶, отстаивать его концепцию, ставшую на тот момент наиболее влиятельной частью позитивистской юридической теории, ринулось множество правоведов, вдохновленных ранее его «Понятием права»⁷. В числе наиболее известных и увлеченных его «защитников» окажутся Джозеф Раз, Скотт Шапиро, Брайан Лейтер, Джулс Колман и многие другие — в начале 2000-х гг. последний выступит редактором известного сборника работ, обобщивших коллективный посмертный «ответ Харта» на критику⁸.

также переводу на русский язык некоторых ключевых работ, внесших вклад в развитие рассматриваемого спора: «О правах всерьез» и «Империя права» Р. Дворкина, «Понятие права» Г. Харта, «Авторитет права» Дж. Раза, «Законность» С. Шапиро, «Философия права» Р. Уакса. Усилившееся внимание к спору Харта и Дворкина в отечественных работах по философии права не идет ни в какое сравнение с интересом в англоязычной академии, где данный спор занимал центральное место с конца 1960-х гг.

³ *Dworkin R.* The Model of Rules // *The University of Chicago Law Review.* 1967. Vol. 35. No. 1 P. 14—46.

⁴ *Dworkin R.* Taking Rights Seriously. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1977. P. 14—45. Русский перевод см.: *Дворкин Р.* О правах всерьез. М. : РОССПЭН, 2004. С. 35—75.

⁵ Такowymi являются Харт и Дворкин по оценке Джулса Колмана, с которой сложно не согласиться. См.: *Philosophy of Law. An Introduction to Jurisprudence.* 2-nd ed. (revised). Boulder : Westview Press, 1989. P. xv.

⁶ Это делает несколько условным устоявшееся в научной литературе название данной дискуссии — «спор Харта и Дворкина».

⁷ *Hart H. L. A.* The Concept of Law. 2-nd ed. Oxford : Clarendon Press, 1994. XII + 315 p. Русский перевод см.: *Харт Г. Л. А.* Понятие права. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 302 с.

⁸ *Hart's Postscript: Essays on the Postscript to the Concept of Law.* New York : Oxford University Press, 2001. 464 p.

Получившаяся дискуссия оказалась крайне многомерной и, видоизменяясь на разных этапах, затронула почти все ключевые вопросы теории права, заняв центральное место в юридической мысли конца XX в.

Начинается спор с критики Дворкиным трех тезисов, которые он в 1967 г. приписывает всей неопозитивистской юриспруденции в целом:

- a) право представляет собой совокупность норм, которые могут быть выделены с помощью критериев, относящихся не к содержанию норм, а к их происхождению или способу принятия, — *тезис о происхождении (pedigree thesis)*⁹;
- b) набором данных норм право исчерпывается: если дело не может быть разрешено применением одной из норм, то решения выносятся не путем применения права, а на основе судебного усмотрения — *тезис об усмотрении (discretion thesis)*;
- c) если кто-то имеет юридическую обязанность, он подпадает под действие правовой нормы, требующей от него совершения определенных действий или воздержания от них — *тезис об обязательстве (obligation thesis)*¹⁰.

Дворкин выступил с последовательной критикой данных тезисов. Прежде всего он указывает, что неопозитивизм (понимаемый таким образом) не может предложить убедительного объяснения существованию правовых принципов, т.е. модель права, предложенная Хартом, является «моделью системы норм», а потому должна быть отвергнута¹¹. Дворкин настаивает, что, применяя принципы права в отсутствие применимых норм, судьи все еще считают себя связанными правом — они не действуют в силу своего собственного усмотрения (в сильном смысле), а пытаются понять, какой принцип имеет больший «вес» и является ключевым для разрешения сложного спора¹². Они оказываются связаны правом, так как не могут выходить за рамки правовых принципов и предлагать не подкрепленное ими судебное решение — это опровергает *тезис об усмотрении (b)*.

Не меньшую проблему существование правовых принципов, по мнению Дворкина, представляет и для *тезиса о происхождении (a)*, так как легальность принципов зависит прежде всего от их содержания (справедливости, моральной обоснованности), а не происхождения¹³. Попытка подвести их под правило признания, основанное на происхождении нормы, не увенчалась успехом — ключевым обоснованием применения принципа для разрешения дела остаются соображения политической морали, а не институциональное его закрепление.

Подобная постановка вопроса, еще в конце 1960-х гг. открывшая одну из наиболее продуктивных философско-правовых дискуссий современности, до сих пор не осмыслена отечественной теорией права. Если критикуемая Дворкиным концепция Харта находит редкое (и оттого более ценное) упоминание в отдельных

⁹ Этот тезис предполагает: во-первых, (a1) наличие в любом сообществе правила признания, позволяющего отличить правовую норму от других социальных, а во-вторых, (a2) ограничение на это правило — оно должно отсылать к социальным фактам, требовать определенного происхождения, но оно не может отсылать к моральным нормам.

¹⁰ Дворкин Р. Указ. соч. С. 38—39.

¹¹ Дворкин Р. Указ. соч. С. 44—45.

¹² Дворкин Р. Указ. соч. С. 65—68.

¹³ Дворкин Р. Указ. соч. С. 68—75.



учебниках по теории права¹⁴, то сама эта критика появляется исключительно на страницах пособий по философии права¹⁵. При этом базовые определения права, находящие отражение на страницах учебников, последовательно характеризуют его как «систему норм»¹⁶, игнорируя значение принципов (имеющих значимое логическое различие с нормами)¹⁷ в качестве высших стандартов права, необходимых для разрешения сложных дел и определяющих надлежащий подход к толкованию норм права.

Разграничение права и морали

Избрав мишенью своей критики «Понятие права», Дворкин не получил прямого ответа Харта, но встретил серьезное сопротивление многочисленных защитников неопозитивизма. Оставим за скобками вопрос о том, насколько критика Дворкина вообще относима к теории Харта, поскольку предложены аргументы и в пользу того, что Харт не разделяет приписываемый ему тезис о праве как системе исключительно норм¹⁸, и в пользу того, что, хотя Харт и не высказывает данный тезис напрямую, он, по всей видимости, придерживается его¹⁹. Рассмотрим пути

¹⁴ См., например: Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. Б. Исакова. М. : Норма ; Инфра-М, 2023. С. 40—43.

¹⁵ См., например: Дидикин А. Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск : Издательство Томского университета, 2016. 244 с.

¹⁶ См., например, определения: «Право — система общеобязательных, формально определенных норм, обеспеченных принудительной силой государства и регулирующих общественные отношения посредством установления прав и обязанностей субъектов» (Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. Б. Исакова. С. 56); «Право (в этом сугубо юридическом смысле) — это система общеобязательных, формально определенных юридических норм, выражающих общественную, классовую волю (конкретные интересы общества, классов и т.п.), устанавливаемых и обеспечиваемых государством и направленных на урегулирование общественных отношений» (Малько А. В., Нырко В. В., Шундинов К. В. Теория государства и права : учебник для среднего профессионального образования. М. : Норма ; Инфра-М, 2022. С. 135); «Что же касается наиболее приемлемого в теоретическом и практическом плане его определения, то им могло бы служить следующее: *под правом понимается система общеобязательных, формально определенных норм, обеспечиваемых государством и направленных на регулирование поведения людей в соответствии с принятыми в данном обществе устоями социально-экономической, политической и духовной жизни*» (Теория государства и права : учебник / под ред. М. Н. Марченко, Е. М. Дерябиной. М. : Проспект, 2019. С. 167).

¹⁷ Дворкин Р. Указ. соч. С. 48, 50—51. См. также: Коваль С. В. Разграничение принципов и правовых норм в философии права Р. Дворкина // Вестник Московского университета. Серия 7 : Философия. 2020. № 2. С. 63—71.

¹⁸ Raz J. Legal Principles and the Limits of Law // The Yale Law Journal. 1972. Vol. 81. P. 845.

¹⁹ Shapiro S. J. The «Hart-Dworkin» Debate: A Short Guide for the Perplexed / University of Michigan Law School // Public Law and Legal Theory Working Paper Series. 2007. № 77. P. 15. URL: <http://ssrn.com/abstract=968657>.

именно содержательной защиты неопозитивизма от проблемы правовых принципов, к которым прибегли защитники Харта.

Выдвинутая Дворкиным критика концепции Харта разделила неопозитивистов на два крупных лагеря: защитники Харта оказались вынуждены либо отрицать правовую природу принципов, используемых судьями для разрешения сложных дел, либо отказаться от одного из тезисов, к которым Дворкин свел позитивистскую теорию, предложив такое описание позитивизма, которое включило бы правовые принципы.

Для «*эксклюзивных (жестких) правовых позитивистов*» (к числу которых относят, например, Джозефа Раза) тезис о происхождении является ключевым для правового позитивизма. Существование правовых принципов для них не является проблемой, так как объясняется существованием «судебного обычая»: правовой характер принципов подкрепляется традицией их употребления судами — официальными государственными органами (в российской правовой системе социальная составляющая принципов еще более наглядна в силу их закрепления в нормативных актах).

Другое объяснение, предложенное жесткими позитивистами, предполагает, что в сложных случаях суды подчиняются своей правовой обязанности использовать внеправовые стандарты, а требование права обратиться к моральным принципам в ходе усмотрения не делает эти принципы правовыми. Судейское усмотрение не дает судье свободу в применении внеправовых принципов: при отсутствии подходящей правовой нормы он остается обязанным выбрать из неправовых принципов наиболее приемлемый с точки зрения морали.

Но действительно ли более значимым для природы правовых принципов является их социальное признание (в том числе через закрепление в законе), нежели моральное содержание? Следует в таком случае признать вопрос выбора правовых принципов, закрепляемых в тексте нормативных актов, вопросом *de lege ferenda* и оставить его для спора политических философов, но не юристов. Проблема в том, что это не лишит последних муки выбора в случае конфликта принципов, применимых для восполнения пробелов в праве или определяющих надлежащее толкование. Этот выбор можно назвать произвольным, счесть его неизбежной проблемой «открытой текстуры» права и признать вопросом судейского усмотрения, разрешаемым моральными, а не правовыми средствами.

Но действительно ли сами судьи сочтут его таковым? Насколько адекватным оказывается это диктуемое стремлением к очищению права от морали теоретическое описание процесса толкования как обращения к внеправовым принципам? Эта проблема как минимум должна подниматься при обсуждении соответствующих разделов теории права.

Оппозицией описанному выше взгляду стал «*инклюзивный (мягкий) правовой позитивизм*», сторонники которого, согласившись с Дворкиным в том, что существуют принципы, имеющие правовую природу, отказались от характеристики позитивизма как запрещающего моральный критерий легальности. К числу наиболее успешных среди мягких позитивистов следует отнести Джулса Колмана, предложившего свою интерпретацию того противоречия, на которое указывал Дворкин.



Колман заявил, что любая теория о природе или сущности права предлагает свой критерий для определения того, какие из норм сообщества являются правовыми — для неопозитивизма, начиная с Харта, подобным критерием является правило признания²⁰. В этом смысле любую теорию права, по мнению Колмана, можно свести к той или иной версии позитивизма в широком смысле, как аналитической юриспруденции, однако более узкое понимание позитивизма (против которого выступил Дворкин) требует признания еще одного из двух требований: наложения ограничения либо на (d1) *критерий легальности*, закладываемый в правило признания, либо на (d2) *возможные источники нормативности* правил признания²¹. Первую версию Колман называет негативным позитивизмом, вторую — позитивным.

Важным объединяющим свойством двух версий позитивизма Колман считает цель указанных ограничений, накладываемых на правило признания. В обоих случаях данные ограничения отстаивают следующее утверждение:

d) нормы права возможно отделить от требований морали, отсутствует провозглашаемая юснатуралистами необходимая и неразрывная связь морали и права — *тезис о разграничении (separability thesis)*²².

Для позитивистов оказывается мыслима правовая система, в которой законность нормы не зависит от ее моральности, а несправедливые нормы могут быть законом: право и мораль для них концептуально различимы. Инструментом для данного разграничения выступает *правило признания*, которое позитивисты понимают семантически: оно определяет условия истинности суждений о праве (по типу «в сообществе S правом является то, что P»). В эпистемическом смысле тезис о разграничении предполагает возможность узнать, является ли некая норма правовой в конкретном обществе, не прибегая к вопросу о соотношении этой нормы с принципами морали (даже если все законы конкретного сообщества являются нормами морали).

Правоприменение и социальная основа права

Правовой позитивизм, в интерпретации Рональда Дворкина, предполагает следующую версию тезиса о разграничении: моральный по своей сути принцип не является условием истинности ни для одного правового утверждения ни в одном сообществе. Если согласиться с подобным заявлением, придется признать, что ни одно правило признания не могло бы ссылаться на принципы политической морали; с помощью примеров обратного Дворкин и критикует правовой позитивизм в «Модели прав». Однако, по мнению Колмана, надлежащее понимание

²⁰ Coleman J. L. Negative and Positive Positivism // The Journal of Legal Studies. 1982. Vol. 11. № 1. P. 139.

²¹ Coleman J. L. Negative and Positive Positivism.

²² Колман подчеркивает, что тезис о разграничении при этом не нужно путать с тезисом о полном отсутствии связи морали и права — последний легко опровергнуть эмпирически, рассматривая, например, уголовные нормы. См.: Coleman J. L. Negative and Positive Positivism. P. 142.

позитивистского тезиса о разграничении не оправдывает существенных ограничений в отношении какой-либо конкретной нормы признания²³. Тогда тезисы правового позитивизма верны, пока мы можем логически представить правовую систему, где правило признания не сводится к моральным принципам — они не могут быть опровергнуты контрпримерами Дворкина, так как подобная формулировка не требует всеобщности. Подобную версию позитивизма, накладывающую ограничения на условия законности, которые заложены в правила признания, Колман и называет *негативной*.

Негативный позитивизм не определяет, что есть общего для права, он лишь строго отграничивает то, чем право не является, — такая версия юридической теории вряд ли соответствует взглядам Дворкина на цели теории права. Когда в «Модели правил» он приводит пример сообществ, некоторые нормы которых правовыми делает ссылка на моральные принципы, а не ссылка на принявший эти нормы орган, Дворкин оспаривает не негативную версию позитивизма, а тезис о разграничении в совокупности с требованием запрета моральной составляющей принципа признания. Дворкин спорит с позитивизмом, предполагающим что *никакая* система, имеющая моральные принципы в качестве правовых норм, не может в качестве стандарта власти иметь критерий происхождения. Эта версия позитивизма, в терминах Колмана, является *позитивной*.

Сложно отрицать, что многие позитивисты понимают тезис о разграничении как разделяющий мораль и право не только концептуально: на основе того, что мораль противоречива, а право претендует на однозначность, они требуют более строгого отделения права от морали, что позволит в спорных делах предоставить процедуру их однозначного разрешения. Позитивный позитивизм (в духе Харта) в связи с этим предполагает, что право состоит из неопровержимых фактов — его существование и содержание определяются фактами о социальных группах, а не моральными фактами, т.е. вопрос о действительности (validity) правовой нормы концептуально не зависит от вопроса о ее моральных достоинствах или недостатках²⁴.

В таком случае возражения Дворкина выглядят куда более вескими. Он готов предположить, что содержание социальных правил определяются по социальной договоренности — социальное правило налагает обязанность Р, если, и только если, члены группы соглашаются, что Р является обязательным. Но в таком случае, по мнению Дворкина, оказываются невозможны споры о легальности: социальность правила признания предполагает согласие относительно критериев легальности. А значит, правило признания требует разрешения сложных случаев путем ссылки на моральные принципы, что подрывает саму основу позитивной версии позитивизма — оказывается, что правило признания не может быть исключительно социальным правилом, следовательно, мораль неотделима от права.

Джулс Колман предлагает оригинальный способ преодоления данного возражения Дворкина, разграничивая два типа правовых разногласий — о содержании

²³ Coleman J. L. Markets, Morals and the Law. New York : Oxford University Press, 2000. P. 6—7.

²⁴ Hart H. L. A. Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. No. 4. P. 615.



правила и о его применении²⁵. Сложные дела, с позиции Колмана, являются спором о применении моральных принципов, а не о содержании норм: все судьи согласны в отношении правила применения (необходимости обращения к моральным принципам), но расходятся в том, какие принципы следует применять. Соглашаясь в вопросе критериев легальности, судьи могут расходиться во мнениях о том, чего требует данный критерий. Эта альтернативная версия позитивного позитивизма предполагает не бесспорность закона, а его условность: авторитетом закона признается его принятие официальными лицами. При этом тезис о разграничении не запрещает моральные критерии легальности, но указывает, что сама по себе моральная составляющая правовых принципов не подрывает социальный факт. Правовые принципы имеют социальное происхождение — и, пока существование правила, подтверждающего их легальность, подкрепляется социальным фактом, право имеет неопровержимую социальную основу.

Заключение

В начале XXI в. профессор школы права Чикагского университета Брайан Лейтер поднял вопрос, должны ли дебаты Герберта Харта и Рональда Дворкина играть в современных учебных программах по теории права такую роль, какую они имели в XX в. По мнению Лейтера, нет, так как сложно представить себе правовую теорию, в которой работа Харта не занимала бы центральную роль, а победитель спора настолько очевиден, что «даже эвристическая ценность критики Дворкиным Харта теперь может быть поставлена под сомнение»²⁶.

Один из учеников Харта, профессор юридического факультета Йельского университета Скотт Шапиро, встав в споре с Дворкиным на позицию Харта, тем не менее не согласился с оценкой Лейтера и подробно описал проблемы, встающие перед позитивизмом в связи с более поздней критикой Дворкиным «семантического жала» аналитической юриспруденции и методологии правовой теории²⁷. Независимо от выбора победителей и проигравших в споре Харта и Дворкина, нужно признать, что сама дискуссия стала центральной для англо-американской теоретической юриспруденции рубежа XX—XXI вв., породив много весомых аргументов относительно природы и сущности права, его функций и соотношения с моралью.

Для российской теории права значение спора Харта и Дворкина остается крайне незначительным. С предметом дискуссии отечественные юристы знакомы по большей части из отдельных философско-правовых публикаций, в то время как догма общей теории права осталась не затронутой критическими замечаниями, высказанными ведущими западными философами права с конца 1960-х гг. Так,

²⁵ *Hart H. L. A. Positivism and the Separation of Law and Morals.* P. 20.

²⁶ *Leiter B. Beyond the Hart/Dworkin Debate: The Methodology Problem in Jurisprudence // American Journal of Jurisprudence.* 2003. Vol.48. № 1. P. 18.

²⁷ *Shapiro S. J. The «Hart-Dworkin» Debate: A Short Guide for the Perplexed / University of Michigan Law School. Public Law and Legal Theory Working Paper Series.* 2007. № 77. P. 53—54. URL: <http://ssrn.com/abstract=968657>.

принятый в отечественной теории права подход к определению права ограничивает его системой норм, игнорируя роль правовых принципов как ориентиров развития правовой системы и важнейших критериев для выбора надлежащего толкования, которое определяет правовые последствия применения норм права в виде признания конкретных субъективных прав и обязанностей.

Вопрос о правовом либо моральном характере принципов и пределах судебного усмотрения остается без систематического рассмотрения — эвристически продуктивным могло бы быть его соотнесение со сформированными в современной англо-американской философии права позициями относительно природы права (а также относительно возможности и критериев его различения с моралью).

Вопрос о разграничении морали и права заслуживает не только пространного указания на «взаимную обусловленность» или же догматического описания их различий по признаку формальной определенности или санкционирования государством, но и полноценной критической проблематизации, высвечивающей теоретические вопросы о месте судебного усмотрения, принципах толкования и функциях правотворчества и правоприменения.

В процессе этого переосмысления отечественной теории права игнорировать аргументы Г. Харта, Р. Дворкина, Дж. Раза, С. Шапиро, Дж. Колмана и других западных философов права было бы большим упущением.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дворкин Р. О правах всерьез. — М. : РОССПЭН, 2004. — 392 с.
2. Дидикин А. Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. — Томск : Издательство Томского университета, 2016. — 244 с.
3. Коваль С. В. Разграничение принципов и правовых норм в философии права Р. Дворкина // Вестник Московского университета. — Серия 7 : Философия. — 2020. — № 2. — С. 63—71.
4. Малько А. В., Нырков В. В., Шундилов К. В. Теория государства и права : учебник для среднего профессионального образования. — М. : Норма ; Инфра-М, 2022. — 432 с.
5. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. Б. Исакова. — М. : Норма ; Инфра-М, 2023. — 656 с.
6. Теория государства и права : учебник / под ред. М. Н. Марченко, Е. М. Дерябиной. — М. : Проспект, 2019. — 432 с.
7. Харт Г. Л. А. Понятие права. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. — 302 с.
8. Coleman J. L. Incorporationism, Conventionality, and the Practical Difference Thesis // Hart's Postscript: Essays on the Postscript to the Concept of Law. — New York : Oxford University Press, 2001. — P. 99—147.
9. Coleman J. L. Markets, Morals and the Law. — New York : Oxford University Press, 2000. — 393 p.
10. Coleman J. L. Methodology // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law. — New York : Oxford University Press, 2004. — P. 311—351.



11. *Coleman J. L.* Negative and Positive Positivism // *The Journal of Legal Studies*. — 1982. — Vol. 11. — No. 1. — P. 139—164.
12. *Dworkin R.* *Law's Empire*. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1986. — 470 p.
13. *Dworkin R.* The Model of Rules // *The University of Chicago Law Review*. — 1967. — Vol. 35. — No. 1. — P. 14—26.
14. *Dworkin R.* *Taking Rights Seriously*. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1977. — 563 p.
15. *Hart H. L. A.* *The Concept of Law*. — 2-nd ed. — Oxford : Clarendon Press, 1994. — XII + 315 p.
16. *Hart H. L. A.* Positivism and the Separation of Law and Morals // *Harvard Law Review*. — 1958. — Vol. 71. — No. 4. — P. 593—629.
17. *Leiter B.* Beyond the Hart/Dworkin Debate: The Methodology Problem in Jurisprudence // *American Journal of Jurisprudence*. — 2003. — Vol. 48. — No. 1. — P. 17—51.
18. *Philosophy of Law. An Introduction to Jurisprudence*. — 2-nd ed. (revised). — Boulder : Westview Press, 1989. — XVI + 240 p.
19. *Raz J.* Legal Principles and the Limits of Law // *The Yale Law Journal*. — 1972. — Vol. 81. — P. 823—854.
20. *Shapiro S. J.* The «Hart-Dworkin» Debate: A Short Guide for the Perplexed / University of Michigan Law School // *Public Law and Legal Theory Working Paper Series*. — 2007. — No. 77. — P. 1—54. — URL: <http://ssrn.com/abstract=968657>.

История политических и правовых учений

Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования более эффективной и перспективной историографии политической и правовой мысли. Причины неудовлетворительного состояния некоторых существующих подходов и в зарубежной, и в российской литературе видятся как в объективно происходящих процессах изменений социальных требований к качеству правовых знаний, так и в различных практиках, в основе которых используются устаревшие и нередко идеологические модели. Критические замечания в адрес различных аспектов историографических подходов в области истории правовой мысли обусловлены конкретными наблюдениями и ни в коем случае не предполагают отрицания лучших образцов интеллектуальной культуры. Лейтмотивом настоящего исследования является положение о том, что история правовой мысли в своей историографической основе, как и духовная культура вообще, предполагает не идеологические построения, осуществляемые по разным соображениям, а лишь два существенных аспекта, каждый из которых должен иметь равноправное значение и прописку в области современных практик освоения истории правовой мысли: событийный и обыденный слои (по аналогии с культурологическими идеями А. М. Панченко).

Ключевые слова: принципы историографии, история правовой мысли, источники познания права, русская правовая мысль, англо-американская правовая мысль, немецкая правовая мысль, правосознание, литература, правовая культура, язык права.



**Владимир Сергеевич
ГОРБАНЬ,**

заведующий сектором
философии права,
истории и теории
государства и права,
руководитель
Междисциплинарного
центра
философско-правовых
исследований
Института государства и
права РАН,
доктор юридических наук
gorbanv@gmail.com
119019, Россия, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101

Vladimir S. GORBAN,

*Head of the Sector of philosophy of Law,
history and theory of state and law,*

*Head of the Interdisciplinary center for philosophical and legal studies, Institute of
State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Dr. Sci. (Law)*

gorbanv@gmail.com

10, ul. Znamenka, Moscow, Russia, 119019

New Historiography of Political and Legal Thought as an Urgent Task of Legal Sciences

Abstract. *The article deals with the problem of forming a more effective and promising historiography of political and legal thought. The reasons for the unsatisfactory state of some existing approaches, both in foreign and Russian literature, are seen both in the objectively occurring processes of changes in social requirements for the quality of legal knowledge, and in various practices based on outdated and often ideological models. Critical remarks about various aspects of historiographical approaches in the field of the history of legal thought are conditioned by specific observations and in no way imply the denial of the best examples of intellectual culture. The leitmotif of this study is the position that the history of legal thought in its historiographical basis, as well as spiritual culture in general, does not imply ideological constructions carried out for various reasons, but only two essential aspects, each of which should have equal significance and registration in the field of modern practices of mastering the history of legal thought: event and everyday layers (by analogy with the cultural ideas of A. M. Panchenko).*

Keywords: *principles of historiography, history of legal thought, sources of knowledge of law, Russian legal thought, Anglo-American legal thought, German legal thought, legal consciousness, literature, legal culture, language of law.*

История политической и правовой мысли составляет важнейшую часть всей системы знаний о праве. Сложно вообще представить сколько-нибудь удачную и эффективную интеллектуальную культуру, которая могла бы обойтись без обращения к наследию прошлого и лучшим образцам обсуждения государства и права современности. Однако опыт многих стран показывает, что в настоящее время исторические сведения о праве как бы выводятся за скобки передовых форм обучения юристов.

Например, на родине выдающихся мыслителей Нового и Новейшего времени, внесших значительный вклад в развитие всей современной юридической науки, — в Германии — изучение философии права, которая включает в себя отдельные блоки по истории античной и западноевропейской правовой мысли, является факультативным, отнесено к дисциплинам по выбору. Причем выбрать можно в качестве альтернативы национальную историю права (не всеобщую;

изучение всеобщей истории государства и права — одна из особенностей российского образования) или основы государственного строительства. Вероятно, единственное, что сегодня обеспечивает сохранение таких дисциплин в немецком юридическом образовании, это то, что освоение курса по одной из них по-прежнему является одним из обязательных условий, например, для претендентов на должности судей.

Игнорирование и недооценка значения истории политико-правовой мысли связаны с определенными объективными изменениями в характере востребованных современным обществом знаний, нацеленными, как правило, на быстрый и практичный результат, а не на фундаментальные и перспективные идеи. Однако для русской литературы, например, наряду с ее особым интересом к прошлому, характерна «устремленность к будущему»¹ — черта, свойственная «всей русской интеллектуальной жизни»².

Большую роль в формировании историографии политико-правовой мысли играют и другие факторы, которые нередко носят идеологический и квазирелигиозный характер и весьма инертны для любого конструктивного развития правовых знаний.

Одним из таких существенных факторов в развитии политико-правовой мысли является формула ее историографии. Если сделать детальный обзор различных вариантов описания истории политико-правовой мысли в разных образцах иностранной и отечественной литературы, то однозначный вывод можно сделать только один — структура и содержание истории политико-правовых знаний не отвечают часто ни требованиям достоверности, ни запросам современного общества.

Прежде всего пока не существует никакой универсальной структуры или принципов описания истории политической и правовой мысли. В каждой стране, и в каждой европейской стране, совершенно по-разному излагается история формирования правовых идей. Например, немецкая правовая мысль, особенно в современном изложении, рассматривает себя прямой наследницей не только римской, но и чуть ли не эллинской интеллектуальной традиции. В итоге часто появляются такие произвольные представления, как, например, у М. Хайдеггера, о том, что философия может быть только в западноевропейском исполнении, а все остальное просто не философия³. Этому можно возразить его же аргументом, о том, что в чистом виде может быть только античная философия, а все остальное не более чем разнообразная историческая периферия по отношению к ней.

Во французской литературе история политико-правовой мысли описывается совершенно по-своему, да и вообще она, скорее, склоняется не к истории философии права, а именно к истории политической мысли. Например, французская политико-правовая мысль внутренне не усвоила такое немецкое явление, как «правовое государство» (*Rechtsstaat*), подчеркивая, что французскому научному

¹ Лихачев Д. С. *Культурология: избранные труды по русской и мировой культуре*. СПб., 2006. С. 231.

² Лихачев Д. С. *Указ. соч.* С. 232.

³ Хайдеггер М. Гегель. Негативность. Разбирательство с Гегелем в ракурсе вопроса о негативности. «Введение» в «Феноменологию духа». СПб., 2015. С. 9.



менталитету ближе идея политической власти, а не идея государства как аппарата или механизма.

Среди изданий двух-трех последних десятилетий активно «переустройствается» американская историография в направлении признания себя прямым и наиболее прогрессивным продолжателем мощных философских традиций, восходящих к античному миру. При этом появляются такие парадоксальные конструкции, как американская *философия права*, или даже «философия права в мире общего права»⁴.

Возражения вызывает сама идея философии права в американской интеллектуальной культуре. Американские юристы гордятся тем, что почти как герой знаменитого романа Сервантеса они на протяжении уже долгого времени, немногим более века, активно борются с любой понятийностью и концептуальностью в области права, объявляют понятие права и любое юридическое понятие главным своим врагом, стремятся принципиально отвергнуть теоретическое мышление, которым традиционно гордился европеец. Взамен предлагается некая другая парадигма мышления, основанная не на теоретических знаниях, а на разнообразных практических советах. Этому очень сильно подыгрывает попытка переустроить научное знание на началах постметафизики (постмодернизма), которая главную свою задачу видит в отказе от таких фундаментальных категорий, как «сущность», «понятие» и т.п. Весьма выгодная для продвижения англосаксонского правового мышления парадигма. В такой культуре нет места истории мысли, как чего-то определенного и достоверного. С такой точки зрения она может быть сконструирована в любой интерпретации, причем каждый раз заново.

К. Ллевеллин весьма ясно выразил основную установку американской правовой мысли в идее «моя философия права»⁵. Он, в частности, писал, что единственно важным для американских юристов в части философии права является не продолжение или разрешение спора о том, истинна или обоснованна та или иная концепция правопонимания или нет, а лишь то, почему юристы пользуются установками той или иной концепции философии права и служит ли это им удовлетворительно. Иными словами, философия права сводится не к ней как таковой, а лишь к советам и обмену опытом по поводу практического использования в повседневной деятельности тех или иных идей предшественников. Такая установка не нова⁶.

Ведь даже по замыслу самих американских юристов они не работают с формированием концепций, учений и других форм теоретических знаний, а нацелены на совершенно иной подход, смысл которого сводится к отысканию практического совета, частного поучения, и направлены они не на будущее, а на разрешение текущих задач. Отсюда и так называемый американский правовой реализм никак не связан с тем, чтобы признавать и особым образом объяснять реальность права. Ему в принципе не свойственна онтологическая направленность. В данном случае слово «реализм» не содержит ни философского, ни какого-либо

⁴ A history of the philosophy of law in the common law world, 1600—1900. Dordrecht, 2007.

⁵ *Llewellyn K. N.* On philosophy in American law // *University of Pennsylvania Law Review*. Vol. 82. 1934. № 3. P. 205—212.

⁶ См.: *Авенариус Р.* Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил. М., 2007 ; *Мах Э.* Принцип сохранения работы. СПб., 1909.

теоретического смысла. Это просто обобщающее название для совершенно разбросанных высказываний, суждений, призывов, лозунгов и других средств, которые в совокупности имеют одну общую черту — акцентировать значение конкретного и практического. И отнюдь не значит, что эффективного.

Для американской юриспруденции не бывает правомерных решений вообще, так как такого рода характеристика будет зависеть не от какого-то принципа или идеи, а, например, от партийной принадлежности судьи, выносящего решение по конкретному делу. Поэтому, если пытаться излагать историю американской правовой мысли в виде учений, концепций, теорий разных авторов, то такой подход в принципе игнорирует сущностное содержание американской интеллектуальной правовой культуры. Такой вариант лишь служит искусственному и адаптированному пониманию американских авторов как якобы продолжателей глубоких философско-правовых и теоретико-правовых традиций, что весьма мало соответствует действительности.

Напротив, если точно описываются смысл и назначение соответствующих подходов, как доказавших состоятельность, так и слабых, то при этом история правовой мысли или история интеллектуальной и духовной культуры обсуждения права и государства становится значительно более познавательной, социально-практичной и перспективной. Восторженные идеи судьи О. Холмса или ботаника по образованию, но ученого-юриста по призванию Р. Паунда, почерпнутые у европейских предшественников и современников, не только с трудом пробивали себе дорогу, но вообще в итоге почти не утвердились в американской юриспруденции, превратившись в различные программные лозунги, авторитетные образы, символические атрибуты.

С точки зрения истории именно юридической мысли, например, английская литература XIX в. почти не представляет существенного интереса для общемировой истории. В начале века заметной фигурой является И. Бентам, а позднее Д. Остин. Практически этим и ограничивается вся истории английской правовой мысли в XIX в. Американский юрист Д. Грэй, профессор права в Гарвардском университете, в начале XX в., а именно в 1909 г., в работе под названием «Природа и источники права» писал следующее: «Около пятидесяти лет назад я наткнулся на экземпляр книги Остина “Определение области юриспруденции”, которую тогда мало читали в Англии и почти не знали в этой стране [США]»⁷.

Английский историк Ш. Амос в 1872 г. писал, что будущее английского правоведения зависит от того, насколько английские юристы будут знать французскую и особенно немецкую юридическую литературу⁸. В конце XIX в. немецкий правовед К. Бергбом писал: «На континенте, вероятно, Гоббс и Локк — известные имена более раннего, Бентам и Джон Ст. Милль более позднего времени; но об “аналитической школе” английских юристов, их единственной, к сожалению, почти ничего не знают по эту сторону канала. Для этого англичане, со своей стороны, не оказали значимого влияния ни на одну из наших школ и ни на одно из направлений. Напротив, философия права от Гроция до Гегеля и учение исторической школы, а позднее разве что сочинения Тренделенбурга и фон Иеринга,

⁷ Gray J. The nature and sources of the law. New York, 1909. P. VII.

⁸ Amos Sh. A systematic view of the science of jurisprudence. London, 1872. P. 505.



хотя и знакомы им, но почти не восприняты ими; новейшие достижения немцев им вообще совершенно чужды. Они просто игнорируют друг друга»⁹.

В XX в. английская литература представляет чуть ли не единственную значимую фигуру в истории правовой мысли — оксфордского юриста, неопозитивиста Г. Харта, который подчеркивал, что его размышления о понятии права и философско-лингвистическом анализе его имеют отношение только к области анализа английского общего права, не претендуя на универсальность и концептуальность¹⁰. История английской юридической мысли представляет собой вполне конкретное и региональное явление. В ней присутствуют элементы, которые могут иметь познавательное значение для истории правовой мысли. Однако с точки зрения историографии правовой мысли, т.е. истории правовых идей, теорий, учений, концепций, английская юриспруденция последних двух веков явно не представляет собой какого-то выдающегося явления.

В отечественной литературе в основном использовалась и используется немецкая модель истории философии. По набору мыслителей и учений в основном наша историография ориентируется на традиционное и уже доведенное почти до автоматизма подражание немецкой традиции. Можно в связи с этим привести пример истории философии Гегеля¹¹, одной из фундаментальных заслуг которого было отыскание логики в истории, в том числе в истории мысли. Безусловно, немецкая литература играла и играет большую роль в истории правовой мысли последних двух веков. Зарубежную юридическую литературу нужно знать и знать хорошо, проводить фундаментальные и глубокие исследования. Однако сегодня никак нельзя довольствоваться теми формулами, по которым формировалась историография двести лет назад, тем более что они носят внешний, заимствованный характер. При этом зарубежная историография политической и правовой мысли сама развивается дальше.

Русская правовая мысль отнюдь не ограничивается какой-то европеизированной традицией. Это своего рода идеологический парадокс. Традиционно история политико-правовой мысли в России показывается сквозь призму соприкосновения с якобы прогрессивной европейской политико-правовой мыслью и образованием. В значительной степени это большой исторический миф. В связи с этим возникает такой провокационный вопрос: какой же вариант европейских идей наиболее ценный?

Например, два известных немца XIX в. родились в один год — в 1818 г. — Р. Иеринг и К. Маркс. Первый уверял, что за право надо бороться, а кто не борется, тот совершает прегрешение не только перед самим собой, но и перед своими современниками; второй уверял, что по мере достижения желаемого им социального идеала право, мораль, религия должны просто отмереть как химеры, совершенно лишние в бесклассовом обществе. Р. Иеринг, написав много по-настоящему интересных юридических сочинений, в итоге, особенно в поздний период в «Цели в праве», «Воли к владению»¹², уверял, что право — это путь

⁹ *Bergbohm K.* Jurisprudenz und Rechtsphilosophie. Leipzig, 1892. S. 12.

¹⁰ *Hart H.* The concept of law. Oxford, 2012.

¹¹ *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 2000.

¹² *Jhering R.* Der Besitzwille. Jena, 1889.

к нравственности, необходимое средство для обуздания эгоизма и достижения нравственного состояния. Но в XI в. русский митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» уже размышлял о том, что закон служит средством для обретения христианской благодати и истины¹³. Р. Иеринг по сравнению с Иларионом современный писатель, но разве это отменяет суть идей?

Развитие правовой мысли в Западной Европе и в России происходило в целом весьма сопоставимо. Если мы обратимся, например, к немецким источникам конца XVIII в., то можно сделать ряд интересных наблюдений и выводов. Этот исторический период особенно важен, так как дисциплинарно-предметная форма юридической науки, в том числе история правовой мысли как дисциплина, появляются только в XIX в. Особенно интересны работы Г. Гуго из Гёттингена, которого рассматривают то как основателя, то как предтечу исторической школы права. Он, в частности, сообщал, что нигде так плохо не обстояли дела в конце XVIII в., как в сфере преподавания юриспруденции.

Но это даже не самое главное. Важнее то, что Гуго пытался реформировать крайне неудовлетворительное юридическое образование. Не было никакой теории права как науки. Например, у него же можно узнать, что, например, размышления Лейбница о юридическом методе были совершенно забыты в Германии к тому времени. Вся юриспруденция сводилась к составлению сборников из отдельных римских источников и их комментированию. Не было никакого развития правовой мысли, особенно два предшествующих столетия до этого были временами полного застоя. Об этом прямо свидетельствуют как источники рассматриваемого и последующих периодов, так и более современные работы, например «История частного права Нового времени» Ф. Виакера¹⁴.

Большая заслуга Г. Гуго заключалась в том, что он впервые попытался, хотя еще весьма неудачно, сформулировать некую «философию позитивного права»¹⁵, которая должна была стать тем, что сегодня называется теорией права. Изначально он подражал системе Канта, другой просто не было, особенно в юридической литературе. Однако это мало способствовало развитию науки о праве. И вот он совершает своего рода открытие, обратив внимание на то, что систему права нужно искать не у Канта, а в самих римских источниках, найти их внутреннюю систему.

Наряду с этим, он требует преподавания юриспруденции на немецком языке, пишет первые юридические учебники на родном языке. Открытие истории вдруг приводит к оживлению интереса в поиске античных источников. Многие ученики Гуго активно последовали его призывам, в том числе К. Савиньи. Процесс этот шел не быстро. Гуго позже почти совсем забыли. Савиньи после нашествия Наполеона, а вовсе не вследствие какого-то научного развития, настойчиво призывал не вмешиваться в ход истории законодательством, предоставив возможность народному правосознанию немцев дозреть до собственных кодексов и уложений¹⁶.

¹³ *Иларион*. Слово о Законе и Благодати / Реконструкция древнерус. текста Л. П. Жуковской. М., 1994.

¹⁴ *Wieacker F.* Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. 3., durchgesehene Auflage. Göttingen, 2016.

¹⁵ *Hugo G.* Lehrbuch eines civilistischen Cursus. Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts. Berlin, 1799.

¹⁶ *Savigny F. C.* Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.



И только в XIX в., когда латынь в юриспруденции сменяется национальным языком, история приобретает логические черты и связи, книжный язык сближается с разговорным(!), так называемый «законный» метод обогащается историческим и философским, постепенно появляется оживление в развитии права, возникает юридическая литература не как отдельное событие, а как жанр, который становится популярным и общедоступным. Однако уже в 1848 г. берлинский прокурор Ю. Кирхманн в своем известном докладе заявил о «бесполезности юриспруденции как науки»¹⁷, настаивая на том, что «на место правоведения, сложного законодательного аппарата и прежней организации правосудия должно заступить самостоятельное правосудие народа согласно нескольким простым основным принципам», что необходимо покончить с практикой, согласно которой «росчерк пера законодателя» и целые библиотеки превращаются в «макулатуру»¹⁸.

Лишь в 1850-е гг. заметно развитие науки права как полноценной юридической дисциплины. Особенно наглядно это показывают работы Р. Иеринга, обобщение результатов которых в части статуса и задач юридической науки он предложил в венском докладе 1868 г. «Является ли юриспруденция наукой?»¹⁹. Поэтому история правовой мысли должна изучаться не в виде набора разнообразных персоналий и событий, которые далеко не всегда связаны между собой, а в виде последовательного изложения весьма конкретной и документальной истории правовой мысли, ее генезиса, формирования, периодов зрелости и других важных аспектов.

Известный немецкий юрист и философ права второй половины XX в. А. Кауфманн отмечал важную деталь в истории правовой мысли, которая весьма созвучна высказываемым в настоящей статье соображениям. Он, в частности, писал: «В XIX в. гегельянство и марксизм были эпизодами. Различные гегелевские школы, “правые” и “левые”, находились вне интеллектуальных течений эпохи и поэтому на философию права и правоведение не оказали почти никакого влияния. В принципе это относится также к Фихте и, с некоторыми ограничениями, к Шеллингу, который все-таки имел некоторые отношения с исторической школой права. В современной философии права, и не только в Германии, это удивительным образом изменилось; философы немецкого идеализма... получают все больше внимания»²⁰.

Русская литература в принципе старше английской, немецкой и французской. Государство ведет свое летосчисление с IX в. Однако по какой-то парадоксальной логике и философия, и правовая мысль оказались почему-то «завезенными» лишь в эпоху Просвещения.

Д. С. Лихачев писал: «Русская литература (проза, поэзия, драматургия) — это и русская философия, и русская особенность творческого самовыражения, и русская всечеловечность»²¹; «...русская культура *иная по типу*, чем культуры Запада»²².

¹⁷ *Kirchmann J.* Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag. Berlin, 1848.

¹⁸ *Kirchmann J.* Op. cit.

¹⁹ *Jhering R.* Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Göttingen, 1998.

²⁰ *Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.).* 7., neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg, 2004. S. 70.

²¹ *Лихачев Д. С.* Культурология: избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 236.

²² *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 237.

Первое, что необходимо сегодня реализовать в области историографии политической и правовой мысли, заключается в корректном и квалифицированном обособлении истории правовой мысли от политических учений, истории государственоведения. Речь ни в коем случае не идет о том, чтобы исключить политические идеи из сферы внимания юристов. Однако с учетом мирового опыта юридическая мысль должна изучаться и излагаться именно как юридическая мысль, а не как философская, религиозная, политическая, этическая и, наконец, правовая мысль одновременно. Право представляет собой явление культуры, а не только логики. Представления философов о праве и государстве имеют большое значение для политико-правового мышления в целом. Но если смотреть на историю правовой мысли исключительно глазами философа, то право можно и не заметить, особенно когда, как часто случается в современном мире, новые философские концепции требуют чуть ли не переустройства всего мира, замены базовых ценностей. В свою очередь, источниками для отыскания идей правового характера могут и должны быть самые разнообразные материалы. Однако история правовой мысли в ее дисциплинарной форме должна все же быть самодостаточной и не впадать в крайности самостоятельности и несамостоятельности.

Далее, существенно большее значение должно получить источниковедение, а круг изучаемых источников должен быть значительно шире. Об этом писали ранее. Например, П. В. Деларов настаивал на том, что если право следует искать в сознании или душе человека, как уверяют философы-субъективисты и юристы психологического направления (он и сам к ним принадлежал), то почему профессионально не изучается литература, особенно романы, описывающие душевные переживания человека.

Аналогичную точку зрения высказывал позднее В. Г. Графский, говоря о том, что юриспруденция должна шире смотреть на источники необходимых знаний. Речь, конечно же, идет об изучении культуры народа, его представлений о справедливом и целесообразном, об образах порядка и образах будущего, о жалобах, наставлениях и поучениях, которые формируют основы нравственности и правосознания. Это в том числе способ познания национального языка права, его внутренней грамматики, смысла и назначения идей порядка, устройства и мира. Например, из произведений В. Гюго можно почерпнуть весьма познавательные сведения о состоянии законности и правосознании чиновничьего сословия во Франции.

История правовой мысли должна найти компромисс между институциональными характеристиками права и интеллектуально-духовными или ментальными моментами правосознания. Для этого могут служить снова новые источники изучения культуры правосознания, литературы, языка и других форм выражения права. Известный немецкий историк права Ф. Виакер построил свой фундаментальный труд по истории частного права на основе гипотезы о том, что интерес и приобщение средневековых европейцев к источникам римского права были связаны с унификацией логических форм мышления и обучения на базе учебных стандартов позднелатинской школы. Нужны были придворные знатоки законов, делопроизводители, писари, но для этого нужно было их учить думать одинаково и понятными логическими фигурами, записывать акты ясно и разборчиво. Формы обучения в латинской школе стали основой для европейского образования.



Должен быть реализован принцип документальности и достоверности. Классика мало нуждается в интерпретациях, а по большей части в квалифицированном прочтении. Отбор источников познания и работа с ними должны соответствовать требованиям точности изложения, описания, разъяснения, критического восприятия. Например, текстологический анализ юридических сочинений позволяет многое рассказать о характере правовых взглядов, изменениях языка, понятий, композиционной структуре.

Существенно большую роль должен играть сравнительный подход, когда состояние литературы и правовых институтов в синхронном или диахронном сравнении точно распознается и оценивается. История правовой мысли должна быть конкретной, а не только культурно-феноменологической и философской. Например, наличие университетов в некоторых странах позднесредневековой Европы и подготовки юристов само по себе ничего не говорит о содержательной стороне правовой мысли и правосознания, даже в XVIII в.

Важно прямо сопоставлять состояние правосознания и значение правовых идей. Например, понимание права как *всеобщего* закона свободы, согласно учению Канта, не относилось к женщинам; он не признавал их равенства. Когда Кант своим критицизмом теснил романтизм разумного естественного права, в Европе, в частности в Швейцарии, еще приводились в исполнение приговоры о сожжении за колдовство.

Наконец, история правовой мысли должна усиливать социально-практическую направленность, показывать более точно связь учений с социально-практическими результатами. Она должна уметь распознавать то, какое хождение имели те или иные идеи, служили ли они воспитанию и образованию, какие конкретно социально-практические результаты вызывали определенные учения и теории.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авенариус Р.* Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил. — 2-е изд., стер. — М. : URSS, 2007. — 50 с.
2. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. — СПб. : Наука, 2000. — 477 с.
3. *Джеймс У.* Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления. — 2-е изд. — СПб. : Шиповник, 1910. — 237 с.
4. *Иларион.* Слово о Законе и Благодати / Реконструкция древнерус. текста Л. П. Жуковской. — М. : ПИФ «Столица» ; НИЦ «Скрипторий», 1994. — 143 с.
5. *Лихачев Д. С.* Культурология: избранные труды по русской и мировой культуре. — СПб. : Изд-во СПбГУП, 2006. — 448 с.
6. *Мах Э.* Принцип сохранения работы: история и корень его. — СПб. : тип. т-ва «Обществ. польза», 1909. — 68 с.
7. *Хайдеггер М.* Гегель. Негативность. Разбирательство с Гегелем в ракурсе вопроса о негативности (1938—1939, 1941). «Введение» в «Феноменологию духа» (1942). — СПб. : Владимир Даль, 2015. — 320 с.
8. A history of the philosophy of law in the common law world, 1600—1900 / by Michael Lobban. — Dordrecht : Springer, 2007.

9. *Amos Sh.* A systematic view of the science of jurisprudence. — London : Longmans, Green, 1872. — 545 p.
10. *Bergbohm K.* Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. — Bd. 1 : Einleitung. Abh. 1 : Das Naturrecht der Gegenwart. — Leipzig : Duncker & Humblot, 1892. — 566 S.
11. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllersbach... 7., neu bearb. und erw. Aufl. — Heidelberg : Müller, 2004. — 515 S.
12. *Gray J.* The nature and sources of the law. — The Columbia University Press, 1909. — 332 p.
13. *Hart H.* The concept of law. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — 333 p.
14. *Hugo G.* Lehrbuch eines civilistischen Cursus. Teil : Zweyter Band: Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts. — Berlin : Mylius, 1799. — 405 S.
15. *Jhering R.* Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868. — Göttingen : Wallstein-Verl., 1998. — 208 S.
16. *Jhering R.* Der Besitzwille: zugleich eine Kritik der herrschenden juristischen Methode. — Jena, 1889. — 540 S.
17. *Kirchmann J.* Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag. — Berlin : Springer, 1848. — 44 S.
18. *Llewellyn K. N.* On philosophy in American law // University of Pennsylvania Law Review. — Vol. 82. — 1934. — № 3. — P. 205—212.
19. *Savigny F. C.* Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. — Heidelberg : Mohr und Zimmer, 1814. — 162 S.
20. *Wieacker F.* Privatrechtsgeschichte der Neuzeit: unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung. 3., durchgesehene Auflage. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2016. — 659 S.





**Валерия Сергеевна
ЖИЛИНСКАЯ,**

старший преподаватель
кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
vszhilinskaya@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Зарождение тоталитарных режимов: социальные и психологические факторы

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-исторических предпосылок зарождения тоталитарного политического режима. Дается характеристика политическим, экономическим и социальным факторам, способствовавшим становлению тоталитарных режимов в Европе после окончания Первой мировой войны. В частности, рассматриваются утрата самоидентичности народа и личности, попытки компенсации этой утраты за счет формирования идеологии, где центральное место отводится государству и нации как сплачивающим факторам. Также в статье разбираются основные характеристики «тоталитарной личности» и понятие «массы» как основной движущей силы тоталитаризма. Уделяется внимание формированию подобного типа личности, а также взаимосвязи между внешними факторами и внутренними морально-этическими началами, складывающимися под влиянием данных факторов. Исследуются психологические механизмы и установки, благодаря которым становится возможным установление тоталитарных режимов и их функционирование. В статье рассматривается связь тоталитаризма с такими характерными для исторического периода формирования основных тоталитарных режимов Европы общественно-политическими явлениями, как империализм, национализм, солидаризм.

Ключевые слова: тоталитаризм, империализм, национализм, механизмы вытеснения, массовое сознание, социальная идентичность.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.102-110

Valeriya S. ZHILINSKAYA,

senior lecturer of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)
vszhilinskaya@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Emergence of Totalitarian Regimes: Social and Psychological Factors

Abstract. The article is devoted to the analysis of socio-historical prerequisites for the emergence of a totalitarian political regime. The article describes the political, economic and social factors that contributed to the formation of totalitarian regimes in Europe after the end of the First World War. In particular, the loss of the identity of the people and the individual is considered, attempts to compensate for this loss by forming an ideology where the central place is given to the state and the nation as unifying factors. The article

also examines the main characteristics of the “totalitarian personality” and the concept of “mass” as the main driving force of totalitarianism. Attention is paid to the formation of this type of personality, as well as the relationship between external factors and internal moral and ethical principles that develop under the influence of these factors. The psychological mechanisms and attitudes that make it possible to establish totalitarian regimes and their functioning are investigated. The article examines the connection of totalitarianism with such socio-political phenomena characteristic of the historical period of the formation of the main totalitarian regimes of Europe as imperialism, nationalism, solidarism.

Keywords: *totalitarianism, imperialism, nationalism, mechanisms of displacement, mass consciousness, social identity.*

Рассуждая о тоталитаризме, нельзя не затронуть вопрос о том, когда он возникает. Причем возникновение тоталитаризма можно рассматривать в двух аспектах: зарождение идей, содержащих обоснование тоталитарного общества, и формирование собственно тоталитарного политического режима в отдельных государствах.

Истоки тоталитаризма зачастую принято находить еще в трудах Платона, а позже в работах Томаса Мора и Томазо Кампанеллы. В этом есть определенный смысл, поскольку ряд признаков тоталитарного общества описан в трудах этих мыслителей. Однако при этом важно помнить, что все упомянутые работы являются утопическими построениями, никогда реально не существовавшими. Более того, их воплощение представляется практически невозможным.

Реальное же возникновение тоталитарных режимов происходит только в XX в. на базе массового общества, и понимание его возможно лишь на основе изучения социальных, экономических и политических реалий прошлого столетия.

Именно XX в. создал поводы и предоставил возможности для формирования тоталитарных обществ, которые ранее, если даже и представлялись возможными, то исключительно в теории. Вот как об этом высказывается Ильин в своем труде, посвященном тоталитарному режиму: «Еще тридцать лет тому назад никому и в голову не приходило включать в науку права понятие “тоталитарного” государства; не потому, чтобы идея такого государства никогда не появлялась на горизонте историка (это было бы неверно!), а потому, что такой режим казался невозможным и никто его не злоумышлял. Если бы даже кто-нибудь “выдумал” его, то все сказали бы: нет, на земле не найдется ни таких бессовестных и безумных людей, ни таких чудовищных государственных учреждений, ни таких технических орудий и приспособлений, чтобы осуществить эту всепроникающую, всенасилующую, всерастлевающую политическую машину. Но вот тоталитарный режим стал историческим и политическим фактом, и мы вынуждены с этим считаться: и люди нашлись, и учреждения развернулись, и техника явилась к услугам людей»¹.

В основу общества нового типа ложатся идеи коллективизма, солидарности и единства (расового, национального или классового). Эти ценности нового порядка

¹ Ильин И. А. Наши задачи. М., 2018. Т. 1. С. 56.



противопоставляются классическому буржуазному индивидуализму и значимости отдельной человеческой личности. Ранее господствовавшие культурные, социальные, политические и правовые традиции подвергаются коренной деформации или полному разрушению.

В качестве объективных предпосылок установления тоталитарных режимов многие исследователи называют империализм, колониальную экспансию, имеющую основной целью обогащение метрополии за счет покоренных территорий. Власть в колониях имеет специфические черты и даже приобретает некий ореол романтизма. Представители метрополии наделяются чертами носителей особой миссии, высших идей, им присуще осознание собственной избранности. Достаточно вспомнить Киплинга с его «бременем белого человека».

Основная проблема подобного восприятия состоит в том, что представители метрополии зачастую приходят к отождествлению собственной воли с высшим законом и, следовательно, считают себя выше действия правовых норм. Управление в колониях часто осуществляется в форме декретов, а не на основе законов, принятых в метрополии. Действие законности становится условным, подчиняясь текущим нуждам и воле представителей метрополии.

Связь империализма с тоталитаризмом, на первый взгляд неочевидная, состоит в переносе колониальных методов и принципов управления в метрополию. Однако для основных колониальных держав — Англии, Франции и Испании — описанный Ханной Арендт «эффект бумеранга» был смягчен вследствие удаленности колоний и существенной разницы в культурном уровне между колонизированными народами и населением метрополий.

Иное положение вещей складывается в континентальных империях, в первую очередь в Австро-Венгрии. Кроме подмены законности управлением с помощью декретов, важной чертой подобных колониальных держав является постепенное стирание национальной идентичности. Ни одна из наций, входящих в состав империи, не ощущает полноценной ответственности за свою судьбу. Как результат, складывается идеология, основанная на искусственной, мифической самоидентичности. «Появляется идея некой общей... германской души, некоего особого свойства, присущего каждому индивиду, где бы он ни жил, какими бы правами он ни обладал, который может перемещаться по всему свету и всюду он несет в себе эту особую... германскую сущность»².

Отрицательной чертой самоидентификации такого рода является установка на экспансию, направленная изначально на присоединение более близких территорий, чье население считается «родственным», и при этом «страдающим под чужим игом». Следовательно, экспансия здесь выступает под видом освобождения народов, воспринимаемого населением империи как особая историческая миссия.

Кроме того, континентальным империям присуща постоянная миграция и смешение населения в границах имперской территории. Таким образом, единственным устойчивым социальным институтом становится само государство. Именно в рамках государства люди могут обрести ощущение стабильности и единства. Такое единство начинает восприниматься как нечто высшее, исключаящее

² Бутнер Г. Б. Ханна Арендт о тоталитаризме // Материалы конференции кафедры философии, гуманитарных и естественно-научных дисциплин СФИ. М. : СФИ, 2015.

внутреннюю дифференциацию по любым критериям. Приоритет интересов государства над частными или групповыми интересами становится абсолютным. Для устранения подобной дифференциации считаются допустимыми любые методы, включая насильственные.

Вторым значимым фактором в формировании тоталитарных режимов является идеология национализма и основанные на ней движения. Проблемы с социальной идентичностью, порождаемые политикой колониальных империй, нуждались в компенсации за счет искусственно созданных объединяющих факторов. «Дабы соответствовать этой задаче, государство было вынуждено усиливать все стремления к централизации; только сильная централизованная администрация, которая монополизировала все инструменты принуждения и властные возможности, могла бы составить противовес центробежным силам, постоянно возникающим в классово разделенном обществе. Национализм в таком случае становился ценнейшим средством для скрепления друг с другом централизованного государства и атомизированного общества и фактически оказывался единственно работающей, живой связью между индивидами в национальном государстве»³.

Зарождение тоталитаризма практически невозможно в благополучном обществе. Катализатором для утверждения тоталитарных режимов являются экономические, политические и социальные потрясения. Массы, на плечах которых тоталитарные вожди приходят к власти, не знают стабильности и благополучия, не боятся их утратить, а напротив, желают обрести путем установления нового порядка. При этом в сознании населения укрепляется иллюзия о достижимости быстрых и радикальных изменений к лучшему.

Примером может служить Веймарская республика. Уставшие от долгого неблагополучия люди обратили свою злобу против демократического республиканского режима, который не только не удовлетворял их нужды в настоящем, но и не давал надежды на то, что ситуация может измениться к лучшему в ближайшем будущем. Кроме того, население не могло не замечать, что представители власти живут в условиях, далеких от того неблагополучия, на которое обречена основная часть общества.

Логично, что в подобных условиях люди придут в восторг от лидеров, обещающих им простые и быстрые решения: достижение экономического благополучия, ощущение национальной гордости вместо чувства унижения и собственной неполноценности, которое испытывало большинство немцев после заключения Версальского договора.

Опорой таких лидеров и движений в первую очередь становились плохо образованные представители масс, не способные подвергнуть даваемые с трибун обещания полноценному критическому анализу. Такие люди не представляли всей сложности экономических и социальных проблем, не разбирались в юриспруденции и сути парламентаризма. В их понимании наиболее простые решения — наиболее правильные. Именно на такой уровень мышления были рассчитаны обещания новых лидеров. Не следует также забывать о том, что большинство нацистских лидеров являлись талантливыми ораторами и, кроме того, по психотипу и собственным потребностям были близки своей аудитории.

³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 317—318.



После Первой мировой войны возникает новый субъект социальной деятельности, который политические мыслители назвали «массой». Особое место занимает исследование Хосе Ортеги-и-Гассета, однако не только он посвятил себя изучению масс в политической теории. Понятие массы становится ключевым для понимания феномена тоталитаризма, поскольку именно масса явилась идеальной средой для его зарождения и развития.

Ханна Арендт сравнивает «массу» и «толпу» в качестве социальных и политических субъектов. Толпа предшествовала массе в качестве социального субъекта во многих политических режимах прошлого. Толпа обычно объединяет в себе индивидов, выброшенных из стабильных социальных групп. Представители толпы обижены на жизнь и имеют претензии к власти и общественным элитам, а следовательно, несут в себе определенный революционный потенциал, связанный с жадой удовлетворения социального интереса, сплотившего отдельных людей в толпу.

Масса, в отличие от толпы, не имеет единого интереса, изначально она дезинтегрирована. Масса не приемлет многопартийности и многообразия политических движений, поскольку партии и движения возникают на основе осознания общих целей и интересов.

Составляющие массу индивиды, не имея собственных интересов, не способны понимать и учитывать чужие интересы. Любые социальные различия и основанное на них инакомыслие категорически чуждо массам. Представитель массы вообще не понимает, как разные люди могут мыслить и действовать по-разному. Идея обсуждения социальных противоречий, соглашения и компромисса между представителями социальных групп также абсолютно неприемлема для масс. Полная нетерпимость к чужому образу жизни и мнению порождает концепцию единства истины.

Тоталитарные идеи близки и понятны человеку массы, они дают ему недостающее ощущение единства, удовлетворяют его нетерпимость к различиям. Массы охотно наделяют эти идеи свойством единственной и неопровержимой истины, к которой они так стремятся. «Приверженец идеологии способен найти истинную сущность любого события. Ему ясны причины всех войн и революций, подлинные мотивы всех политических решений, настоящие основания всех высказываний и мнений. Все, что он видит в жизни, он рассматривает как следствие принятых им “научных” предпосылок»⁴.

Ошибкой было бы видеть в тоталитаризме насильственное порабощение масс, в определенной мере этот строй, скорее, следствие захвата ими власти. Массы, возглавляемые политическими лидерами, движениями и партиями, по сути, сами возносят этих лидеров и партии к вершинам власти. Их победу массы воспринимают как собственную.

Тоталитаризм может возникнуть только там и тогда, где массы становятся активными участниками политической жизни, где они ощущают себя творцами культуры, в том числе культуры политической. Логично, что до эпохи всеобщего образования, а также быстрого и глобального распространения информации большая часть населения была отрезана от культурных и политических процессов.

⁴ Бутнер Г. Б. Ханна Арендт о тоталитаризме.

Инертность масс была естественным следствием недостаточной грамотности и разделяющего их расстояния. Лишь крайние лишения по временам побуждали простых людей к активным действиям, чаще всего в виде восстаний и бунтов. Однако подобные протесты почти всегда заканчивались неудачей и репрессиями, что в итоге лишь укрепляло массы в привычной для них инертности.

В судьбе любого общества важны не «люди вообще», и даже не «большинство людей», а активная общественная фракция, люди, обладающие пассионарностью, т.е. волей к участию в историческом процессе и принятии решений. Соответственно, настоящий тоталитаризм возможен только там и тогда, где и когда массы людей проявляют пассионарность, в противном случае следует говорить не о тоталитарном, а об авторитарном обществе.

Но массы не могут долгое время пребывать в состоянии пассионарного напряжения. Поэтому авторитаризм как форма политического режима может существовать веками, а вот тоталитаризм недолговечен, потому что требует от общества сверхнапряжения. Если тоталитарный режим не погибает насильственным путем, как германский рейх, то он естественным образом эволюционирует от тоталитаризма в авторитаризм, как франкистская Испания.

Человек массы не ощущает себя автономной личностью, он теряет свою индивидуальность, становясь попросту материалом для реализации целей тоталитарного строя. Именно внутренняя готовность стать таким материалом, отречься от собственной воли служит основой тоталитарных движений. «Целью нацистской пропаганды было обеспечение массы атомизированных, не поддающихся определению, нестабильных индивидов средствами самоопределения и идентификации, которые не только восстановили бы некоторое самоуважение, утраченное этими массами ранее, но и сделали бы их лучшими «кандидатами для организации»»⁵.

Тоталитарные идеологии, как правило, делят людей на три категории. Первая — сверхлюди, чья миссия устанавливать в мире новый порядок, во имя чего они наделяются неограниченными полномочиями и властью. Вторая категория — тот самый материал, направляемый на реализацию текущих целей режима, без особой заботы о благополучии и сохранности составляющих массу индивидов. Те же, кого относят к третьей категории, например низшие расы, обречены на исчезновение, часто путем физического истребления. Они воспринимаются обществом как враги, личные качества представителей этой категории не имеют никакого значения. Их историческая миссия — быть уничтоженными во имя торжества идеи и высшего блага.

Границы между категориями весьма подвижны. Это не сословия в платоновском «Государстве», которое иногда объявляется первым тоталитарным проектом. У Платона сословия строго разграничены, в тоталитарных режимах XX в. все иначе. Никакие заслуги перед государством не дают гарантии, что в один момент человек не перейдет из первой категории в третью.

Тоталитаризм во многом парадоксален. По своему накалу и стремлению к преобразованию общества он может показаться формой революционного мышления, однако в реальности тоталитаризм всегда является формой

⁵ Арндт Х. Указ. соч. С. 470.



контрреволюции. Почти все тоталитарные режимы зарождались после революционного подъема в общества и являлись реакцией на него. Кроме того, большая часть тоталитарных режимов тяготеет к консервативной идеологии и опирается на «правые» политические движения. Также тоталитаризм тяготеет к чрезмерному усилению и централизации государственной власти и бюрократического аппарата.

Еще одна парадоксальная сторона тоталитаризма — мифы, на которые он опирается. В своей основе тоталитаризм может показаться наследником политического романтизма, однако на деле является его антиподом. Романтизм — бунт одиночек против массы, тоталитаризм напротив являет собой бунт массы против одиночек, нещадное подавление любых проявлений индивидуальности.

Преклонение перед разумом, сложившееся на протяжении многих эпох, сменяется культом воли. Разум воспринимается как то, что затемняет суть вещей и в конечном счете мешает действию, а воля — как почти мистическая сила, которая способна преодолеть любые преграды. В такой парадигме возможно достижение практически любых поставленных целей.

Важнейшим фактором является также то, что культ воли основан на поклонении не силе отдельного человека, а силе надчеловеческой — воле целой нации или класса. И для того, чтобы эта коллективная воля могла восторжествовать и достигнуть своего максимума, отдельная личность должна пожертвовать своей индивидуальной волей и полностью подчинить ее воле всеобщей.

Култ воли даже в большей степени, чем недостаточная образованность людей, ответствен за подчеркнута иррациональный характер любой тоталитарной идеологии и за презрение к науке. Дело не только в том, что люди недостаточно разбираются в науках и поэтому не понимают вздорность тех идей и мифов, которым они привержены. Важнее то, что коллективная воля в их глазах превышает любых объективных вещей и законов. Категория объективной истины, как и идея общечеловеческой морали, эксплицитно отвергается, не потому что люди не в курсе, что под этим подразумевается, а потому, что они устанавливают принципиально иную систему отсчета — «справедливо все, что служит общему делу» или «этого требует закон выживания». В их понимании базовый биологический закон, общий для людей и животных, выше, чем любые придуманные человеческие категории.

Казалось бы, при подобном мышлении культ вождя парадоксален, но в то же время он неизбежен, поскольку кто-то должен эту общую волю направлять. Но вождь в сознании людей при тоталитаризме — это не «король-солнце», который владеет колоссальными ресурсами собственных подданных, а острие тарана, точка, в которую сходятся все коллективные усилия, чтобы через него коллективная воля могла осуществиться, поразить врага или достичь намеченной обществу цели.

Любовь к вождю, доходящая порой до полного обожествления, и пылкая приверженность коллективной идеологии — признаки тоталитаризма, которые чаще всего привлекают к себе внимание. В попытках объяснить причины этих явлений некоторые исследователи доходят даже до идеи массового психоза. Однако логичнее считать проявления любви и раболепия, возрастающие пропорционально уровню репрессий, сублимацией страха.

Еще одна характерная черта тоталитарных режимов — убежденная ложь. Клайв Льюис вспоминает, как слушал выступление Гитлера по радио (в 1940 г., уже после начала войны с Англией и многочисленных авианалетов), в котором Гитлер заявлял, что не хочет войны с Англией и вообще не хочет войны, и ругал тех, кто желает «сравить» Англию и Германию. Льюис замечает, что поймал себя на очень странном ощущении во время этой речи — он точно знал, что говорящий лжет, но тот при этом говорил так убежденно, что Льюис чувствовал, что невольно начинает ему верить.

Данный психологический феномен очень важен для понимания тоталитаризма и переходных социальных форм на пути к тоталитаризму. При его анализе нельзя все свести к убедительной и артистичной лжи. Речь идет об особом, парадоксальном состоянии ума, когда человек — неважно, лидер или кто-то из его последователей — на самом деле верит в то, что говорит, хотя его собственные действия опровергают его слова.

Среди психологических причин тоталитаризма значимую роль играют механизмы вытеснения. Так в тоталитарных режимах большая часть населения знает о происходящих в стране репрессиях, арестах, казнях, но при этом они сознательно переносят свое внимание на внешнюю атрибутику режима: парады и демонстрации, спортивные и культурные мероприятия и т.п. Коллективное сознание словно игнорирует все античеловечные проявления режима, не в последнюю очередь благодаря стараниям пропагандистского аппарата. К примеру, даже когда будущую элиту НСДАП из специальных школ фюрера привозили на экскурсии в концлагерь, для них там создавались «потемкинские деревни». И впоследствии немцы, которым показывали настоящие концлагеря, часто до конца жизни считали, что это инсценировка американской пропаганды. При этом на самом деле они все же знали, что происходит, но их механизмы вытеснения были слишком сильны. Поскольку жить с подобным знанием люди не могли, а выступить против режима и с большой вероятностью умереть были не способны.

Человек в тоталитарном обществе предпочитает жить в выстроенном логическими построениями идеологов простом и понятном мире, лишенном противоречий. Эти люди отрезаны от реальности, они, по сути, добровольно выбирают воображаемый мир, созданный тоталитарной пропагандой. Реальность слишком сложна и противоречива, ее сложно принять, столкновение с ней требует мыслительных и моральных усилий.

Тоталитаризму чуждо понятие чувства вины и ответственности за содеянное. Жертва часто уничтожается не за конкретную вину, а лишь потому, что таково ее историческое предназначение. При таком подходе палачи, в свою очередь, не чувствуют сомнений и угрызений совести, ведь они просто содействуют торжеству великой миссии и исполняют высший закон.

Агрессию оборонительного характера, естественным образом зарождающуюся у людей в кризисные периоды, тоталитарные лидеры и движения умело использовали в своих целях, переводя ее в деструктивный формат: «Реакция на угрозу может сначала носить форму оборонительной агрессии, но, проявив один раз агрессивность, человек как бы освобождается от обычных запретов и преград, а это облегчает переход к другим формам агрессивности, в том числе к жестокости. А дальше все может пойти по типу цепной реакции, при которой в какой-то



момент деструктивность достигает критической массы, и тогда у человека или у целой группы наступает состояние разрушительного экстаза»⁶.

Тоталитарные режимы XX в. потерпели поражение. Последним «заповедником» тоталитаризма в современном мире можно считать Северную Корею. Однако изучение данного феномена имеет не только научно-академическое, но и практическое значение. Для эффективного предотвращения возможного формирования тоталитарных режимов в будущем важно понимать, какие социальные механизмы и свойства человеческой психики порождают подобное явление. Низложение главенствующих в XX в. тоталитарных идеологий не означает, что на смену им не могут прийти новые. Место «высшей расы» или «класса-гегемона» могут занять другие социальные, национальные или религиозные группы, возомнив себя исполнителями исторической миссии и великого предназначения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. — М., 1996.
2. *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. — М., 2012.
3. *Бутнер Г. Б.* Ханна Арендт о тоталитаризме // Материалы конференции кафедры философии, гуманитарных и естественно-научных дисциплин СФИ. — М. : СФИ, 2015.
4. *Ильин И. А.* Наши задачи. — 2018. — Т. 1.
5. *Кнопф Г.* «Дети» Гитлера. — М., 2004.
6. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М. : АСТ, 2016.
7. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М. : АСТ, 2022.

⁶ *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ, 2022

Идея единства Российского государства в трудах Ивана Александровича Ильина: философско-правовой аспект (к 100-летию «философского парохода»)¹

Аннотация. Статья посвящена актуальной на данный момент в силу известных событий идее единства Российского государства, которую автор раскрыл через труды великого русского философа и юриста Ивана Александровича Ильина. Идея единства Российского государства рассматривается в настоящей статье через следующие ее составляющие: общенациональное братство, расовый синтез народов России, духовную целостность русского человека, вероисповедальную самобытность, географическое единство, единодержавие и единообразие в парламенте, унитарность Российского государства и т.д. Также в статье отражена критика И. А. Ильиным реализации в России следующих идей: федерализма, эгалитаризма, правового государства, конституционной монархии и демократии. Автор статьи анализирует и систематизирует идеи И. А. Ильина, дает им историческую и идеологическую оценку с прицелом на возможность и невозможность их дальнейшего применения. Кроме того, в статье сформулированы и обобщены взгляды И. А. Ильина и реальные предложения для строительства грядущей России.

Ключевые слова: единство Российского государства, расовый синтез, общенациональное братство, русский народ, духовная целостность, традиционные ценности, рецепция, русское право, русская культура, идеология, национализм, нацизм, федерализм, псевдофедерализм.



**Анна Борисовна
КОЗЫРЕВА,**
доцент кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
abkozyreva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.111-121

¹ Собираательный образ порядка пяти рейсов пассажирских судов, которые доставили из Петрограда в Штеттин (Германия) высланных из Советской России представителей интеллигенции. По предварительным данным, их число составляет от 228 до 272 человек (см.: Ой ты, участь корабля..., или Слово о «философском пароходе» // URL: https://scepsis.net/library/id_2690.html (дата обращения: 7 марта 2023 г.)).

Anna B. KOZYREVA,

*Associate Professor of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)*

abkozyreva@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

**Concept of Unified Russian State in Works
of Ivan Alexandrovich Ilyin: Philosophical and Legal
Considerations (Dedicated to 100 Year Anniversary of Russian
Intellectuals' Exile from the Soviet Russia 'Philosophy Steamer')**

Abstract. The article is devoted to the idea of the unity of the Russian state, which is currently relevant due to well-known events, which the author revealed through the works of the great Russian philosopher and lawyer Ivan Alexandrovich Ilyin. The idea of the unity of the Russian state is considered in this article through its following components: national brotherhood, racial synthesis of the peoples of Russia, the spiritual integrity of the Russian person, religious identity, geographical unity, unity and uniformity in parliament, the unitarity of the Russian state, etc. The article also reflects criticism of I. A. Ilyina on the implementation in Russia of the following ideas: federalism, egalitarianism, the rule of law, constitutional monarchy and democracy. The author of the article analyzes and systematizes the ideas of I. A. Ilyin, gives them a historical and ideological assessment with an eye to the possibility and impossibility of their further application. In addition, the article formulates and summarizes the views of I. A. Ilyin in real proposals for the construction of the coming Russia.

Keywords: *territorial integrity of the Russian Federation, racial synthesis, nations union, Russian people, religious integrity, traditional values, reception of law, Russian law, Russian culture, ideology, nationalism, Nazism, Federalism, Pseudo-Federalism.*

В настоящее время, да и все последнее десятилетие все громче звучит *идея единства Российского государства*. Так, Президент России Владимир Владимирович Путин практически в каждой из своих речей делает акцент именно на этой идее: «...наше единство — основа достижения любых самых высоких целей»², «...сила России в единстве и дружбе народов»³, «...мы идем только вперед благодаря преданности Родине, воле и нашему единству»⁴, утверждает,

² URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67514> (дата обращения: 7 марта 2023 г.).

³ Путин: Сила России — в единстве и дружбе народов // URL: <https://rg.ru/2022/09/20/putin-sila-rossii-v-edinstve-i-druzhbe-narodov.html?ysclid=leyqvyauxvo401537468> (дата обращения: 7 марта 2023 г.).

⁴ Послание Президента России Федеральному Собранию от 21 февраля 2022 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 7 марта 2023 г.).

что стена между Россией и Украиной — «результат работы тех сил, которые всегда стремились с подрыву нашего единства»⁵, «...и это не фигура речи, мы все об этом хорошо знаем: когда народ России сплочен, един, нам нет равных. И это главнейшее условие всех наших достижений и всех наших побед»⁶ и т.д.

Возможно, когда-то словосочетание «единство Российского государства» для кого-то звучало, как отметил наш национальный лидер, «фигурой речи», но на данный момент стало уже предельно ясно: *дальнейший путь нашей страны будет связан с постепенным выстраиванием новой России именно на основе идеи единства Российского государства.*

Но если «единство Российского государства» — это не просто «фигура речи», то что это?

Чтобы ответить на данный вопрос, предлагаю обратиться к научному творчеству великого русского юриста и философа белой эмиграции, творчество которого сегодня многие искажают и даже умудряются осмеять, — Ивана Александровича Ильина.

После пережитой страшной трагедии — потери любимой Родины, он все свои творческие (да и не только творческие — жизненные) силы потратил на поиск ответов на два мучающих его вопроса:

Вопрос первый — *почему пала Российская империя?* Иван Александрович воспринимал это событие как страшную национальную и личную трагедию.

Вопрос второй — *как строить новую постбольшевистскую Россию?* Он был глубоко уверен в утопичности строительства социализма в России и распаде «Советии большевиков»⁷. И его вера была настолько крепка, что он даже подготовил проект основного закона Российской империи⁸ для, как он говорил, «*грядущей и новой России*»⁹. Ильин считал, что русская интеллигенция в эмиграции должна прекратить заниматься пустословием и публичным поношением своей Родины, необходимо сосредоточиться на ее будущем и детально выстраивать идеологическую и юридическую основу для ее возрождения с учетом допущенных ранее ошибок (а они были немалые).

На все эти вопросы Иван Александрович Ильин отвечал несколько десятилетий в своих многочисленных трудах¹⁰ вплоть до своей смерти в 1954 г. как раз

⁵ Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 7 марта 2023 г.).

⁶ Владимир Путин назвал единство народа главнейшим условием побед России // URL: <https://rg.ru/2023/02/26/putin-nazval-edinstvo-naroda-glavnejshim-usloviem-pobed-rossii.html?ysclid=leyti6ifba928888084> (дата обращения: 7 марта 2023 г.).

⁷ Так Иван Александрович Ильин называл Советский Союз в своих работах.

⁸ Проект Основного Закона Российской империи (черновая схема, рукопись) // URL: https://www.culture.ru/catalog/archiv_ilina/ru/item/book/i-a-ilin-proekt-osnovnogo-zakona-rossiyskoj-imperii (дата обращения: 7 марта 2023 г.).

⁹ Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // О русском национализме : сборник статей. Симферополь, 2016. С. 165—186.

¹⁰ Особенно отметим следующие труды И. А. Ильина (в первоначальном издании): «О сущности правосознания» (Мюнхен, 1956. 223 с.); «О монархе» (Известия высшего монархического совета. Берлин, 1955. № 13); «Наши задачи. Статьи 1948—1954 гг.» (Париж :



через разработанную им же *идею единства Российского государства*. Так что же он вкладывал в ее смысл? Раскроем некоторые ключевые составляющие данной идеи.

Общенациональное братство и расовый синтез России

Для внесения ясности следует сразу объяснить, какой смысл вкладывал Иван Александрович Ильин в слово «русский». В одном из своих сочинений¹¹ он упоминает любопытный термин, предложенный знаменитым юристом и антропологом того времени Александром Александровичем Башмаковым, — *расовый синтез*¹². По мнению ученого, данный синтез национальностей включает в себя все основные народности ее истории и территории, в результате чего получается «*единообразие в различии*»¹³. Такое случилось и в России.

Используя данный термин, под «*русским народом*» И. А. Ильин подразумевает все народы, когда-то жившие в пределах бывшей Российской империи или связанные с ним единой исторической судьбой. Он считал, что русская природа имеет уникальную способность «обрусевать» людей другой крови, и в качестве обоснования любил вспоминать южнорусскую пословицу: «папа — турок, мама — грек, а я — русский человек».

Из этого явствует, что обвинять И. А. Ильина в нацизме и фашизме (что делалось и делается повсеместно) из-за его *русского национализма* совершенно безосновательно. Более того, ученый со свойственной ему бережностью и уважением отмечал, что «каждый народ имеет национальный инстинкт, данный ему от природы... и у каждого народа инстинкт и дух живут по-своему и создают драгоценное своеобразие... у каждого народа свое особое чувство права и справедливости... иной характер... иная дисциплина... иное представление о нравственном идеале... иная политическая мечта, иной государственный инстинкт, особый душевный уклад и духовно-творческий акт... и это хорошо... это прекрасно... различные травы и цветы в поле»¹⁴.

Русский общевоинский союз, 1956. Т. 1—2); «О монархии и республике» (Нью-Йорк : Содружество, 1979. 329 с.); цикл лекций «Мировые причины русской революции», читанных проф. И. А. Ильиным в Берлине зимой и весной 1928 г., опубликованных Н. П. Полторацким в журнале «Вече» (Мюнхен) в 1985 г., № 17—20 («Кризис религиозный», «Кризис правосознания», «Большевистское правосознание», «Кризис идеи собственности»); «О грядущей России : избранные статьи» (под ред. Н. П. Полторацкого. Джорданвилль (штат Нью-Йорк) : Св.-Троицкий монастырь, 1991); «О русском национализме» (Новосибирск : Русский архив, 1991).

¹¹ Ильин И. А. Россия есть живой организм // О русском национализме : сборник статей. С. 33—34.

¹² Cinquante siècles d'évolution ethnique autor de la Mer Noire [Пятьдесят веков этнической эволюции вокруг Черного моря] / Alexandre Baschmakoff. Paris : Geuthner, 1937. X. 177 p. (Études d'ethnographie, de sociologie et d'éthnologie. Vol. 1).

¹³ Ильин И. А. Россия есть живой организм. С. 33—34.

¹⁴ Ильин И. А. Россия есть живой организм. С. 38.

Так отзывался классик русской эмиграции о всех народах, сложившихся естественным путем (не искусственно созданных), и считал невозможным и «уродливой химерой» упразднение национального многообразия, созданного Богом. Данная химера, по его мнению, нехристианского происхождения и свойственна германскому национал-социализму («воинственно подмять народы под один народ» — идеология нацизма), советскому коммунизму («растворить все национальные культуры в бесцветности и безвидности всесмешения») и всему эгалитаризму.

И. А. Ильин различал «нацизм» и «национализм», под последним понимал *любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии*¹⁵, *инстинкт национального самосохранения*¹⁶, *защитную реакцию нации на извращение начал национального духа и бытия*. Данная трактовка порой отличается от современной, более узкой, определяющей национализм исключительно как идеологию национальной обособленности народа. Нацизм же он считал *больной и извращенной формой национального чувства и национальной политики*¹⁷, от которой русский народ был надежно огражден и причинами этому, по его мнению, являлись:

- 1) историческое *отсутствие в русском национальном самосознании тяги к экономизму, этатизму и империализму*¹⁸, для русского человека никогда не будет центральной и исключительной идеей его существования экономический и военный успех, для него при любом раскладе будут первичны вопросы *вероисповедальной самобытности и свободы — в этом его особенный национальный характер* (отметим, что не зря именно духовная составляющая жизни русского народа и находится под прицелом уже более 100 лет);
- 2) отсутствие *отвращения и презрения ко всему иноземному* из-за многонациональности России (она всегда состояла из разных племен, рас, национальностей), *простодушная скромность* и самобичевание русского народа и привитая Петром Первым привычка постоянно учиться у других, порой даже с изрядными перекосами национальной неполноценности в слепое западничество¹⁹ и распространение стереотипа *«иностранный лучше отечественного»*²⁰;
- 3) русский народ прошел *суровую школу уважения к врагам и смирения к победе*²¹, всегда размышлял над преимуществами других народов и считал их во многом учителями школы жизни;
- 4) Российская империя *никогда не денационализовала свои малые народы* и насильственная денационализация и коммунистическая уравниловка появились только при большевиках (ученый имеет в виду здесь политику депортации народов в СССР, искусственное и принудительное создание национальных

¹⁵ Ильин И. А. О русском национализме // О русском национализме : сборник статей. С. 42.

¹⁶ Ильин И. А. Россия есть живой организм. С. 41.

¹⁷ Ильин И. А. Опасности и задания русского национализма // О русском национализме : сборник статей. С. 47.

¹⁸ Ильин И. А. Опасности и задания русского национализма. С. 45.

¹⁹ Ильин И. А. Что нам делать? // О русском национализме : сборник статей. С. 6.

²⁰ Ильин И. А. Опасности и задания русского национализма. С. 48.

²¹ Ильин И. А. Опасности и задания русского национализма. С. 49.



республик и др.). И. А. Ильин приводит в пример общие переписи населения, в которых имеются данные о примерно 160 языках и 300 вероисповеданий на территории царской России²² (чем не может похвастаться, по мнению ученого, например, Германия)²³.

Для Ивана Александровича Россия не представляет собой объединение людей одной крови, он смотрит на это намного шире. Для него Россия есть *общенациональное братство и единый живой организм: географический, стратегический, религиозный, языковой, культурный, правовой и государственный, хозяйственный и антропологический*, и данному организму «предстоит *выработать новую государственную организацию*» и «*водворить братское единение между народами России*»²⁴.

Резюмировав данный пункт идеи единства Российского государства, можно сказать, что грядущая (новая) Россия, по мнению И. А. Ильина, будет национальной Россией вместе с ее историческим национальным многообразием (как бы это противоречиво ни звучало), так как русский народ — синтез всех исторических народов ее территории. Россия — есть единообразие в различии!

Духовная целостность русского человека

Главной причиной распада Российской империи, по мнению И. А. Ильина, является *духовный кризис русского народа*²⁵. Проблемы могут быть у каждого государства и различного характера — экономические, политические, военные и многие другие, но для их преодоления народу всегда даются духовные силы, которых как раз не оказалось у русского народа в период Первой мировой войны. Почему такое произошло?

И. А. Ильин включает в духовный кризис русского народа деформацию следующих его ключевых составляющих: русскую религиозность, русское правосознание, русскую военную верность и стойкость, русскую честь и достоинство, русский национальный характер, русскую семью, русскую культуру, которые стали тем самым «*камнем, который отвергли строители*» (большевики-коммунисты) и который потом и «*соделался главою угла*» (Мф. 21:42) — при распаде Российской империи, а потом и Советского Союза. В этих ключевых составляющих *умерло единообразие*, а вместе с этим *исчезла духовная целостность русского человека. Вера заменилась рассудком, который интеллигенция тех времен приняла за Разум*²⁶.

Необходимо отметить, что ученый не винит в этих проблемах большевиков, наоборот, подчеркивает — данный духовный кризис сформировался в обществе

²² По всей видимости, И. А. Ильин имеет в виду первую всеобщую перепись населения Российской империи 1897 г.

²³ Ильин И. А. Что сулит миру расчленение России // О русском национализме : сборник статей. С. 197.

²⁴ Ильин И. А. Россия есть живой организм. С. 33—34.

²⁵ Ильин И. А. Что нам делать? С. 6.

²⁶ Ильин И. А. Что нам делать? С. 7.

бывшей Российской империи еще задолго до русской революции и послужил благодатной почвой для ее возвращения в умах русских людей. Особенно Иван Александрович акцентирует внимание на религиозном аспекте, считая религиозность русского народа дореволюционного времени лицемерной и формальной: «*Мы во Христа крестились, но во Христа не облакались*»²⁷. Большевики только этим воспользовались.

Что необходимо сделать русским людям для преодоления духовного кризиса? По мнению И. А. Ильина, не нужно упрощать нашу национальную проблему духовного кризиса и занижать ее актуальность. Наоборот, необходимо тщательно исследовать национальные слабости русского народа, готовить *оздоровляющие идеи*²⁸, *признавать*²⁹ и анализировать ошибки прошлого, строить *самих себя с нуля*, а для этого необходимо приступить к *внутреннему очищению и исцелению*³⁰.

Русский народ должен перейти от приоритетного приумножения материальных благ (что изначально не было свойственно духовной природе русского человека) к уже редко встречающимся созерцанию и созиданию, так как именно *созерцающая любовь послужит основой для очищения русского общества от ненависти и лжи*.

Кроме того, Иван Александрович, отмечает, что нация как единение людей с единым национальным актом и культурой не определяется принадлежностью к единой церкви и включает в себя людей разной веры. Однако православная вера все равно остается основой для духовной целостности русского человека: *русский национальный акт и дух был взращен в лоне православия, и все народы России, сами того не понимая, приобщились к дарам русского православия*. Даже если другие нации России не переняли православную веру, они все равно ее впитали и приобщились к русской культуре³¹.

Также И. А. Ильин обращает внимание на *синтез православного христианства и светской цивилизации*. По его мнению, православная вера не должна пропагандировать отсталость, сепарацию от внешнего мира и светской культуры. Должен быть союз религиозного и светского³².

Позволим себе только в одном не согласиться с И. А. Ильиным в вопросе духовной целостности русского человека. Он считал, что для преодоления духовного кризиса русскому народу не хватает *свободного дыхания воли и разума*³³. Однако, как показал опыт 90-х гг. XX в., одной свободы недостаточно. Именно тогда русскому народу была предоставлена, казалось бы, возможность для того самого свободного дыхания воли и разума, но он выбрал иной путь — *путь слепого западничества и эгалитаризма*. Русский человек тогда был уже не тот, чтобы воспринять этот дар свободы. Воспитать в нашем народе *новый русский духовный характер*, о котором говорит И. А. Ильин, в те времена не получилось,

²⁷ Ильин И. А. Что нам делать? С. 6.

²⁸ Ильин И. А. Что нам делать? С. 6.

²⁹ Признание собственных ошибок — наш национальный бич любых времен.

³⁰ Ильин И. А. Что нам делать? С. 6.

³¹ Ильин И. А. Опасности и задания русского национализма . С. 55.

³² Ильин И. А. Опасности и задания русского национализма. С. 52.

³³ Ильин И. А. Что нам делать? С. 5.



хотя свобода в полном либеральном смысле слова и была предоставлена. Не хватало духовной целостности русского человека, что вполне логично спустя долгие десятилетия богозабвения.

Резюмируя данный пункт идеи единства русского народа, можно сказать следующее: по мнению И. А. Ильина, чтобы вернуть духовную целостность русского человека, должно пройти несколько поколений. Они проделают самостоятельный путь к обновлению и пересмотру основ русской культуры, так как новую Россию невозможно построить на «партийных трафаретах», «слепом западничестве» и «славянофильском самодовольстве». России нужны свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи. В народе необходимо воспитать новый русский духовный характер³⁴. Все бывшее осталось в прошлом, и его уже нецелесообразно восстанавливать в первоначальном виде, так как «никто не вливает молодого вина в мехи ветхие» (Мф. 9:16).

Россия — не федерация. Общественный договор против единого народа. Единодержавие и единообразие в парламенте. Географическое единство

И. А. Ильин был ярким противником установления федерации в России, считая, что *юридическая природа* федерации не соответствует ее *природе исторической*. Ведь что такое *федерация*?

Федерация означает *союз государств, основанный на договоре и учреждающий их законное, упорядоченное единение*. Это значит, что федерация возможна там, где имеется несколько уже сложившихся самостоятельных государств, *стремящихся к объединению*. Федерация — это *путь от множества к единению*, а не от *единения к расчленению*. Федерация *не дробит, а сочленяет*. Федеративный процесс обязательно должен сложиться исторически, сам с собой: например, *несколько малых государств после неудачных попыток жить самостоятельно убеждались, что им это не под силу, и внешние опасности и внутренние трудности требуют от них единения с другими такими же государствами*. Удачными примерами могут послужить, по мнению И. А. Ильина, такие государства, как: Швейцария, США, Германия и Канада. *От малого — к большому, от множества — к единству*. Федерация всегда должна быть в прошлом конфедерацией³⁵.

Однако большой бедой, по мнению И. А. Ильина, для унитарного государства будет, если из него сделают федерацию искусственно — *псевдофедерацию*. Федерация не является единственным способом сращения малых государств, *история показывает, что нередко (даже чаще всего) малые государства сливались в единое большое не на основе федерации, а на основе поглощения и полного сращивания в унитарную державу с помощью политического включения, экономического и культурного сращения*³⁶. Например, такой путь прошли Франция, Италия, Испания, Великобритания и другие страны.

³⁴ Ильин И. А. Что нам делать? С. 6.

³⁵ Ильин И. А. Что такое федерация? // О русском национализме : сборник статей. С. 65—67.

³⁶ Ильин И. А. Что такое федерация? С. 68.

Однако слепые подражатели склонны подчиняться моде и общим тенденциям, думая, что если где-то механизм успешно работает, то необходимо непременно слепо этому следовать. А слепое подражание приводит к беде. Такая беда случилась с исторически сложившимися унитарными государствами — Аргентиной, Боливией, Бразилией, Колумбией, Мексикой, Чили и Доминиканской Республикой. *Такая беда случилась и с унитарной Россией после Революции 1917 г.*, когда единое Российское государство превратили в *искусственно созданный союз искусственно созданных национальных республик (в каких-то случаях даже искусственно образованных национальностей)*³⁷.

Безусловно, такое расчленение России уничтожило ее *единый организм и общенациональное братство*. Русскому народу навязали идеи федерализма и общественного договора, которые нарушили его многовековое и межнациональное единство. По мнению И. А. Ильина, федерация возможна там, где народ предрасположен к *искусству соглашения и дару политического компромисса*³⁸. Это воспитывается веками. Русский же народ не имеет данной предрасположенности и обладает больше *анархической мыслью*³⁹, и принятие Россией несвойственной ей идеи общественного договора обрекает ее на многочисленные гражданские войны, что приведет к окончательному ее расчленению. И. А. Ильин считал, что данное расчленение выгодно западным и юго-восточным государствам, которые мечтают превратить Россию *во множество политически ничтожных и стратегически «бессильных карликов»*⁴⁰.

Следует отметить, что И. А. Ильин был ярким *противником многопартийности* и выступал за *единообразие в парламенте*. Также он *осуждает сторонников английской конституционной монархии*, считая ее свойственной исключительно Британским островам с их морским климатом, тысячелетним прошлым Великобритании, английским характером и темпераментом, правосознанием, укладом чувства и воли, уровнем образования. *Но ни в медицине, ни в политике нет всеисцеляющих лекарств, у людей нет всеподходящих одежд. В мире нет ничего универсального. Всеустроющей государственной формы тоже нет*⁴¹.

Резюмируя данный пункт идеи единства русского народа, можно сказать следующее: по мнению Ильина, унитарная форма государства не уходит в прошлое и утверждать, что все империи распадаются, — нелепо, так как одни распадаются, другие возникают. Россия имеет свой исторический путь — путь унитарного государства с политическим, экономическим и культурным срастанием малых государств. Выбранный большевиками и либералами путь федерализма для России неэффективен и разрушителен (он провоцирует вечные беспорядки, нелепую провинциальную вражду, гражданские войны, государственную слабость, обострение национальных вопросов и культурную отсталость народа). России необходимо

³⁷ Ильин И. А. О псевдофедерациях // О русском национализме : сборник статей. С. 70—76.

³⁸ Ильин И. А. Жизненные основы федерации // О русском национализме : сборник статей. С. 81.

³⁹ Ильин И. А. Жизненные основы федерации. С. 81.

⁴⁰ Ильин И. А. О псевдофедерациях. С. 70—76.

⁴¹ Ильин И. А. Федерация в истории России // О русском национализме : сборник статей. С. 95.



заново объединиться вокруг ее исторического центра, превратиться из псевдофедерации в привычное русской исторической природе унитарное государство, т.е. авторитетное единодержавие. Иначе России грозит расчленение, чего ждут многие на мировой политической арене. Русскому народу нужна единодержавная и унитарная Россия⁴².

Итак, мы рассмотрели некоторые ключевые составляющие идеи единства Российского государства Ивана Александровича Ильина и попытались сформулировать его взгляды на строительство новой России. Кому-то они покажутся абсурдными, кто-то, наоборот, в них увидит надежду. Однако перемены будут, даже если этого не хотеть. И нам просто необходимо быть к ним готовыми: идеологически, юридически, экономически и, конечно, духовно. Именно от нас зависит, какой будет та самая новая Россия, о которой так много писал великий русский философ и юрист.

Сегодня, когда Россия стоит на пороге грядущих перемен, его слова звучат по-особенному актуально. Нас ждет национальный выбор: интегрироваться в европейскую массу, позабыв и оставив свою национальную, духовную и историческую идентичность, либо вернуться к самим себе, оттолкнуться от всех внешних сомнений, попроситься с малодушием и найти моральные силы для строительства нового Российского государства — не *восстановления* тех государств, которые мы уже давно потеряли (таких мощнейших держав, как Российская империя и СССР), а именно *строительства* новой единой России с учетом прошлых горьких ошибок.

Однако есть опасение. Дело в том, что Иван Александрович писал сценарий строительства новой России для тех русских людей, которые жили в его время. Он воспевал русский народ за его национальный характер, стойкость, крепкую веру, великодушие, преданность, природную наивность, бескорытность, жертвенность, взаимовыручку и смекалку. Такие ли мы сейчас? Прошло много десятилетий. Социализм сменился капитализмом. Вездесущая идеология марксизма-ленинизма перешла в поглощающий любые попытки внутренней национальной политики идеологический плюрализм.

Созидание в потребление... «Широкий русский человек» Ф. М. Достоевского уже стал совсем не тот. Мы все по рекомендации Мити Карамазова за последнее столетие изрядно «сузились». Подойдут ли его идеи к современному русскому человеку? И более того — сможет ли он их воспринять и вместить в себя? И затем еще защитить, отстоять и передать будущему поколению? Чтобы ему уже не нужно было доказывать, что единство страны — это не «фигура речи», а великая ценность для русского человека. В этом большой вопрос.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Владимир Путин назвал единство народа главнейшим условием побед России // URL: <https://rg.ru/2023/02/26/putin-nazval-edinstvo-naroda-glavnejshim-usloviem-pobed-rossii.html?ysclid=leyti6ifba928888084> (дата обращения: 7 марта 2023 г.).
2. *Ильин И. А.* О русском национализме : сборник статей. — Симферополь, 2016.

⁴² *Ильин И. А.* О псевдофедерациях. С. 70—76.

3. Новогоднее обращение к гражданам России // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67514> (дата обращения: 7 марта 2023 г.).
4. Ой ты, участь корабля...», или Слово о «Философском пароходе» // URL: https://scepis.net/library/id_2690.html (дата обращения: — 7 марта 2023 г.).
5. Послание Президента России Федеральному Собранию от 21 февраля 2022 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565>.
6. Проект Основного Закона Российской империи (черновая схема, рукопись) // URL: https://www.culture.ru/catalog/archiv_ilina/ru/item/book/i-a-ilin-proekt-osnovnogo-zakona-rossiyskoj-imperii (дата обращения: 7 марта 2023 г.).
7. Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 7 марта 2023 г.).
8. Путин: Сила России — в единстве и дружбе народов // URL: <https://rg.ru/2022/09/20/putin-sila-rossii-v-edinstve-i-druzhbe-narodov.html?ysclid=leuyvuxvo401537468> (дата обращения: 7 марта 2023 г.).
9. Святое Евангелие от Матфея // URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.1&r>.
10. Cinquante siècles d'évolution ethnique autor de la Mer Noire [Пятьдесят веков этнической эволюции вокруг Черного моря] / Alexandre Baschmakoff. — Paris : Geuthner, 1937. — X. — 177 p. — (Études d'ethnographie, de sociologie et d'ethnologie. — Т. 1).

Государство, право и общество



Игорь Андреевич ИСАЕВ,

заведующий кафедрой
истории государства и
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор
iaisaev@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Народ и суверен: одноразовое соглашение

Аннотация. Автор раскрывает проблему соотношения категорий «суверен», «народ», «множество», «масса» в историко-правовой ретроспективе. В Новое время народ, будучи политическим телом, всё еще продолжает существовать в напряжении между состоянием множества и формой «народ-король», при этом первое всегда находится в процессе распада, связанного с актом учреждения суверена, а вторая демонстрирует иллюзорное единство. Томас Гоббс и полагает, что у народа нет собственного политического тела, оно есть у суверена. Начиная с меркантилистов XVII в. народ представляется в роли не просто множества, образования, способного символизировать могущество верховного правителя. Это — определяющее множество, единство которого функционально обусловлено. Население-множество — естественный феномен, подверженный целенаправленному воздействию. Множество есть неполитический элемент. Историко-правовой анализ статьи позволяет определить дальнейший политико-правовой генезис населения, его метаморфозу от народа к массе или массам. Массы нельзя сравнивать с классом или народом, они более не субъект истории.

Ключевые слова: власть, суверен, суверенитет, монарх, государство, общество, народ, множество, масса, массы.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.122-130

Igor A. ISAEV,

Head, Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Distinguished lawyer of the Russian Federation,
Dr. Sci. (Law), Professor
iaisaev@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The People and the Sovereign: A One-Time Agreement

Abstract. The author of the article reveals the issue of such categories correlation as the “sovereign”, “people”, “multitude”, “mass” in the historical-and-legal retrospective. In the Modern Age, the people being a political body continues to exist in tension between the state of multitude and the form “people-king”, while the former is always in the process of disintegration associated with the act of establishing a sovereign, and the latter demonstrates

illusory unity. Thomas Hobbes believes that the people do not have their own political body, but the sovereign has it. Since the mercantilists of the XVII century, the people have been presented as not just a multitude, an entity capable of symbolizing the power of the supreme ruler. That is a determinant multitude, the unity of which is functionally specified. The population-multitude is a natural phenomenon that is subject to the targeted impact. The multitude is a non-political element. The historical-and-legal analysis of the article allows us to determine the further political and legal genesis of the population, its metamorphosis from the people to the mass or the masses. The masses should not be compared with a class or a people, they are no longer the subject of history.

Keywords: *power, sovereign, sovereignty, monarch, state, society, people, multitude, mass, masses.*

В Новое время политика приобретает поистине мессианское измерение. У Томаса Гоббса мирское государство (Левиафан) непременно исчезнет, когда Царство Божие политически осуществится в мире¹. Истинная государственность объективна и трансцендентна. Именно это придает определенную объективность и реально существующему мирскому государству. Недостигаемость идеала вместе со стремлением к его достижению побуждает земное государство стремиться к истине и справедливости.

Политическая сцена в Новое время отсылает к важному означаемому — народу, общей воле. У Самуэля Пуфендорфа народное единство выражается в единстве воли и действия, которое отсутствует у множества, состоящего из подданных. Когда понятием «народ» обозначают весь город, то налицо тавтология: ведь именно народ, то есть город, правит во всяком городе. Но если «народ» означает множество подданных («граждане как нечто отличное от короля»²) и они царствуют в каждом городе — здесь будет ложное утверждение. Поэтому противоречивое определение «король — это народ» не должно пониматься и использоваться как-то иначе, чем оно выражено: в монархическом городе народ считает, что он хочет того, чего восхотел государь. Парадокс разрешается, если ситуацию интерпретировать с позиции юридической фикции. Однако у Т. Гоббса такой порядок сохраняет свою прямолинейность: монарх — народ, поскольку конституируется телами подданных.

Общественное соглашение дает столь сильное могущество, направляемое общей волей. Имя этой власти — суверенитет. «Политический организм, или суверен, который обязан своим существованием лишь святости Договора, ни в коем случае не может брать на себя таких обязательств, даже по отношению к другим, которые сколько-нибудь противоречили бы этому первоначальному акту, как, например, отчуждение части самого себя или подчинение себя другому суверену. Нарушить акт, благодаря которому он существует, значило бы уничтожить самого

¹ См.: Гоббс Т. Левиафан. М. : Мысль, 2001. 478 с.

² Цит. по: Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. СПб. : Владимир Даль, 2021. С. 56.



себя»³. Жан-Жак Руссо пишет: «Государство, или Гражданская община, — это не что иное, как условная личность, жизнь которой заключается в союзе ее членов»⁴.

Т. Гоббс различает «разобщенное, разъединенное множество», существующее до момента заключения договора, и «расплоившееся множество», которое следует за ним. Множество также должно исчезнуть для того, чтобы возникло государство. (Джорджо Агамбен усматривает в этом диссонанс, ведь исчезает не «множество», а сам народ полностью перенесен в тело Левиафана, он-то и «правит во всяком городе, но не способен в нем обитать»⁵.) В пространстве власти множество всё же остается, хотя оно и является непредставимым и невидимым, ибо народ рассеялся в суверене.

Множество может стать личностью, только когда его представляют. Большинство в своей совокупности обладает властью, по Алексису Токвилю, притом никто не знает, где найти ее представителя. Единство представителя, а не единство представляемых, думает Т. Гоббс, делает одну личность единственной. Такой представитель «несет Личность, и одну-единственную; а Единство не может быть иначе понято во множестве»⁶. Категоричен в данном вопросе Георг Гегель: народ без монарха — не государство и не наделен суверенитетом. «Народ, взятый без своего монарха и необходимо и непосредственно связанного именно с ним расчленения целого, есть бесформенная масса»⁷.

Для немецкого философа уже неразделимые между собой государство и история и создают народ. Народ имеет голос, но в гегелевском государстве этот голос почти не слышим. Главная власть, которая не удерживается короной и не принадлежит народному представительству, оказывается у чиновников, особого сословия, универсального и самого влиятельного. Поддержание государственного интереса и законности детерминирует попечение «со стороны представителей правительственной власти, государственных чиновников, исполнительной и высших совещательных, коллегиально-конституированных органов, которые сходятся в высших, соприкасающихся с монархом инстанциях»⁸. Чиновничество держит в своих руках организацию государства.

Народ — коллективную личность — отличают особые свойства, привычки, судьба. Однако народ самостоятельно «не мыслит и не обладает знанием, он лишь живет и желает, а мыслят и обладают знанием народные герои и мудрецы»⁹. Нередко сам народ и возникает-то в истории благодаря мысли и знанию таких людей, которые составляют его сердцевину. Народность есть усиленный и концентрированный дух нации, выражающий себя в высших символических личностях и произведениях народа. Именно здесь и происходит духовное постоянное

³ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Тракаты. М. : Канон-Пресс ; Кучково поле, 1998. С. 210.

⁴ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 220.

⁵ Агамбен Дж. Указ. соч. С. 59–62.

⁶ Цит. по: Робин К. Страх. История политической идеи. М. : Прогресс-Традиция ; Территория будущего, 2007. С. 98.

⁷ Гегель Г. Философия права. М. : Мысль, 1990. С. 320.

⁸ Гегель Г. Указ. соч. С. 330.

⁹ Гундольф Ф. Георге. СПб. : Владимир Даль, 2019. С. 123.

возвращение к жизни исторического прошлого, но происходит оно не в сюжетах и учениях, а в силе и в образе мыслей. И если первые заимствуются и переносятся из прошлого и как бы извне, то вторые «живут в крови, они-то и суть, судьба и характер народа»¹⁰.

Начиная с XVIII в. политическое, которое до этого было формой игры и стратегией, а не системой представления и идеологией, принимает функцию выражения социального. От политического действия ожидается лучшее изображение реальности — «чтобы оно было прозрачным»¹¹. Социальное овладевает политическим, включая его в рискованную сферу анонимности, в которой пребывает масса.

В личности государя общество олицетворяло и символически воплощало саму власть. Демократические преобразования изменили пространственные очертания власти: поскольку ее осуществление стало периодически подвергаться строго регламентированному обновлению, произошла институализация состязательных и конфликтных действий, и в центре властного пространства появился «пустой трон». Артур Хокарт по этому поводу замечает: «Если всеобщая воля неотчуждаема, никому не дано вместить ее в себе. Если всеобщую волю нельзя представить, ничто и никто, даже народ при полном единодушии, не может стать ее выразителем»¹².

Только глава государства иногда и на некоторое время вправе занять это неприкосновенное место (трон); легально находясь под защитой «всеобщей воли», но не имея при этом возможности с ней слиться, он оставался всего лишь «стражем места» («гарантом конституции»); «в конечном итоге это пустое место — место отсутствующего содержимого, невидимой субстанции, вокруг которой выстраивается социальный и политический порядок»¹³.

Политический ритуал для наибольшего эффекта нуждался в некоем содержании — общем интересе, всеобщей воле, справедливости. Необходимо было соблюдать и важное условие: никто не назовет это содержание и не заговорит от его имени.

Исключение монарха из системы власти воспринималось как обезглавливание государственного тела. Ритуал королевской казни означал символический разрыв «двух тел» короля. Возникла пустота, не заполненная властной субстанцией, а политическими факторами становились страх, паника и тревога. «Тревога не была реакцией на репрессии государства; она к ним приводила»¹⁴ (Кори Робин).

Интенсивность массового страха связана с невидимым характером его причины, с тем, что публичное пространство оказывалось всё менее структурированным вокруг фигуры суверена, который всегда был законодателем и хранителем истины. Обнаруживающаяся на месте разума пустота навевала страх, а неуверенность, спонтанная мобильность массы и множественность мнений об истине обуславливали глубокий кризис рациональности.

¹⁰ Гундольф Ф. Указ. соч. С. 130.

¹¹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2000. С. 23.

¹² Цит по: Дюпюи Ж.-П. Знак священного. М. : Новое литературное обозрение, 2021. С. 187.

¹³ Дюпюи Ж.-П. Указ. соч. С. 188.

¹⁴ Робин К. Указ. соч. С. 93.



Борьба с эпидемиями и безумием, по мысли Мишеля Фуко, принимала форму борьбы с фантастическими монстрами воображения — «все эти порождения причудливейшего бреда были изначально скрыты в лоне земли как некая тайна, как недостижимая истина»¹⁵. Пропаганда суверенности индивидуального разума также эффективно способствовала взрыву панического иррационализма. Реальные страхи вели к реальной опасности и реальным возможностям.

Общий разум множества рождал странный феномен публичности. Новая публичность не была закреплена в политическом пространстве, располагалась вообще вне устоявшейся публичной сферы, некогда связанной с мифами и ритуалами государства-суверена. Универсальность «всеобщего разума» оказывалась шире даже «общей воли» народа, которая в теории Ж.-Ж. Руссо выражена в государстве. Для французского ученого законодатель — «должность особая и высшая, не имеющая ничего общего с властью человеческой. Ибо если тот, кто повелевает людьми, не должен властвовать над законами, то и тот, кто властвует над законами, также не должен повелевать людьми»¹⁶. Законодатель не есть ни правительство, ни суверенитет.

Общественное соглашение не должно быть формальным. Ж.-Ж. Руссо подчеркивает, что «оно молчаливо включает в себя такое обязательство, которое одно только может дать силу другим обязательствам»¹⁷. При отказе кого-либо подчиняться общей воле в действие вступает «общественный организм», принуждающий ослушника «быть свободным». Когда масса объединена в единое целое, невозможно внешним силам легко дестабилизировать ее.

Желание подчиняться большинству возникает ввиду того, что сама «субстанциальная однородность народа настолько велика, что исходя из подобной субстанции все желают одного и того же»¹⁸. У Ж.-Ж. Руссо и якобинцев государство базируется не просто на договоре, а на тождестве народа с самим собой, что представлено в концепте демократического равенства. Меж тем народ не может непосредственно вручать кому-либо власть, поскольку сам реально ею не обладает; истинная власть может прийти только сверху и быть узаконенной санкцией чего-то более высокого, чем социальный порядок, то есть санкцией духовного авторитета. Власть, будучи институциональным соединением сакральной силы и материальной мощи, осуществляет узурпацию власти Божественного. В самом начале власть под именем государства подменила Божественного Пантократора человеческим сувереном. Свой титул узурпатор получал «по воле Бога», принимая на себя божественное могущество. Переворачивание всякой иерархии началось с того момента, когда светская власть захотела сделаться независимой от этого духовного авторитета, пытаясь подчинить его своим политическим целям, — так происходила первая узурпация и секуляризация власти...

Вездесущий государственный контроль порождает специфическое явление — политическое присвоение морали. Концепция массы создает возможность нормирования. Для того чтобы массы следили за произведением на свет законности,

¹⁵ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М. : АСТ ; АСТ Москва, 2010. С. 33.

¹⁶ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 180.

¹⁷ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 164.

¹⁸ Шмитт К. Государство и политическая форма. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. С. 76.

ту тщательно зашифровывали, закрепляя условия установления законности и ее соблюдения. Деспотическая тенденция присутствует всегда. В современных демократических государствах, в понимании А. Токвиля, возможный деспотизм будет иметь лишь специфику (черты, отличающие его от аналогичных явлений прошлого). Над бесчисленной толпой подобных друг другу и равных в правах людей довлеет мощная охранительная власть — всеильная, регулярная, педантично всевидящая¹⁹. Она намерена закрепить своих подданных на детском уровне развития: печется об их безопасности, обеспечивает потребности масс, ведет их основные дела, насаждает этику государства. Так моральные и социальные требования тесно переплетаются между собой, а «у граждан создается впечатление о либерализме и человечности власти»²⁰.

Власть при демократии хотя и исходит от народа, но становится настоящей властью лишь тогда, когда «овнешняется» по отношению к народу.

Стоит сказать, что для легитимной власти характерна четкая граница между представителями и представляемыми, нелегитимная власть жаждет слияния. Именно в этой связи возникает критика Франклином Анкерсмитом народного суверенитета из-за того, что это фикция: «Ведь народный суверенитет нацелен на легитимацию политической власти путем усмотрения ее истоков в народе, так сказать, в представляемом народе»²¹.

Ранее Франсуа Гизо подмечает слабую сторону концепта «народный суверенитет»: с одной стороны, суверен, который и правит, и подчиняется, с другой стороны — правительство, которое распоряжается, но не есть суверен («когда суверенитету было определено принадлежать правлению, в системе всё было логично и просто»²²). Политическая власть рождается из самого порядка репрезентации. Чтобы слиться с обществом, государство пытается более точно его копировать, стремясь в принимаемых решениях и символике максимально отождествиться с народом. Ф. Анкерсмит видит, что бюрократия, в свою очередь, нивелирует неизбежные разрывы между государством и обществом²³.

Если определять демократию как управление народа самим собой, то это умозаключение ложное, ведь одновременно люди не могут быть и управляющими, и управляемыми (по Аристотелю, одна и та же вещь либо действующая, либо потенциальная). Бóльшая хитрость управляющих — затуманить наше сознание потенциальным управлением. «И народы верят тем охотнее, что это для них весьма лестно, тем более что они просто не обладают достаточными интеллектуальными способностями, чтобы убедиться в совершенной невозможности такого положения дел как на практике, так и в теории»²⁴ (Рене Генон).

¹⁹ Токвиль А. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992. С. 497.

²⁰ Рукетт М.-Л. Познание масс. Очерки политической психологии. М. : Канон+, 2010. С. 50—54.

²¹ Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 74—75.

²² Гизо Ф. Политическая философия : о суверенитете // Классический французский либерализм : сборник. М. : Российская политическая энциклопедия, 2000. С. 519.

²³ Анкерсмит Ф. Указ. соч. С. 75.

²⁴ Генон Р. Кризис современного мира. М. : Эксмо, 2008. С. 88.



Мнением народа легко манипулировать (например, посредством всеобщего избирательного права). Искусно отработанные формулы получают магическую силу. «Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу»²⁵ (Гюстав Лебон). В неопределенных терминах — «свобода», «равенство», «демократия» — заключена магическая сила, будто бы разрешающая любые проблемы. Если исходящие от слов образы изменчивы и зависят от времени и обстоятельств, то формулы вечны. Здесь произносимые формулы — природные или сверхъестественные силы, а окружающая неопределенность лишь усиливает их таинственное могущество.

Мнения — всегда результат интерпретации: они вытекают из того отношения к закону, которое априори считается единственно возможным. (Герой «Процесса» Франца Кафки хочет извлечь из мира практическую пользу и прилагает все усилия для того, чтобы понять, чего ждет от него закон.) Фабрикуют мнение не всегда те явные и легальные правители, которые реально имеют в своем распоряжении необходимые для достижения результата средства.

Запущенная «машина управления» (выражение Р. Генона) использует саму их некомпетентность для поддержания этой иллюзии (большинство всегда состоит из некомпетентных людей). Итог демократизации: «власть должна приходить снизу и корениться в большинстве, что с необходимостью предполагает отказ от всякой подлинной компетентности, всегда несущей в себе элемент хотя бы незначительного превосходства, естественно превращающего ее в достояние меньшинства»²⁶. Некомпетентность необходима политикам, чтобы чувствовать себя частью большинства. Отсюда критерий истины — численно преобладающее мнение большинства.

Масса — молчаливое большинство и мнимый референт. Она не может относиться к порядку представления и не выражает себя, что поясняет Жан Бодрийяр: «Массы не являются референтом, поскольку уже не принадлежат порядку представления. Они не выражают себя — их зондируют. Они не рефлектируют — их подвергают тестированию. Политический референт уступил место референдуму (организатор постоянного, никогда не прекращающегося референдума — средства массовой информации)»²⁷. Массы создают «мир без Субъекта своего предназначения, имеющий место лишь как баснословная скученность тел»²⁸. Новый мир не стоит ни на чём, над ним ничего не возвышается; в нем разрывы становятся признанными историческими формами человеческого обустройства — «человека-всеобщности», некоего родового существа.

Масса не имеет видимой имманентной организации, не сохраняет каких-либо знаний о себе самой, не содержит в себе своей собственной цели. Она механически тяготеет к самовозрастанию и стремится занять некий объем, заполнить пустоту. Власть не исходит от массы. Власть — условие существования массы.

²⁵ Лебон Г. Психология народов : с комментариями и объяснениями. М. : АСТ, 2020. С. 232.

²⁶ Генон Р. Указ. соч. С. 86.

²⁷ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 26.

²⁸ Нанси Ж.-Л. Corpus. М. : Ad Marginem, 1999. С. 67.

Заблуждением власти является одобрение пассивности массы, позволяющей усилить централизацию и бюрократизацию. Тем не менее безразличие масс становится симптомом ослабления и возможного краха власти, когда последняя выбирает иную стратегию и подталкивает массы к участию в управлении. Демократия выступает такой крайней формой правления. Способна ли масса управлять, когда состоит из узников затхлой пещеры, пугающихся от фрагментарности тени теней внутри нее?²⁹

У Эмиля Чорана (Сиорана) находим мрачное наблюдение о предназначении народа — всё сносить. Всякий политический эксперимент обращается против народа дьявольским проклятием. Нации и империи образуются из-за покорности народа. «Нет ни главы государства, ни завоевателя, который не презирал бы его, но он принимает это презрение и даже живет им»³⁰. Уже сама по себе покорность народа — приглашение к деспотизму; единственная роскошь народа, некий реванш за привычные неудачи — революция, да и плодами той невозможно воспользоваться; ни в одном режиме нет спасения, и народ, приспособившись, в результате не приемлет никакого³¹...

Новейшее время попыталось исправить ситуацию и преодолеть пессимизм при помощи «суверенной демократии». И всё же ресентимент еще долго остается неотъемлемым признаком массы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. — СПб. : Владимир Даль, 2021. — 190 с.
2. Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. — 432 с.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2000. — 96 с.
4. Гегель Г. Философия права. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
5. Генон Р. Кризис современного мира. — М. : Эксмо, 2008. — 784 с.
6. Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм : сборник. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2000. — С. 507—588.
7. Гоббс Т. Левиафан. — М. : Мысль, 2001. — 478 с.
8. Гундольф Ф. Георге. — СПб. : Владимир Даль, 2019. — 503 с.
9. Дюпюи Ж.-П. Знак священного. — М. : Новое литературное обозрение, 2021. — 272 с.

²⁹ Румянцева В. Г. История и будущее права: трансформация идей и образов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 101.

³⁰ Сиоран Э. История и утопия // Искушение существованием. М. : Республика ; Палимпсест, 2003. С. 297.

³¹ Сиоран Э. Указ. соч. С. 298.



10. *Лебон Г.* Психология народов: с комментариями и объяснениями. — М. : АСТ, 2020. — 288 с.
11. *Нанси Ж.-Л.* Corpus. — М. : Ad Marginem, 1999. — 255 с.
12. *Робин К.* Страх. История политической идеи. — М. : Прогресс-Традиция ; Территория будущего, 2007. — 368 с.
13. *Рукетт М.-Л.* Познание масс. Очерки политической психологии. — М. : Канон+, 2010. — 272 с.
14. *Румянцева В. Г.* История и будущее права: трансформация идей и образов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5. — С. 97—103.
15. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права // Трактаты. — М. : Канон-Пресс ; Кучково поле, 1998. — С. 195—322.
16. *Сиоран Э.* История и утопия // Испытание существованием. — М. : Республика ; Палимпсест, 2003. — С. 272—338.
17. *Токвиль А.* Демократия в Америке. — М. : Прогресс, 1992. — 554 с.
18. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. — М. : АСТ ; АСТ Москва, 2010. — 698 с.
19. *Шмитт К.* Государство и политическая форма. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. — 272 с.

Ценности права и правовые ценности

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ понятий «ценности права» и «правовые ценности». Понятие «ценность» рассматривается как абстрактное и общее понятие, а правила или руководящие принципы поведения людей понимаются как нормы. Особое внимание уделяется многообразию подходов к понятию «ценность». Рассматриваются особенности функциональных связей и взаимных переходов, позволяющих установить принципиальных различий двух понятий и их содержания, но во многом сходных по своей сути. Обращается внимание на исследование правовых ценностей с использованием феноменологического метода. Затрагивается проблема единообразного понимания правовых ценностей и норм в целях эффективного формирования правового поведения, основанного на саморегуляции и самоконтроле каждого человека (гражданина). Проведение сравнительно-правовых исследований позволяет определить место правовых ценностей в структуре иных социальных ценностей, их иерархию. Показывается значение правовых ценностей, определяющих поведение субъектов права в юридически значимых ситуациях. Правовые ценности органично входят в механизм реализации прав и обязанностей.

Ключевые слова: право, ценность, ценности права, правовые ценности, правопонимание, правовая аксиология, правореализация, сферы человеческой жизнедеятельности.



**Татьяна Вячеславовна
ПЕТРОВА,**

доцент кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
tvpetrova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.131-140

Tatiana V. PETROVA,

Associate Professor of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)
tvpetrova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Legal Values and Values of Law

Abstract. This paper focuses on the comparative analysis of the terms “legal values” and “values of law”. Special attention is given to a variety of approaches towards the definition of the term “value”. The term “value” is discussed as an abstract and common term, and rules of behavior and guiding principles are seen as norms. This article discusses features of functional connections and mutual conversions, which are aimed at emphasising the fundamental differences between the two notions which are similar in many ways. This article pays attention to the phenomenological approach to research of legal values. We address issues of uniform understanding of the

© Петрова Т. В., 2023

difference between legal values and norms that are necessary to identify ways of efficient formation of legal behavior, which is based on self-regulation and self-control of each person (each citizen). Comparative legal studies can determine legal values' place in the system of other social values, their hierarchy. The significance of legal values that determine the behavior of subjects of law in legally significant situations is shown. Legal values are organically included in the mechanism for the implementation of rights and obligations.

Keywords: law, value, values of law, legal values, legal understanding, legal axiology, law enforcement, spheres of human life.

Научный интерес к заявленной теме привлекает к себе внимание многих исследователей. Имеют место противоречивые суждения о ценностях. При этом уделяется внимание ценностям, которые играют большую роль в трансформационных процессах, происходящих в обществе. Такая актуальная тема побуждает исследователей обращаться к вопросу разграничения понятий «ценность права» и «правовая ценность», поскольку в разные эпохи развития общества человек ориентируется на определенные ценности, которые составляют ядро культуры, потребностей и бытия.

Понятие «ценность» является компонентом изучения теоретической философии — аксиологии (от греч. *axios* — ценный и *logos* — учение), т.е. аксиология изучает природу ценностей и их роль в жизни общества и человека как особый раздел проблемного поля в теории ценностей. Аксиология рассматривает ценность на стыке реальности в мире и ценности этой реальности, показывая место и роль ценностей в жизни общества и человека.

В Большом юридическом словаре¹ ценность определяется как положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности.

В Новейшем философском словаре² указывается, что термин «ценность» используется в философии и социологии для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных объектов и явлений, отсылающее к миру должного, целевого, смысловому основанию, абсолюту.

Труды по социологии обычно определяют ценность как особое общественное отношение, благодаря которому потребности и интересы индивида или социальной группы переносятся на мир вещей, предметов, духовных явлений, придавая им определенные социальные свойства, не связанные прямо с утилитарным назначением этих вещей, предметов, духовных явлений³.

¹ URL: <https://juridical.slovaronline.com> (дата обращения: 15.02.2023).

² См.: Новейший философский словарь // URL: <https://gufo.me/dict/philosophy> (дата обращения: 15.02.2023).

³ См. подробнее: Раутина М. С. Ценности и ценностные ориентации, их формирование и роль в развитии личности // URL: <https://econf.rae.ru/article/5159> (дата обращения: 15.02.2023).

Согласно Словарю по культурологии⁴ ценность — это положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, которая определяется не их свойствами, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений; в Словаре приводятся также критерии и способы оценки этой значимости, которые выражаются в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях; различаются материальные и духовные ценности, положительные и отрицательные; выделяются общечеловеческие ценности (истина, добро, красота, культурное наследие и др.).

Большая советская энциклопедия указывает на то, что рассматриваемый термин широко используется в философской и социологической литературе для указания на человеческое, социальное и культурное значение⁵ определенных явлений действительности⁶.

Таким образом, значение термина «ценность» многовариативно, его можно определять как нужность, преимущество, важность, достоинство, многозначительность. Ценность — это убеждения или суждения людей о жизни и соответствующем поведении, влекущие за собой важные последствия.

Проблема ценностей в широком ее значении неизбежно возникает в эпохи обесценивания культурных традиций и дискредитации прежних идеалов. Понятие «ценность» широко применяется в самых разных сферах как одно из самых важных, но и противоречивых и находится на стыке нескольких дисциплин — философии, психологии, социальной психологии, культурологии, антропологии, экономики, права и т.д., что определяет его междисциплинарность.

Понятие «ценность»⁷ имеет различные определения, различаются подходы к содержанию этого понятия, так как ценности проявляются в различных качествах идеала (идеальное проявление, совершенный образец), нормы (образец поведения), принципа (основное положение, убеждение), цели (результат, к которому необходимо стремиться), значения (смысловое содержание явления)⁸.

Различные подходы к трактовке понятия «ценность» определяются их неоднозначностью понимания, двойственностью природы их происхождения. Они отчасти неоспоримы, поскольку социальны и формируются в обществе, однако они индивидуальны, так как позволяют человеку в процессе социализации, личностного развития привнести собственные изменения в структуру ценностей на основе личной рефлексии и представлений. Авторы рассматривают «ценность» как совокупность, иерархию, которая трансформируется в зависимости от различных условий (политических, социально-экономических, культурных и др.),

⁴ См.: Словарь по культурологии // URL: <http://ya-simkina.narod.ru/gloss.htm> (дата обращения: 15.02.2023).

⁵ См. подробнее: Мизулина Е. Б. О концепции государственной и семейной политики // URL: <https://www.garant.ru/interview/244534> (дата обращения: 15.02.2023).

⁶ URL: <https://gufo.me/dict/dal/> (дата обращения: 15.02.2023).

⁷ См. подробнее: Рындина А. С. Истоки теории ценностей в социологии и направления ее развития // Вестник РУДН. Серия : Социология. 2021. № 3.

⁸ См. подробнее: Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М. : Вече ; АСТ, 2003. С. 389.



господствующих в определенный исторический период, указывая, что «переходные эпохи играют роль своеобразного «фильтра», позволяющего отбросить прежние, уже неактуальные нормы и установки; далее происходит оформление нового — актуального — ценностного ориентира⁹.

В связи с этим в философской и юридической мысли сложились разные подходы к осмыслению ценности права.

Философское учение о природе ценностей сыграло значительную роль в разработке и становлении ценностей, рассматривая их как некий идеал/опыт. В своем подходе И. Кант обосновывал категорию морали как должного и ставил ее со свободой и естественными стремлениями человека. Последующие философские течения были или последователями, или критиками трансцендентального подхода.

Так, понятие ценности у Канта коррелирует с понятием целей: ценности зависят от целей и не самостоятельны, но обладают значимостью. Объективные цели, по Канту, — это «предметы, существование которых само по себе есть цель»¹⁰. Ценности соотносятся с объективностью высших целей человеческого существования, а не с объективностью природных вещей. Кант не принимает за истинные ценности, которые основаны на субъективных интересах. Для него абсолютной ценностью является не счастье, благополучие и наслаждение, а сам человек, его «добрая воля», «свобода своей способности желания»¹¹. Понятия ценности и культуры связаны, так как в культуре можно вычленил всеобщий ценностно-регулятивный элемент, а ее высшая ценность — моральное развитие человека¹².

В. С. Нерсесянц рассматривает ценностные свойства права, утверждая, что право — это высшая ценность, высшее благо, оно существует объективно, независимо от воли законодателя, это форма бытия свободы и т.д.¹³

В юридической науке проблема ценностей права детально разрабатывалась С. С. Алексеевым, который подчеркивает, что право является высокоэффективным и целесообразным социально-классовым регулятором, выступает инструментальной ценностью, обеспечивающей функционирование социальных институтов (государства, социального управления, морали и т.д.), иных социальных благ. Он указывает также, что право обладает своей собственной ценностью, право способно дать простор активности участников общественных отношений на основе строгого и жесткого порядка этих отношений.

Другими словами, С. С. Алексеев рассматривает право, которое имеет ценность упорядоченной активности участников общественных отношений, и право

⁹ См. подробнее: Гусельникова А. А. Рассмотрение ценностей в междисциплинарном значении // Вестник ПГГПУ. Серия 3 : Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 37—45.

¹⁰ См. подробнее: Кант И. Основы метафизики нравственности // URL: <http://vehi.net/zph/ikant.html> (дата обращения: 20.02.2023). См. также: Рындина А. С. Указ. соч.

¹¹ См. подробнее: Кант И. Критика способности суждения // URL: <https://kant-online.ru/okante/slovar/trudy/kritika-sposobnosti-suzhdeniya/> (дата обращения: 20.02.2023).

¹² См.: Рындина А. С. Указ. соч. С. 591.

¹³ См. подробнее: Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1998. С. 70.

может внести в жизнь людей такие высоко значимые блага, как безопасность человека в людских взаимоотношениях, стабильность сложившихся отношений, гарантированность прав, социального долга, торжество правды, справедливости, истины в конфликтных ситуациях¹⁴.

Из философских концепций правопонимания вытекают два основных подхода к пониманию ценности права: теория естественного права и теория юридического позитивизма.

В естественно-правовой теории рассматривают право как подлинное естественное право, такое право свойственно только человеку от рождения. Под таким правом ученые понимают всю совокупность естественных и неотчуждаемых прав человека. Источник происхождения таких прав почти всегда находится в законодательстве, а сами права заложены в человеческой природе. Источником приобретения прав человека является не законодательство, которое фиксирует эти права, а сама человеческая природа, такие права приобретаются от рождения и прекращаются смертью.

В связи с этим в действующем законодательстве введено такое понятие, как «правоспособность». В совокупности с возникновением таких неотчуждаемых прав появляется и ядро права, которое и создает для общества ценности, такие как: справедливость, свобода, равенство, право и мораль. Основная проблема, которая здесь встает, — это проблема реализации таких прав, которые должны реализоваться без какого-либо правоприменительного акта и независимо от воли людей и государства. Формируются и реализуются ли так ценности — можно только предполагать. Такая ценность, как человек, который является высшей ценностью, реализуется без формирования и функционирования нормативно-правовой базы, регламентирующей общественные отношения, начиная с первобытнообщинного строя. Иные ценности права формируются в процессе развития общества.

Рассматривая теорию позитивного права, необходимо отметить, что право в ней рассматривается как ценность. Право, по данной теории, полезно, значимо для государства и общества, а также для каждого человека. Основоположники данной теории к свойствам, которым обладает право, относят нормативность, общеобязательность, системность, формальную определенность и гарантированность.

В теории позитивного права свойства права охватывают множество конкретных общественных отношений, регулируют полно и всесторонне общественные отношения, отчасти доводят государственную волю до любого человека (гражданина), подчиняя всех членов общества единообразному порядку, стараясь всесторонне и с максимальной полнотой отрегулировать возникающие и продолжающиеся общественные отношения в масштабах всего государства, делая их более четкими и определенными, выделяют объекты правового регулирования с учетом возникновения и развития социальных и личностных ценностей, которые право защищает.

В связи с этим концептуальный подход к праву как элементу культуры и цивилизации позволяет сделать вывод о том, что право является ценностью, которая

¹⁴ URL: <https://www.rulit.me/books/obshchaya-teoriya-prava-tom-i-read-295208-21.html> (дата обращения: 15.02.2023).



исходит из происхождения права как такового и его развития до настоящего времени; право значимо, поскольку целью его является удовлетворение социальных справедливых и прогрессивных потребностей, интересов общества в целом и граждан. Право как ценность придает действиям людей организованность, устойчивость, согласованность, подконтрольность, определяет границы свободы как необходимой меры.

В качестве философской категории ценность — это то, что чувства и разум людей диктуют признать особенно значимым из всего и во имя чего проживается жизнь, то, чего человек хочет ради себя самого, а не ради чего-то другого¹⁵.

В настоящее время ценности рассматриваются не только с точки зрения философии, но и закрепляются в законодательстве, ценности вытекают из социальных норм и имеют свои установки на определенную ориентацию для субъекта.

Между ценностями, оценками (оценка применяется в контексте процедуры выбора субъектом установки на ориентацию на основе ценности) и нормами существуют функциональная связь и взаимные переходы, позволяющие рассматривать ценности права и правовые ценности как имеющие принципиальные различия и сходство во взаимосвязях.

Взаимосвязь реализуется при рассмотрении вопроса практико-ориентированного подхода, где реализация права выражается во внешнем поведении людей в форме исполнения, использования, соблюдения и применения права как особой формы выражения права и представляет собой область человеческой деятельности, носящей ярко выраженный оценочный характер.

Ценности, которым придается статус ценностей в праве, приобретают различные факты и явления. Такие факты могут быть как материального, так и идеального характера. Вот такие факты и следует рассматривать как факты и явления, которые являются правовыми ценностями, поскольку такие факты и явления лежат в основе права и правопорядка, они являются обоснованием норм права. В данном случае факты и явления составляют важную цель права, на их основе и формируются правовые институты, формирующие ценности.

Рассматривая роль правовых норм при формировании правовых целей и правовых средств достижения этих целей, необходимо отметить, что «правовая ценность и система правовых ценностей имеют двуединое основание: в личности как в субъекте права и в обществе как социокультурной системе»¹⁶. Если рассматривать ценность в личности как субъекте права, то в основе будет лежать оценка субъектом объекта познания, что позволяет выделить правовые ценности, культурные ценности, этические ценности и т.д., которые имеют правовой характер, что делает их общеобязательными, превращая их из морально-нравственных, абстрактных пожеланий в правовую плоскость и правовую реальность¹⁷.

В то же время под ценностями в праве, или собственно правовыми ценностями, понимаются те ценности, которые правом интегрированы, а ценности

¹⁵ См. подробнее: *Нагой Ф. М.* Теории ценностей и проблемы мировоззрения личности // URL: <http://www.philsoc.psu.ru> (дата обращения: 15.02.2023).

¹⁶ См. подробнее: *Михайлов С. В.* Правовые ценности: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. С. 9—10.

¹⁷ См.: *Михайлов С. В.* Указ. соч. С. 9—10.

права — это ценности, «олицетворенные» правом полностью или частично. К таким ценностям относятся свобода, справедливость, равенство, взаимопомощь, т.е. ценности, сфера действия которых является пограничной, на пересечении права и морали.

Для исследования права как ценности используются историко-правовой, сравнительно-правовой, юридико-догматический, междотраслевой методы, а также методы толкования правовых норм, а для исследования правовых ценностей следует использовать феноменологический метод, который позволяет раскрыть специфику правовых ценностей, те основные принципы на уровне индивидуальных субъективных переживаний, которые испытываются субъектами права, а также те переживания, которые реализуются в процессе правореализации.

Феноменологический метод как технология используется в основном для исследования действующего позитивного права, этим методом выявляют правовую структуру нормы, из которой выделяются и дифференцируются ценности для различных слоев и групп индивидов. Эти переживания рассматриваются как стиль жизни, они служат признаками проявления правовой культуры и выраженного правосознания. Их единообразное понимание и их различие необходимо для выявления способов эффективного формирования правового поведения, основанного на саморегуляции и самоконтроле каждого человека (гражданина), что обуславливает процесс реализации нормы¹⁸.

Рассматривая правовые ценности феноменологическим методом, который описывает содержательно-генетические связи между психическими актами и ценностью¹⁹, можно предположить, что существует ценностное сознание, которое и включает ценностное чувство при непосредственном контакте и которое не поддается влиянию извне. Ценности реализуются благодаря человеку-посреднику, который, «прилагая к миру ценностные критерии, способен придавать всему сущему ценностный смысл». Ценности — это феномены нашего сознания, и даны они нам только априорно²⁰.

Определенная иерархия ценностей, которая создает основное направление правоприменения и успешного правового поведения субъектов общественных отношений, базируется на системе права и позволяет определить место правовых ценностей в структуре иных социальных ценностей. Однако любая классификация всегда условна, поскольку правовые ценности при всей возможной, а иногда поразительной глубине и прозрачности мысли синкретичны и подвижны, в связи с этим иерархия строится по различным критериям: социополитическим, философским, теоретико-правовым взглядам их авторов.

Так, О. В. Мартышин рассматривает ценности как разнообразные стремления людей и подразделяет их на утилитарные, или материальные, «предметные», и духовные, идеальные, называя их также «субъективными», так как они существуют не сами по себе в виде конкретного явления, предмета или услуги,

¹⁸ См.: подробнее: Мороз Е. Н. Правовая норма как ценность : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.

¹⁹ См. подробнее: Сидорова Е. В. Феноменологический анализ правовых ценностей // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 4 (20). С. 12—13.

²⁰ См.: Сидорова Е. В. Указ. соч.



и лишь в сознании людей (субъектов). О. В. Мартышин указывает, что предметные ценности совпадают с интересами, выделяя индивидуальные, групповые, классовые, национальные ценности. Он рассматривает субъективные ценности с учетом их отвлеченного характера, классифицируя их как общие ценности и указывая, что в каждом обществе есть господствующие ценности и далеко не все руководствуются признанными ценностями²¹.

Классификация ценностей в настоящее время имеет ряд неоднозначных проблем, поскольку авторы разных школ в своих подходах в большей степени отождествляют правовые ценности и ценности права, а также не ограничивают социальные нормы, несущие и пропагандирующие ценности, и правовые нормы, закрепляющие эти ценности.

Среди разных подходов можно выделить следующую классификацию ценностей: на положительные и отрицательные; духовные и материальные; личные и сверхличные; традиционные и базовые; относительные и абсолютные; эйдетические и социокультурные; общечеловеческие (универсальные); юридические и т.д.

Для определения дальнейших путей развития общества и в связи с принятием поправок к Конституции РФ открывается иная стратегия государства, нацеленная на защиту базовых и традиционных ценностей.

Считаем возможным осуществить попытку классифицировать правовые ценности, складывающиеся в обществе в разных сферах человеческой жизнедеятельности, следующим образом.

Традиционные ценности характеризуют следующим образом: они неизменны, пришли из древних времен, были «испокон веков» или даже «всегда»; им необходимо следовать, это нормы-принципы; указывают на уникальность ценностей для государства.

В соответствии с Указом Президента России от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»²² традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Традиционные ценности характерны для каждой сферы человеческой жизни и закрепляются в Конституции России, которая провозглашает приоритет и незыблемость прав и свобод человека и гражданина. Такие ценности получили

²¹ См. подробнее: *Мартышин О. В.* Философия права : учебник для магистров. М. : Проспект, 2017. С. 73—74.

²² URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2023).

свою конкретизацию в тексте самой Конституции и конкретизируются в остальных законах и подзаконных нормативных правовых актах, действующих на территории нашего государства.

Рассматривая каждую сферу человеческой деятельности, необходимо выделить правовые ценности, которые характерны только для данной сферы. Таким образом, считаем возможным классифицировать ценности по сферам человеческой жизнедеятельности:

- социальная сфера (социальные ценности) — это образование детей и взрослых (образовательная среда), медицинское сопровождение, культурный и спортивный досуг, социализация молодежи и т.п. К социальной сфере относится все, что обеспечивает жизнедеятельность человека. Социальные ценности являются совокупностью моральных, нравственных, эстетических, идеологических и прочих установок, являющихся общепринятыми в конкретном обществе, и каждый индивид в процессе социализации должен усваивать их и становиться их носителем;
- политическая сфера, политические ценности в разных аспектах — политико-культурном, партийно-идеологическом, социально-демографическом. Это обобщенные идеи и убеждения о совершенстве в сфере политики, являющиеся ориентирами для политических оценок, желаемых конечных целей жизнедеятельности, политико-идеологических ориентаций. Такие ценности рассматриваются в качестве наиболее рациональных компонентов политического сознания и поведения;
- экономическая сфера (экономические ценности). К ним можно отнести характеристики объектов, означающих их значимость в экономических отношениях. В развитой экономике сопоставимость отдельных объектов, проявляющаяся в меновых операциях, достигается путем присвоения экономической ценности денежной оценки, называемой стоимостью, что в целом будет отражать материальные ценности;
- духовная (культурная) сфера (духовные/культурные ценности). Она предполагает выявление ценностей, касающихся духовно-нравственной жизни, взаимоотношений людей, определяет ценностно-нормативную систему, отражающую уровень общественного сознания и интеллектуальный потенциал всего общества в целом через структурные элементы духовной подсистемы, такие как потребности субъектов общества, культурные ценности, потребление, взаимоотношения между людьми, духовное производство (деятельность, направленная на производство, хранение, обмен, потребление идей, культурных ценностей).

Для единообразного понимания ценности права и правовых ценностей следует разграничивать и функциональное назначение каждой категории, учитывая, в частности, какие основные функции выделяются в ценности права и какие функции преследуют правовые ценности, а также какие функции будут для них общими, а какие конкретными.

Рассмотрение функций в контексте основных функций, которые выделяются в ценности права, и функций, преследующих правовые ценности, возможно их обозначение, которое станет основным элементом разграничения ценностей права и правовых ценностей.



Статус ценностей в праве приобретают различные факты и явления как материального, так и идеального характера: человеческие поступки, общественные отношения, волевые феномены, идеи, идеалы, цели, социальные институты и т.п. Они ложатся в основу права и правопорядка, выступают в качестве обоснования норм права, закрепляются и охраняются правовыми нормами и составляют цель права и его институтов. Критерием их разграничения является разное функциональное значение, при котором правовые ценности обладают самостоятельностью, сознательно-волевым выбором в вариантах поведения, закрепляются в нормативных правовых актах.

Ценность права включает саморазвивающуюся личность, благодаря которой право становится неким механизмом, направляющем сознание субъекта права на ценности как на свой объект.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гусельникова А. А.* Рассмотрение ценностей в междисциплинарном значении // Вестник ПГГПУ. — Серия 3 : Гуманитарные и общественные науки. — 2021. — № 1. — С. 37—45.
2. *Журавлева Н. А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. — М. : Институт психологии РАН, 2006. — 334 с.
3. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // URL: https://www.gumer.info/bogoslov_buks/philos/kant_omn/01.php.
4. *Кант И.* Критика способности суждения // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000499/st009.shtml>.
5. *Кононенко Б. И.* Большой толковый словарь по культурологии. — М. : Вече ; АСТ, 2003.
6. *Мартышин О. В.* Философия права : учебник для магистров. — М. : Проспект, 2017.
7. *Михайлов С. В.* Правовые ценности: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 2011.
8. *Нерсесянц В. С.* Философия права. — М., 1998.
9. *Раитина М. С.* Ценности и ценностные ориентации, их формирование и роль в развитии личности // Научный электронный архив. — URL: <http://econf.rae.ru/article/5159>.
10. *Рындина А. С.* Истоки теории ценностей в социологии и направления ее развития // Вестник РУДН. — Серия : Социология. — 2021. — Т. 21. — № 3.
11. *Сидорова Е. В.* Феноменологический анализ правовых ценностей // Труды Академии управления МВД России. — 2011. — № 4 (20).

Юридическая ответственность: позитивный и негативный аспекты

Аннотация. *Дискуссия о существовании позитивной и негативной юридической ответственности не теряет актуальности и по сей день. Психология человека позволяет ему выбирать свой путь — реализовывать ли норму права правомерно или переступить границы правомерной реализации и подвергнуться негативным лишениям, связанным с применением к нему государственного принуждения. Важно отметить тот факт, что именно негативная ответственность — это результат применения государственного принуждения к правонарушителю в его негативном аспекте, а также результат карательной и охранительной функции юридической ответственности. Негативная юридическая ответственность характеризуется своей ретроспективностью и нуждается в государственном принуждении особенно остро. Позитивная же ответственность характеризуется добровольностью, сопряжена с реализацией обязательств к соблюдению норм и является перспективным соблюдением человеком закона. Не исключается, что позитивная, она же перспективная, юридическая ответственность тоже обеспечена государственным принуждением, и именно наличие границ правомерной реализации нормы права позволяет субъектам правоотношений реализовывать норму правомерно и не допускать применения к себе санкции данной нормы.*

Ключевые слова: *юридическая ответственность, позитивная, или перспективная, юридическая ответственность, негативная, или ретроспективная, юридическая ответственность, норма права, реализация нормы права.*



**Денис Викторович
ШЕПЕЛЕВ,**

*доцент кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
denn0508@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9*

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.141-148

Denis V. SHEPELEV,

*Associate Professor of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
denn0508@yandex.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993*

Legal Responsibility: Positive and Negative Aspects

Abstract. *The discussion about the existence of positive and negative legal liability does not lose relevance to this day. The psychology of a person allows him to choose his own path — whether to implement a rule of law lawfully or to overstep the boundaries of legitimate implementation and be subjected*

© Шепелев Д. В., 2023

to negative hardships associated with the use of state coercion against him. It is important to note the fact that it is the negative responsibility that is the result of the application of state coercion to the offender in its negative aspect, as well as the result of the punitive and protective function of legal responsibility. Negative legal liability is characterized by its retrospectivity and needs state coercion especially acutely. Positive responsibility, on the other hand, is characterized by voluntariness, is associated with the implementation of mandatory norms and is a promising observance of the law by a person. It is not excluded that a positive or promising legal responsibility is also provided by state coercion, since it is the presence of the boundaries of the lawful implementation of the rule of law that allows the subjects of legal relations to implement the norm lawfully and not allow the sanctions of this norm to be applied to themselves.

Keywords: *legal liability, positive or prospective legal liability, negative or retrospective legal liability, rule of law, implementation of the rule of law.*

Введение

Вопрос о природе юридической ответственности и ее видах не теряет актуальности по сей день. В условиях современных реалий от Российского государства требуется максимальная защита ее общества, интересов, суверенитета, а на право особенно остро возлагаются регулятивная и охранительная функции¹. В данном русле особую актуальность приобретают интересы, связанные с охраной и защитой традиционных культурных, духовно-нравственных ценностей.

Здесь интерес как потребность в защите приобретает особую роль, становится фундаментом для осознанного, должного соблюдения норм права с учетом их ценности и отражает уважение каждого гражданина к системе правовых норм, действующих в российском обществе. Поэтому крайне важно смотреть на юридическую ответственность не только с позиции карательного принуждения, но и с позиции добровольного и совестного исполнения регулирующих общественные отношения норм.

С. А. Боголюбов определяет юридическую ответственность как применяемую к правонарушителю по факту решения компетентного органа меру государственного принуждения, в результате которой лицо испытывает отрицательные последствия имущественного или личного характера². В данном определении заложен негативный, или ретроспективный, аспект юридической ответственности, т.е. за совершенное и установленное правоприменительным актом правонарушение наступают негативные последствия в виде определенных лишений, например, для арбитражного управляющего.

¹ Шепелев Д. В. Цифровизация и право: современное состояние и перспективы взаимовлияния // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 3. С. 112.

² Пиголкин А. С. Теория государства и права. М. : Городец, 2003. С. 239.

Т. Н. Радько определяет юридическую ответственность как ответственность, заключенную в санкции нормы права, возникающую на основе обязанности, предшествующей ей, мера которой усиливается в зависимости от усиления общественной опасности или вредности совершенного правонарушения³. В данном определении также отражается негативное, или ретроспективное, проявление юридической ответственности, когда правонарушитель ввиду охранительной функции государства претерпевает негативные последствия принудительного характера в виде принуждения к невыгодным последствиям.

Юридическая ответственность, как правило, анализируется учеными с позитивной и негативной стороны как позитивная (перспективная) и негативная (ретроспективная) юридическая ответственность. И подход, характеризующий юридическую ответственность с ее негативной, ретроспективной, стороны присущ многим ученым. По мнению Н. И. Матузова, придерживающегося данного подхода, ретроспективная ответственность вытекает из уже совершенного правонарушения и сопряжена исключительно с отчуждением у правонарушителя благ⁴. На наш взгляд, юридическая ответственность характеризуется сочетанностью позитивного и негативного аспектов.

Позитивная юридическая ответственность

Как отмечает Д. А. Липинский, позитивная юридическая ответственность установлена законодательством и закреплена в нормативных правовых актах, где формализованы правила ответственного поведения⁵. То есть позитивная юридическая ответственность, например, налогоплательщика, диктует ему осознание смысла предписания диспозиции нормы ст. 196 УК РФ или ст. 14.12 КоАП РФ, и санкция будет действовать через его правомерное поведение или правомерное поведение иных налогоплательщиков. Установка — не банкротиться преднамеренно с целью уклонения от уплаты налогов, так как в противном случае за это последует применение санкций данных норм.

Рассмотрим позитивную юридическую ответственность на примере арбитражного управляющего. Поскольку для арбитражного управляющего остро и крайне важна деловая репутация, от которой напрямую зависят его доход и судьба в профессиональном плане, необходимо проанализировать факт важности правомерного поведения в деятельности арбитражного управляющего, т.е. учитывать позитивную юридическую ответственность арбитражного управляющего в реализации норм права, осуществлении его прав и обязанностей в соответствии с требованиями норм права.

Позитивная ответственность для арбитражного управляющего выражается следующим образом. Являясь субъектом профессиональной деятельности и

³ Радько Т. Н. Теория государства и права. М. : Проспект, 2012. С. 327.

⁴ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., испр. и доп. М., 2013. С. 453, 463.

⁵ Липинский Д. А. Позитивная юридическая ответственность в системе юридической ответственности // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 3 (49). С. 10.



осуществляя профессиональную деятельность, арбитражный управляющий занимается частной практикой, не состоя при этом в трудовых правоотношениях с должником, не являясь государственным служащим и не состоя в гражданско-правовых отношениях с кредитором, выполняя обязанности, возложенные на него властью. Во многом факт правомерной реализации норм права, т.е. правомерного исполнения им своих профессиональных обязанностей и, как следствие, отсутствие факта привлечения к юридической ответственности базируются на необходимости иметь безупречную или хорошую деловую репутацию, что является критерием успешности выбранной арбитражным управляющим сферы деятельности.

Так, позитивная юридическая ответственность как элемент финансово-правового статуса арбитражного управляющего требует от него осознать смысл предписания диспозиции нормы, и санкция будет действовать через его правомерное поведение, которое выражается в том, чтобы: а) вовремя и в полном объеме уплачивать с денежного вознаграждения налог на доходы физических лиц; б) страховать свою ответственность для защиты интересов лиц, участвующих в процедуре банкротства; в) проводить качественно и профессионально анализ финансово-хозяйственной деятельности должника.

Действовать активно, высокопрофессионально и правомерно — это реализация позитивной юридической ответственности арбитражного управляющего.

Даже если лицо не заинтересовано в позитивной ответственности лично для себя (например, преднамеренно банкротившееся) и для него целью является совершение правонарушения, однако и здесь не следует игнорировать позитивную ответственность, так как факт привлечения данного правонарушителя к юридической ответственности и лишения его определенных благ будет причиной для позитивного и правомерного применения норм права другими налогоплательщиками, воспитания в них факта важности правомерного поведения. Поэтому в преднамеренном банкротстве важно учитывать и позитивную юридическую ответственность в реализации норм права, выполнении налоговой обязанности и бремени уплаты налога в соответствии с требованиями норм права.

Негативная юридическая ответственность

Рассмотрим негативную юридическую ответственность на примере налогообложения. Если вопрос о привлечении к ответственности налогоплательщика, уклоняющегося от уплаты налогов и совершающего преднамеренное банкротство, назревает, то необходимо рассматривать вопрос о негативной, или ретроспективной, юридической ответственности за совершенное нарушение норм отраслей права, содержащих составы преднамеренного и (или) фиктивного банкротства. Безусловно, такая юридическая ответственность может носить административный или уголовный характер.

Уголовная ответственность за преднамеренное банкротство связана с повышенной общественной вредностью и опасностью, образует специальный состав преступления согласно ст. 196 УК РФ. Меры уголовного права применяются к налогоплательщику, когда имел место факт с причинением крупного ущерба, заведомо

влекущий для физического или юридического лица неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежному обязательству через бездействие или действие данного лица, в том числе индивидуального предпринимателя⁶.

В таком случае санкциями могут явиться негативные последствия в виде принудительных работа сроком до 5 лет, дохода осужденного за период от 1 года до 3 лет, штрафов от 200 тыс. до 500 тыс. рублей или лишения свободы на 6 лет и дополнительно штрафа в 200 тыс. рублей. Отягчают меру наказания предварительность сговора, пользование служебным положением.

Что касается административной ответственности, то, как отмечает А. С. Локтева, административную от уголовной ответственности в данном случае ограничивает размер причиненного ущерба. Так, если ущерб составил менее 2 250 тыс. рублей⁷, привлечение к административной ответственности происходит за фиктивное банкротство как действие, не содержащее признаков уголовно наказуемого деяния, реализуемое физическими или юридическими лицами (гражданином, индивидуальным предпринимателем, руководителем или учредителем юридического лица) через публичное заявление о своей несостоятельности и определяется ст. 14.12 КоАП РФ за неправомерные действия при банкротстве⁸.

Отягчающим обстоятельством является бездействие или действие, заведомо влекущее полную неспособность должника ответить по требованиям кредитора в полном объеме.

На практике проблематика квалификации административного и уголовного составов усложняется отсутствием регламента, процессуально определяющего признаки преднамеренного банкротства⁹. Признаки преднамеренного банкротства требуют дальнейшей разработки¹⁰.

Если вопрос о привлечении арбитражного управляющего к ответственности назревает, то здесь важно понимать, что если рассматривать юридическую ответственность как ретроспективную, или негативную, как элемент финансово-правового статуса арбитражного управляющего, то в данном контексте нас особенно интересует именно финансово-правовая или финансовая ответственность арбитражного управляющего за нарушение норм финансового права.

Безусловно, юридическая ответственность за нарушения финансовой деятельности может носить дисциплинарный, материальный, гражданский, административный, уголовный или финансовый характер. Уголовная ответственность арбитражного управляющего требует отдельного внимания, так как связана с

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.2006 № 63-ФЗ // URL.:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/22ea0d836322679774899278631ddea59433ec39/.

⁷ Локтева А. С. Ответственность за преднамеренное банкротство юридических лиц в российском законодательстве // Развитие территорий. 2019. № 4 (18). С. 31.

⁸ Мамаева А. Ю. Привлечение арбитражных управляющих к административной ответственности // Общество, закон, правосудие. 2021. № 2 (51). С. 27.

⁹ Зинковский М. А. Преднамеренное банкротство в условиях национального экономического кризиса // Современное право. 2015. № 6. С. 137—140.

¹⁰ Серова Е. Б. Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по делам о преднамеренных банкротствах // КриминалистЪ. 2012. № 2 (11). С. 85—90.



повышенной общественной опасностью, образует специальный состав преступления.

Меры уголовного права применяются к арбитражному управляющему, когда имел место факт сокрытия им имущества, имущественных обязанностей или прав, фальсификация финансово-хозяйственных (бухгалтерских) документов, если эти действия причинили крупный ущерб и совершены при наличии признаков банкротства¹¹.

А. Ю. Мамаева указывает, что привлечение арбитражного управляющего к административной ответственности происходит через арбитражные суды и порядок привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности определяется ст. 14.3 КоАП РФ за неправомерные действия при банкротстве¹². Одной из мер здесь является санкция в виде штрафа, а в качестве крайней меры — дисквалификация.

Что же касается гражданско-правовой ответственности, то арбитражный управляющий несет ее за причиненные убытки. В соответствии с п. 48 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.12.2004 № 29 арбитражный управляющий несет ответственность в виде возмещения убытков при условии, что таковые причинены в результате его неправомерных действий¹³.

В отношении финансово-правовой ответственности следует учитывать, что категории «финансово-правовая ответственность» и «ответственность за нарушение финансового законодательства» различаются, и вторая категория включает первую, т.е. категория «ответственность за нарушение финансового законодательства» шире категории «финансово-правовая ответственность» и предполагает, помимо непосредственной разновидности финансово-правовой ответственности — налоговой ответственности арбитражного управляющего, наличие у него административной, уголовной, гражданско-правовой ответственности.

Поскольку специфика финансово-правового статуса арбитражного управляющего predetermined его возможностью участвовать в финансовой деятельности, то в статье будет рассмотрена налоговая ответственность за совершенные им налоговые правонарушения, возникшие в результате незаконно полученного или используемого им дохода от его профессиональной деятельности.

Так, согласно п. 1 ст. 20 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» арбитражный управляющий является субъектом профессиональной деятельности и осуществляет профессиональную деятельность, регулируемую указанным Законом, занимаясь частной практикой. Он имеет право на вознаграждение, а также на возмещение расходов, понесенных им при выполнении своих обязанностей в виде определенных сумм вознаграждений,

¹¹ Сеничева В. Н. Особенности правового регулирования ответственности арбитражного управляющего // Аллея науки. Научно-практический электронный журнал. 2018. № 4 (20). С. 278.

¹² Мамаева А. Ю. Указ. соч. С. 27.

¹³ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» // Специальное приложение к Вестнику Высшего Арбитражного Суда РФ. 2005. № 12.

которые являются его доходами и подлежат обложению налогом на доходы физических лиц согласно порядку, определенному гл. 23 «Налог на доходы физических лиц» Налогового кодекса РФ.

Вместе с тем арбитражный управляющий имеет право на получение профессиональных налоговых вычетов в сумме фактически произведенных им и документально подтвержденных расходов, состав которых он как налогоплательщик определяет самостоятельно. Расходы и затраты должны быть обоснованы и документально подтверждены, иметь экономическую оправданность, выраженную в денежной форме, и быть непосредственно связанными с обязанностями в деле о банкротстве. В практической деятельности арбитражного управляющего возникают определенные проблемы, связанные с использованием личного автомобиля в работе арбитражного управляющего по делу о банкротстве, так как такую категорию расходов не просто подтвердить в конкретном деле о банкротстве¹⁴.

Заключение

Юридическая ответственность связана с осознанием долга, обязанности, она охраняется государственным регулированием и обеспечивается государственным принуждением.

Вопрос о наличии как негативной, так и позитивной юридической ответственности актуален и по сей день. Позитивная ответственность опосредована правом, так как именно благодаря норме права существуют границы, очерчивающие периметр ее правомерной реализации. В основе позитивной юридической ответственности, скорее, лежат психолого-философские побуждения человека — совесть, долг, обязанность.

Негативная юридическая ответственность опосредована противоправным поведением, она показывает тот выход за пределы правомерной реализации нормы права, тот периметр, перешагнув который, субъект правоотношений приобретает статус субъекта правонарушения и претерпевает негативное принуждение со стороны государства в виде определенных лишений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Зинковский М. А.* Преднамеренное банкротство в условиях национального экономического кризиса // Современное право. — 2015. — № 6. — С. 137—140.
2. *Липинский Д. А.* Позитивная юридическая ответственность в системе юридической ответственности // Правовое государство: теория и практика. — 2017. — № 3 (49).

¹⁴ Письмо Департамента налоговой и таможенной политики Министерства финансов Российской Федерации от 18.07.2017 № 03-04-07/45582 по вопросам обложения налогов на доходы физических лиц доходов арбитражного управляющего // URL: <https://www.nalog.gov.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/minfin/minfin45582.pdf>.

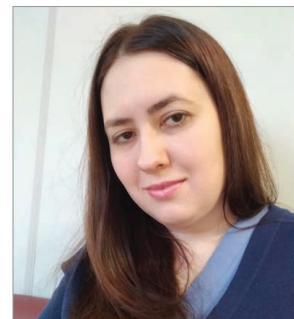


3. *Локтева А. С.* Ответственность за преднамеренное банкротство юридических лиц в российском законодательстве // Развитие территорий. — 2019. — № 4 (18).
4. *Мамаева А. Ю.* Привлечение арбитражных управляющих к административной ответственности // Общество, закон, правосудие. — 2021. — № 2 (51).
5. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права : учебник. — 4-е изд., испр. и доп. — М., 2013.
6. *Пиголкин А. С.* Теория государства и права. — М. : Городец, 2003.
7. *Радько Т. Н.* Теория государства и права. — М. : Проспект, 2012.
8. *Сеничева В. Н.* Особенности правового регулирования ответственности арбитражного управляющего // Апелля науки. Научно-практический электронный журнал. — 2018. — № 4 (20).
9. *Серова Е. Б.* Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по делам о преднамеренных банкротствах // КриминалистЪ. — 2012. — № 2(11). — С. 85—90.
10. *Шепелев Д. В.* Цифровизация и право: современное состояние и перспективы взаимовлияния // Проблемы экономики и юридической практики. — 2020 — Т. 16. — № 3.

Квазисубъекты права в современной теории правоотношений: понятие и перспективы развития в XXI в.

Аннотация. В статье исследуются современные тенденции в развитии теории правоотношений, а именно перспективы выделения такой новой категории, как «квазисубъекты права». В частности, отмечается, что в современном мире научно-технический прогресс ставит перед юридической наукой новые вызовы, на которые она должна отвечать, в том числе совершенствованием классических, признанных десятилетиями научных понятий и категорий, таких как «объект права» и «субъект права». Применительно к данным категориям анализируется место в системе юридических конструкций такого специфического объекта исследования, как «робот» и «искусственный интеллект» (более широкое понятие). Отмечаются аргументы в пользу признания роботов на настоящем этапе объектами права, особенности юридической ответственности за действия, совершенные роботами. Также обращается внимание на отдельные попытки признать роботов субъектами права и перспективы такого признания с учетом перспективного роста их автономности и самостоятельности, развития технологий искусственного интеллекта. На основании проведенного анализа предлагается авторское определение квазисубъектов права и отмечается перспектива его применения в юридической науке.

Ключевые слова: теория правоотношений, объекты права, субъекты права, квазисубъекты права, роботизация.



**Анна Александровна
ГОЛОВИНА,**

доцент кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
aagolovina@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.149-157

Anna A. GOLOVINA,

Associate Professor of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

aagolovina@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Quasi-Subjects of Law in the Modern Theory of Legal Relations: Concept and Development Prospects in the 21st Century

Abstract. The article examines current trends in the development of the theory of legal relations, namely the prospects for the allocation of such a new category as “quasi-subjects of law”. In particular, it is noted that in the modern world, scientific and technological progress poses new challenges

© Головина А. А., 2023

for legal science, which it must meet, including the improvement of classical scientific concepts and categories recognized for decades, such as “object of law” and “subject of law”. In relation to these categories, the place in the system of legal structures of such a specific object of study as “robot” and “artificial intelligence” as a whole is analyzed. Arguments in favor of recognizing robots at the present stage as objects of law, features of legal liability for actions committed by robots are noted. Attention is also drawn to individual attempts to recognize robots as subjects of law and the prospects for such recognition, taking into account the prospective growth of their autonomy and independence, the development of artificial intelligence technologies. Based on the analysis, the author’s definition of quasi-subjects of law is proposed and the prospect of its application in legal science is noted.

Keywords: *theory of legal relations, objects of law, subjects of law, quasi-subjects of law, robotization.*

Одним из главных вызовов, стоящих перед современным обществом, является научно-технический прогресс, поскольку скорость порождаемых им изменений зачастую так велика, что право и правовая наука как сферы, достаточно консервативные по своей природе, не успевают на них реагировать или реагируют с запозданием. Характерны в связи с этим отмеченные Ю. А. Тихомировым тенденции, связанные с тем, что год от года развитие искусственного интеллекта все шире внедряется в повестку дня.

Например, Всемирный экономический форум в Давосе, одна из значимых экспертно-прогностических площадок, называет в 2015 г. среди наиболее опасных рисков «риски ослабления государственных институтов и государств, обострения межнациональных отношений»¹, в 2016 г. — «проблему IV промышленной революции и роботизации»², а в 2018 г. — искусственный интеллект, наряду с цифровизацией экономики, что еще раз подтверждает серьезность проблемы.

Ярким примером того, как научно-технический прогресс вмешивается в правовую сферу, является, на наш взгляд, появление объектов, которые в перспективе способны стать пограничными между категориями «объект права» и «субъект права», трансформируя тем самым привычную модель правоотношений, сформулированную отечественной наукой теории государства и права.

В частности, речь идет о роботах и искусственном интеллекте в целом как более широком понятии. Хотя в прямом смысле искусственный разум пока не создан и роботы как таковые существуют в значительной степени лишь как более сложные машины, не обладая даже зачатками сознания (самосознания), юриспруденции уже сейчас следует готовиться к следующему шагу научно-технического прогресса в данной сфере, вырабатывая потенциальные модели правового регулирования, которые могут быть востребованы в будущем, и корректируя соответствующим образом теоретические понятия и категории.

¹ Тихомиров Ю. А. Поведение в обществе и право // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 18.

² Тихомиров Ю. А. Поведение в обществе и право. С. 18.

В связи с изложенным, представим некоторые соображения по поводу того, какие основные подходы к правовому статусу робота возможны, исходя из существующих юридических конструкций.

Прежде всего рассмотрим понятие робота с точки зрения фундаментальной теоретической категории объекта правоотношений.

Исходя из смысла и норм гражданского законодательства, робот, на наш взгляд, может быть с позиции современного уровня развития искусственного интеллекта уверенно квалифицирован как объект, а не субъект гражданских прав. Если рассматривать более подробно данную модель правового регулирования, то представляется обоснованным отнесение роботов к такой группе объектов, как «вещи», по смыслу ст. 128 Гражданского кодекса РФ, содержащей перечень различных видов объектов гражданских прав. Анализируя данную норму, следует иметь в виду, что перечень видов вещей, закрепленный указанной статьей, не является исчерпывающим, исходя из чего к вещам можно относить и новые, небанальные виды вещей, создаваемые в силу научно-технического прогресса и имеющие непривычные свойства и особенности их правовой природы, которые будут отмечены далее.

Здесь же подчеркнем, что несомненная на данный момент принадлежность роботов к категории вещей влечет распространение на них ряда традиционных конструкций гражданского права, в частности конструкций права частной собственности, конструкции сделок и т.д. А именно роботы могут находиться в частной собственности как физических, так и юридических лиц (включая государственные органы). При этом в отношении роботов могут осуществляться различного рода сделки, такие как сделки купли-продажи робота, дарения робота, мены (на какой-то другой объект), а также наследования робота. Роботы могут быть, исходя из этого, включены в состав конкурсной массы должника при банкротстве, робот могут передать одному из бывших супругов в процессе раздела имущества при разводе и т.д.

Учитывая, что в отношении роботов могут (и на практике нередко заключают) сделки купли-продажи, роботов можно рассматривать и как разновидность товара, распространяя на них данный правовой режим, из чего вытекает необходимость защиты прав потребителей, покупающих роботов не для ведения предпринимательской деятельности, а для личного использования. В частности, необходимо предусмотреть гарантии права потребителя на безопасность товара, установленные ст. 7 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»³. Это тем более важно, что на практике встречались случаи, когда роботы причиняли вред здоровью граждан и даже становились причиной их смерти.

Также стоит обратить внимание, что с точки зрения классификации как объектов роботы являются технически сложными товарами. Перечень таких товаров утвержден постановлением Правительства РФ от 10 ноября 2011 г. № 924⁴. Изначально в него была включена только такая разновидность роботов, как роботы-пылесосы. Однако, учитывая скорость научно-технического прогресса, развивающегося по экспоненте, а также использование роботов все более широко

³ Российская газета. 16 января 1996 г. № 8.

⁴ Российская газета. 16 ноября 2011 г. № 257.



в различных сферах экономики, следует признать такую ситуацию не вполне правильной. Полагаем, что данный перечень необходимо расширить, включив в него широкий спектр объектов, в том числе беспилотные летательные аппараты, беспилотные автомобили, роботов-консультантов для сферы торговли и т.д.

Анализ иного использования понятия «робот» в разрозненных нормативных правовых актах позволяет сделать вывод о том, что робот там рассматривается с теоретической точки зрения именно как объект права. В таком контексте соответствующий термин используется в профессиональном стандарте «Оператор демонтажных роботов для работ в высоких радиационных полях» (утвержден приказом Минтруда России от 29 октября 2015 г. № 799н)⁵, техническом регламенте Таможенного союза «О безопасности машин и оборудования» (утвержден решением Комиссии Таможенного союза от 18 октября 2011 г. № 823)⁶, в Списке товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль (утвержден Указом Президента РФ от 17 декабря 2011 г. № 1661)⁷ и т.д.

Отдельного внимания заслуживает проблема безопасности роботов для человека. Известные три закона робототехники были придуманы еще Айзеком Азимовым, знаменитым писателем и автором фантастических произведений (а, как известно, любая качественная научная фантастика — это, прежде всего, футур-прогноз, и многие из таких прогнозов сбылись). Эти законы, согласно которым робот не может причинить вреда человеку (в том числе в случае прямого приказа самого человека), будучи переведенными в алгоритмизированную, понятную машине форму, можно считать прямым аналогом системы этических принципов человека, которая воплотилась в том числе в известных уголовно-правовых нормах (запрет убийства, запрет причинения вреда здоровью и т.д.).

При этом, что важно подчеркнуть, система этических принципов человека на практике является довольно гибкой системой. Она, даже будучи возведенной в закон, например, подразумевает возможность исключений (убийство может быть совершено в состоянии необходимой обороны, при задержании преступника, если не было иных способов предотвратить, допустим, террористический акт с его стороны, в некоторых странах разрешена эвтаназия, что технически может заключаться в умерщвлении пациента врачом, когда сам пациент не высказывал подобного желания, находясь в коме и т.д.). Одновременно те же принципы, если они «заложены» в программном коде, становятся жесткой, незыблемой для машины нормой, которую она должна соблюдать.

Однако и машинный алгоритм может столкнуться с коллизией. К примеру, представим себе ситуацию, когда в робота «вшит» абсолютный запрет причинения

⁵ URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 18 ноября 2015 г.

⁶ Официальный сайт Комиссии Таможенного союза. URL: <http://www.tsouz.ru/>, 21 октября 2011 г.

В перечень стандартов, утвержденных документом, включен стандарт «Роботы промышленные. Роботизированные технологические комплексы. Требования безопасности и методы испытаний».

⁷ СЗ РФ. 2011. № 52. Ст. 7563.

вреда жизни и здоровью человека. Однако некий злоумышленник отдает своему роботу приказ «принести некую коробку» жертве, и эта вещь является взрывным устройством или отравляющим веществом. С технической стороны запрет отнимать жизнь человека робот не нарушит, с практической — при помощи робота будет совершено убийство человека.

Еще более сложной для искусственного интеллекта может быть коллизия, при которой любое из действий робота причинит смерть кому-то из нескольких лиц. Так, допустим, что беспилотный автомобиль должен в доли секунды принять решение — свернуть, чтобы не сбить неожиданно выбежавшего на проезжую часть человека, но при этом попасть в аварию и создать риск жизни собственным пассажирам или сбить этого прохожего, сохранив тем самым жизнь пассажирам. Дилемма чрезвычайной сложности даже для человеческого разума.

Интересно также, что «учеными в порядке эксперимента даже был сконструирован робот, способный самостоятельно принять решение, причинять человеку вред или нет, обходя тем самым «первый закон робототехники»⁸. Показательно в связи с этим, что в 2015 г. ряд видных ученых, а также практиков в сфере разработки искусственного интеллекта (Стивен Хокинг, Илон Маск, а также один из основателей Apple Стив Возняк) подписали коллективное письмо, в котором содержался призыв не игнорировать опасность искусственного интеллекта, в частности в военной сфере.

Актуальность и насущная важность рассмотрения роботов с точки зрения права, определения их правильного места в составе правоотношения связаны с тем, что уже известны случаи, когда действия роботов наносили вред жизни и здоровью людей. Например, сообщается о том, что «в калифорнийском торговом центре робот-полицейский Knightscope, призванный следить за порядком и вести наблюдение, весом 300 фунтов (около 136 кг) сбил с ног полуторагодовалого мальчика, а затем проехался по нему сверху»⁹. В Китае был случай, когда робот, вышедший из-под контроля, стал разрушать окружающее имущество, из-за чего нескольким находившимся рядом людям были нанесены травмы битым стеклом. Известны случаи, когда промышленные роботы, используемые на заводах, калечили людей, причем целенаправленно схватив работника, а не вследствие нарушения техники безопасности последним, как это происходит с обычными станками и оборудованием. В 2022 г. появилась информация о роботе, который сломал палец ребенку в ходе шахматного турнира¹⁰.

И здесь важно отметить ключевое отличие робота от иных видов объектов права — они могут обладать определенной степенью автономии в своих действиях, в том числе современные технологии позволяют создавать самообучающиеся системы (нейросети и т.д.). На повестку дня встает вопрос об ответственности за причиненный ущерб, поскольку, как известно, таковая должна наступать в случае вины и не должна наступать в ее отсутствие. Однако несет ли ответственность

⁸ См.: *Евтушенко А.* Восстание машин началось // Газета.ру. 21 июня 2016 г.

⁹ Вопреки Азимову: 3 случая, когда роботы причиняли вред человеку // Газета.ру. 18 июля 2017 г.

¹⁰ См.: Робот повредил мальчику палец на шахматном турнире // Российская газета. 21 июля 2022 г.



хозяин робота (человек), есть ли его вина, если правонарушение совершено автономной машиной, которая самостоятельно принимала решения?

На практике подобная ситуация представляется весьма спорной, поскольку теоретически возможно несколько правовых моделей ее решения. В частности, ответственность за причиненный роботом вред может быть возложена на изготовителя (если проблемы в работе робота связаны с дефектами конструкции), программиста (если имеет место дефект программы), на владельца робота (например, стоит обсудить вопрос о том, не признать ли роботов по аналогии с автомобилями источником повышенной опасности, возлагая вину за последствия в любом случае на владельца), наконец, на пользователя робота, который неправильно его эксплуатировал (таковым может быть и сам потерпевший).

Вместе с тем имеется еще одна гипотетическая возможность, вероятность которой в будущем не следует сбрасывать со счетов. Это признание робота полноценным субъектом правоотношений и, как следствие, возложение именно на него вины за совершенное деяние, в том случае, если вред был причинен вследствие автономного решения самого робота. Тем самым от ответственности без вины избавлен был бы человек.

В настоящее время такой подход наталкивается на ряд серьезных возражений, и прежде всего на отсутствие у робота самосознания и разума и, соответственно, на невозможность осознания им сути своих действий и предвидения последствий. Вместе с тем следует иметь в виду, что с развитием науки и техники такая возможность более не кажется умозрительной и недостижимой.

Следовательно, теоретическая правовая наука, выполняя свою прогностическую функцию¹¹, должна попробовать определить возможные правовые механизмы признания робота субъектом правоотношений. И можно ли вообще к отношениям робота и человека применить понятие «правоотношения»?

При этом необходимо иметь в виду, что от действий роботов или программы в целом (искусственного интеллекта) может зависеть возникновение прав и обязанностей граждан. Так, в банковской системе роботы уже сейчас используются для одобрения кредитов либо отказа в их одобрении. Причем причины отказа, равно как и алгоритм принятия решения роботом, как правило, гражданину не раскрываются, что лишает возможности такое решение оспорить. Также программа может списывать задолженности со счетов граждан в автоматическом режиме. Робот (программа), установленный в органах государственной власти, гипотетически может быть использован для того, чтобы также в автоматизированном ускоренном порядке принимать решения о предоставлении государством определенных услуг в сфере льгот и пособий.

Широко обсуждается перспектива внедрения искусственного интеллекта в юридическую сферу. Чат-боты, отвечающие на вопросы граждан на сайтах, выступают в качестве замены живой консультации юриста. Кто понесет ответственность за качество таких юридических услуг, если вследствие неверной консультации гражданин проиграет дело в суде и лишится крупной суммы денег?

¹¹ См. более подробно: *Тихомиров Ю. А.* Право: прогнозы и риски : монография. М. : Инфра-М, 2015.

Роботы теснят людей на низовом уровне юридической профессии. Например, сообщается, что уже в ближайшие годы в области юриспруденции в Англии может быть сокращено до 100 тыс. рабочих мест по причине того, что соответствующие функции все чаще возлагаются на искусственный интеллект¹².

Самый яркий случай из недавнего зарубежного опыта — в Эстонии в 2019 г. появился робот-судья, на которого было предложено возлагать рассмотрение мелких дел с целью «разгрузить» судебную систему. Обратим внимание, что в таком случае решение робота получит непосредственную юридическую силу и будет вызывать правовые последствия, как и решение живого субъекта гражданско-процессуальных правоотношений (судьи-человека). Можно ли в таком случае говорить о том, что между роботом-судьей и сторонами гражданского процесса (истцом и ответчиком по делу) возникают правоотношения? И можем ли мы их приравнять к традиционным, классическим процессуальным правоотношениям либо же речь идет о «квазиправоотношениях»?

Так, в частности, в юридической литературе уже высказывалась позиция о том, что роботов можно рассматривать как «квазиагентов (квазипосредников) или квазисубъектов права, поскольку по мере развития робототехники роботы наделяются функциями возрастающей сложности, ранее выполнявшимися человеком»¹³.

Роботов в качестве субъектов права предлагает рассматривать и команда разработчиков проекта Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте (Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта, эксперты-разработчики А. Незнамов, В. Наумов)¹⁴. За роботами этот проект предлагает закрепить даже возможность правового статуса собственников других роботов.

В Соединенных Штатах Америки предлагается принять закон о том, чтобы «признать систему искусственного интеллекта, встроенную в беспилотные автомобили Google, водителем»¹⁵.

Вместе с тем имеется довольно много аргументов против такого подхода, которые высказывались в отечественной и зарубежной литературе. Например, Г. А. Гаджиев и Е. А. Войниканис приводят мнение Жака Маритена о том, что признание за роботом статуса субъекта права тем самым снимает ответственность за качество такого робота со стороны фирм-производителей, при этом отмечается

¹² Никифорова Т. С., Смирнова К. М. Оставят ли роботы юристов без работы? // Закон. 2017. № 11. С. 110—123.

¹³ Asaro P. M. Robots and Responsibility from a Legal Perspective. P. 1. Цит. по: Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5.

¹⁴ См. текст документа, размещенный на интернет-сайте Исследовательского центра проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта (URL: http://robotpravo.ru/proiektu_aktov (дата обращения: 1 марта 2023 г.)).

¹⁵ Ирискина Е. Н., Беляков К. О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. Вып. 10. С. 65.



и духовно-нравственный аспект, согласно которому только человек, в отличие от робота, наделен «духовным существованием»¹⁶.

Учитывая изложенные выше соображения, на наш взгляд, роботы в будущем могут занять в доктринальной конструкции правоотношения новую нишу, ранее практически не изведенную — *квазисубъектов права*, под которыми предлагается понимать объекты права, наделенные отдельными чертами субъекта права, а именно автономией воли и способностью принимать самостоятельные решения, не охватываемые волей их владельца, влекущие в том числе правовые последствия.

Данной концепцией могут охватываться и иные разновидности «спорных» объектов права, которые также обладают автономией воли, но полноценными субъектами права не считаются, например животные. Животные также выделяются в ряду других объектов права тем, что обладают способностью принимать самостоятельные решения, осуществлять автономные действия, которые в ряде случаев наносят вред имуществу, жизни и здоровью граждан (например, нападение бойцовской собаки). При этом, в отличие от робота, животные способны еще и на простейшие эмоции, могут ощущать как физические, так и эмоциональные страдания. Как следствие, право защищает животных от причинения им вреда, чего не делает в отношении простых неживых объектов. Так, собственник может с полным правом сломать вещь, которая является его собственностью. Однако жестокое обращение с животным, которое юридически такая же его собственность, как стол или стул, уже карается мерами юридической ответственности.

Более того, в современном мире широко распространяются движения за права животных, особенно морских млекопитающих, за которыми предлагается признать статус разумных и обладающих правосознанием. Разрабатываются проекты конвенций о защите прав морских млекопитающих, подразумевающие такие их права, как право на личную неприкосновенность, свободу перемещения, отсюда вытекает запрет содержать их в неволе и т.д.

Что уж говорить о случаях, когда фактически на животных пытаются распространять наследственные права, передачу по завещанию имущества не родственникам, а любимой собаке или коту. Такие примеры есть в зарубежной практике (например, знаменит кот Карла Лагерфельда, получивший в наследство от дизайнера 200 млн долларов).

Как видим, попытки распространить концепт «прав и свобод» на животных говорит о том, что в перспективе они также могут встать на некую промежуточную ступень между категориями «объект правоотношений» и «субъект правоотношений», как и роботы. Однако теоретическая правовая наука до сих пор не определилась с тем, какое же обозначение приемлемо для данного явления, стихийно возникающего и не вписывающегося в прокрустово ложе привычных категорий теории государства и права.

Подобной категорией в перспективе может стать «квазисубъект правоотношений» и, соответственно, «квазисубъект права». Разумеется, данный тезис является

¹⁶ Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 36—37.

дискуссионным и требует серьезного и всестороннего обсуждения в современной юридической науке с позиций потенциала развития и дополнения классической теории правоотношений.

Как представляется, дальнейшее развитие концепции квазисубъектов права в юриспруденции XXI в. имеет большие перспективы и способно усовершенствовать теорию правоотношений, внося в нее свежие ноты в ответ на вызовы усложняющейся в геометрической прогрессии социальной и научно-технической реальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Архипов В. В., Наумов В. Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. — 2017. — № 5.
2. Вопреки Азимову: 3 случая, когда роботы причиняли вред человеку // Газета. ru. — 18 июля 2017 г.
3. *Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А.* Может ли робот быть субъектом права? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2018. — № 4.
4. *Евтушенко А.* Восстание машин началось // Газета.ru. — 21 июня 2016 г.
5. *Ирискина Е. Н., Беляков К. О.* Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. — 2016. — Вып. 10.
6. *Мамонтов Д.* Этические проблемы роботов: как нарушить законы робототехники // Популярная механика. — 2015. — № 6.
7. *Никифорова Т. С., Смирнова К. М.* Оставят ли роботы юристов без работы? // Закон. — 2017. — № 11.
8. Робот повредил мальчику палец на шахматном турнире // Российская газета. — 21 июля 2022 г.
9. *Тихомиров Ю. А.* Поведение в обществе и право // Журнал российского права. — 2019. — № 5.
10. *Тихомиров Ю. А.* Право: прогнозы и риски : монография. — М. : Инфра-М, 2015.

Экспертное мнение



Илья Валентинович ЧЕЧЕЛЬНИЦКИЙ,
 преподаватель кафедры
 теории государства
 и права
 Университета имени
 О.Е. Кутафина (МГЮА),
 первый заместитель
 руководителя рабочего
 аппарата
 Уполномоченного по правам
 человека в Российской
 Федерации,
 кандидат юридических наук
iv89261863056@yandex.ru
 125993, Россия, г. Москва,
 ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Понятие и признаки правозащитной деятельности

Аннотация. Результаты социологических исследований и динамика обращений в институты государственной защиты прав и свобод человека и гражданина однозначно свидетельствуют о повышении в последние годы востребованности в российском обществе правозащитной работы. При этом необходимо учитывать, что в последние годы правовая система России подвергается серьезной трансформации. Не является исключением и отечественная правозащитная деятельность, которая после четверти века жизни в русле глобализации сегодня переживает значительные изменения и, по всей видимости, продолжит развиваться в контексте национальных ценностей и традиций. В статье на основе анализа законодательства и научных трудов предложены авторские подходы к пониманию понятия правозащитной деятельности и ее признаков: волевого характера, объекта и субъекта, целей и средств. Сформулированные автором выводы подтверждаются положениями действующего законодательства и правоприменительной практики различных институтов государственной и негосударственной защиты прав и свобод человека.

Ключевые слова: правозащитная деятельность, права человека, защита прав человека, понятие правозащитной деятельности, признаки правозащитной деятельности, цели и средства правозащитной деятельности, объект и субъект правозащитной деятельности, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, омбудсмен, право, государство, общество.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.158-165

Ilya V. CHECHELNITSKY,

Lecturer of the Department of theory of state and law
 of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

First deputy Head of the Working staff of the Commissioner for Human Rights in the
 Russian Federation, Cand. Sci. (Law)

iv89261863056@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Concept and Signs of Human Rights Activity

Abstract. The results of sociological studies and the dynamics addressed to the institutions of the state protection of the rights and freedoms of a person and a citizen unequivocally testify to the increase in the demand

for human rights work in the Russian society in recent years. At the same time, it is necessary to take into account that in recent years, the legal system of Russia is undergoing a serious transformation. Domestic human rights protection activity, which after a quarter of a century of life in the course of globalization today is experiencing significant changes and will most likely continue to develop in the context of national values and traditions, is no exception. The article, based on the analysis of legislation and scientific works, offers author's approaches to understanding the concept of legal protection activity and its features: volitional character, object and subject, goals and means. The conclusions formulated by the author are supported by the provisions of the current legislation and law enforcement practice of various institutions of state and non-state protection of human rights and freedoms.

Keywords: *human rights activity, human rights, protection of human rights, concept of human rights activity, signs of human rights activity, goals and means of human rights activity, object and subject of human rights activity, the High Commissioner for human rights in the Russian Federation, ombudsman, law, state, society.*

В настоящее время в официальных документах¹, нормативных правовых актах², в научных работах³, в выступлениях официальных лиц⁴ и в деловой переписке все чаще апеллируют к понятиям «правозащитная деятельность», «правозащитная работа», «правозащитная поддержка».

В последние годы предметом специальных научных исследований становились различные аспекты правозащитной деятельности государства: правозащитные

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 год // URL: <https://rg.ru/2022/06/06/doklad-za-2021-god.html> (дата обращения: 04.12.2022).

² СЗ РФ. 2016. № 31. Ст. 4985 ; 2015. № 4. Ст. 5533 ; 2015. № 50. Ст. 7182.

³ См., например: *Газимагомедова Н. А.* Проблемы защиты прав и свобод человека и гражданина: региональный аспект (по материалам Северо-Кавказского федерального округа) // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 53—57 ; *Ким Ю. В.* О понятиях правозащитной деятельности и правозащитной системы, или же К вопросу об организационно-правовых предпосылках «всемирного счастья» // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 27—35 ; *Евдокимов В. Б., Игонина Н. А.* Конституционная модернизация и прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 157—170.

⁴ См., например: Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека 7 декабря 2022 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70046> (дата обращения: 18.12.2022) ; Встреча с региональными уполномоченными по правам человека 10 декабря 2019 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62287> (дата обращения: 18.12.2022) ; Вручение госпремий за достижения в правозащитной и благотворительной деятельности. 12 декабря 2018 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59391> (дата обращения: 18.12.2022).



риски⁵, правозащитные отношения⁶, проблемы правового регулирования защиты прав человека⁷, правозащитная функция⁸ и др.

Вместе с тем вопрос о понятии правозащитной деятельности является дискуссионным в юридической науке. Анализ имеющихся научных дефиниций⁹ позволяет сформулировать основные черты правозащитной деятельности.

Прежде всего правозащитная деятельность рассматривается как целенаправленное действие, заключающееся в принятии определенных шагов по достижению значимой цели (здесь имеются такие формулировки, как «процедурно-процессуальные действия», «систематическая активность», «совокупность мер», «реализация права человека на правовую защиту», «формы активности государственных и негосударственных структур», «организованные и неорганизованные действия» и т.п.).

Думается, что такие подходы справедливы. Правозащита всегда предполагает некий набор активных действий, связанных с обеспечением, восстановлением, гарантированием прав и свобод человека. В ней заложена функция помощи одного субъекта (государства, общества, органа публичной власти, общественной организации) другому, который в ней нуждается. Однако приведенные выше формулировки представляется целесообразным дополнить, указав, что правозащита — это всегда юридическая деятельность¹⁰.

Как показывает практика, такие правозащитные действия могут выражаться в подготовке и подаче в компетентные органы государственной власти юридических документов, имеющих целью восстановление нарушенных прав лица. Например, приступив к рассмотрению жалобы, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (далее — Уполномоченный) вправе обратиться к

⁵ Новикова А. Е. Правозащитные риски: конституционная теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2021. 436 с.

⁶ Рагимов А. Т. Правозащитные отношения: вопросы теории и методологии : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 370 с.

⁷ Анисимов П. В. Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 370 с.

⁸ Беспалова М. А. Становление правозащитной функции Российского государства в условиях современного конституционного строительства : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2011. С. 184.

⁹ Рагимов А. Т. Правозащитные отношения: вопросы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 14 ; Анисимов П. В. Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 9 ; Мархейм М. В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 12 ; Калнина М. Ю. Правозащитная деятельность государственных органов субъектов Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8 ; Бойченко С. И. Правозащитная деятельность прокуратуры Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2009. С. 9—10.

¹⁰ См.: Корнеев А. В. Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6. С. 21—30.

компетентным государственным органам или должностным лицам за содействием в проведении проверки обстоятельств, подлежащих выяснению, а также направить запрос уполномоченному по правам человека в субъекте Российской Федерации¹¹.

Важно отметить, что правозащитная функция может выражаться не только в определенных действиях, но и наоборот — в отказе от таковых. В частности, речь может идти об установленных рядом законов ограничениях на разглашение органами публичной власти, их должностными лицами, адвокатами информации о частной жизни лица, обратившегося к ним за помощью¹².

Важно обратить внимание на выделение в науке категории субъекта правозащитной деятельности, т.е. определенного лица, которое ее осуществляет. В данном случае также имеется широкая палитра трактовок. Ряд авторов определяют субъектов правозащитной деятельности максимально широко (М. В. Мархгейм); другие опосредуют правозащитную деятельность работой государственных органов (М. Ю. Калнина) или указывают на ее обязательное обеспечение организационно правовыми средствами и мерами принуждения, что, очевидно, связывает ее также с государственными механизмами (П. В. Анисимов).

Представляется, что понятие субъекта правозащитной деятельности следует рассматривать в широком контексте, поскольку свой вклад в реализацию правозащитной функции в определенных случаях могут вносить как органы публичной власти и институты гражданского общества, так и международные правительственные и неправительственные организации.

Таким образом, в качестве субъектов правозащитной деятельности возможно рассматривать орган публичной власти, институт гражданского общества или международную организацию, которые правовыми средствами осуществляют деятельность с целью защиты прав и свобод человека. В данном случае ключевую роль играет не столько организационно-правовой статус субъекта правозащитной деятельности, сколько наличие определенной цели и методологии работы.

В этой связи представляется возможным субъектов правозащитной деятельности разделять на три категории: органы публичной власти, институты гражданского общества и международные организации.

К первой можно отнести Президента России, органы исполнительной и судебной власти, прокуратуру РФ, специализированные институты государственной защиты прав человека и др.

Ко второй категории следует отнести такие институты гражданского общества, как СПЧ, Общественная палата РФ, СМИ, профсоюзы, Общественная наблюдательная комиссия (ОНК), адвокатура и др.

Третью группу субъектов правозащитной деятельности составляют международные организации, к которым представляется возможным отнести ООН, ОБСЕ, Международный комитет Красного Креста, различные ассоциации омбудсменов (Европейский институт омбудсменов, Евразийский альянс омбудсменов и др.).

¹¹ Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». Ст. 22 // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

¹² Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». П. 2 ст. 28 ; Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». П. 5 ч. 4 ст. 6 // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.



Конечно, указанные субъекты правозащитной деятельности существенно отличаются по своим полномочиям, компетенции и возможностям, однако их объединяют единые цели, задачи и методы на различных уровнях общественно-государственных отношений, для них характерна единая правозащитная функция¹³.

Как показывает практика, порою наилучший эффект для достижения правозащитных целей имеет объединение потенциалов различных субъектов правозащитной деятельности. Например, в условиях вынужденной экстренной эвакуации граждан с территории ДНР, ЛНР и Украины в 2022 г. эффективные меры государственной поддержки данной категории лиц и оказания им соответствующей помощи в сфере медицины, образования, трудоустройства, социальных гарантий и т.д. удалось осуществить благодаря синергии в работе федеральных и региональных органов публичной власти, омбудсменов, Российского Красного Креста, волонтерских, добровольческих и правозащитных организаций, которые активно включились в процесс оказания материальной, социальной, правовой, адресной и иной помощи нуждающимся.

Важнейшим признаком правозащитной деятельности и неперенным элементом правозащитных отношений¹⁴, безусловно, выступает ее объект — т.е. то, что подлежит защите, на что направлены правозащитные усилия государственных и негосударственных субъектов правозащитной работы.

Анализ представленных выше дефиниций правозащитной деятельности позволяет сделать вывод, что многие авторы рассматривают в качестве объекта правозащитной деятельности права и свободы человека (А. Т. Рагимов, П. В. Анисимов) либо права и свободы человека и гражданина (М. Ю. Калнина, С. И. Бойченко, М. В. Мархгейм). При этом в различных законодательных актах установлены дополнительные критерии применительно к объектам правозащитной деятельности.

Представляется, что категорию объекта правозащитной работы необходимо рассматривать в более широком смысле, поскольку на практике в этой роли нередко выступают права и свободы как конкретного человека, так и целых коллективов граждан, общественных объединений, коммерческих организаций (например, право на объединение, проведение публичных мероприятий, право народа на самоопределение и др.)¹⁵.

Кроме того, к числу объектов государственной правозащиты представляется целесообразным относить и публичные, и частные интересы, которые, как представляется, являются неотъемлемой частью правозащитной деятельности¹⁶.

¹³ Беспалова М. А. Указ. соч. С. 184.

¹⁴ Рагимов А. Т. Правозащитные отношения: вопросы теории и методологии : дис. ... д-ра юрид. наук ; Ревина Е. В. Правозащитные отношения: теоретико-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 164 с.

¹⁵ См., например: Нудненко Л. А. Конституционно-правовая природа права граждан на объединение // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 14—18 ; Андреева Г. Н., Хащина Э. Э. Международно-правовые механизмы предотвращения сецессии // Международное публичное и частное право. 2021. № 6. С. 21—24.

¹⁶ См.: Алисов А. Н. Публичные интересы как объект правозащитной деятельности органов прокуратуры // Политика и право. 2014. № 4 (34). С. 69—71.

Сущностный признак правозащитной деятельности, как показывает анализ приведенных дефиниций, заключается в ее направленности на достижение определенных правовых целей¹⁷.

Анализ содержащихся в теории и законодательстве позиций позволяет сформулировать в качестве общей цели правозащитной работы государственных и негосударственных правозащитных учреждений эффективную защиту, обеспечение, восстановление прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, коммерческих и некоммерческих объединений граждан, а также публичных интересов и коллективных прав всего общества и государства. Говоря о правозащитной деятельности, Президент Российской Федерации В. В. Путин справедливо отметил, то все ее направления «должны укреплять нашу страну, делать ее более цивилизованной, сплоченной»¹⁸.

В качестве еще одного признака правозащитной деятельности можно выделить определенные методы или средства правозащитной деятельности. К ним относят, в частности, правозащитные правомочия и долженствования в непосредственной и правоприменительной формах (А. Т. Рагимов); организационно-правовые средства и меры принуждения (П. В. Анисимов).

Необходимой характеристикой правозащитной деятельности является ее осуществление специфическими правовыми методами, которые строго регламентированы положениями действующих нормативных правовых актов или, во всяком случае, не противоречат им, а кроме того, не должны выходить за рамки этических норм и принципов. Например, несмотря на установленный законодательством широкий спектр возможных средств правозащитной работы адвоката, все они не должны противоречить Кодексу профессиональной этики адвоката¹⁹, иначе могут наступить соответствующие негативные последствия.

И уж совершенно точно не могут называться правозащитой действия отдельных недобросовестных лиц, совершенные с нарушением норм действующего законодательства, порой призывающих добропорядочных граждан, в том числе несовершеннолетних, к совершению правонарушений.

Таким образом, на основании проанализированных в настоящей статье научных подходов к пониманию понятия и признаков правозащитной деятельности, а также нормативных правовых актов, регулирующих данную область общественно-государственных отношений, можно сформулировать развернутое понятие правозащитной деятельности.

Как представляется, правозащитная деятельность заключается в системе юридически закрепленных функций, полномочий, действий, осуществляемых государственными правозащитными организациями, а также некоммерческими и международными организациями с целью признания, соблюдения, защиты,

¹⁷ Экимов А. И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 54.

¹⁸ Президент вручил Государственные премии за выдающиеся достижения в области благотворительной и правозащитной деятельности // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53437> (дата обращения: 18.12.2022).

¹⁹ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. № 2.



обеспечения, гарантирования, содействия в реализации установленных законодательством и иных, не противоречащих ему прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также коллективных прав и публичных интересов групп граждан, коммерческих и некоммерческих организаций, снижения правозащитных рисков путем участия в правозащитных отношениях и реализации установленного в действующей конституционной системе защиты прав и свобод человека и гражданина комплекса специальных правозащитных организационно-правовых методов и средств.

Исследование понятия и признаков правозащитной деятельности имеет не только сугубо теоретический, но и прикладной аспект, поскольку позволяет ответить на целый ряд вопросов, возникающих в правоприменительной практике.

Результаты социологических исследований и динамика обращений в правозащитные органы показывают повышение в последние годы востребованности людей, занятых в данной сфере. В этой связи важнейшее значение среди актуальных аспектов исследования Российского государства в контексте общей теории права, как представляется, имеет изучение теоретико-правовых основ государственной правозащитной деятельности. Значимость данной проблематики обусловлена еще и тем, что работа по обеспечению, защите прав и свобод человека и гражданина становится ключевой для всех звеньев государственного механизма.

Речь идет не только о специализированных институтах государственной правозащиты, но и о всей системе органов публичной власти, которые «держат очень серьезный экзамен на прочность»²⁰. Не является исключением и отечественная правозащитная деятельность, которая после четверти века жизни в русле глобализации сегодня переживает значительные изменения и, по всей видимости, продолжит развиваться в контексте «преемственности и социально-культурной идентичности российского закона»²¹.

В связи с изложенным представляется, что для выработки рекомендаций по повышению качества работы государственных органов крайне важны исследования правозащитной деятельности, которые затрагивают ее понятие и признаки, классификацию видов, целей и средств, методику правозащитной работы и оценку ее эффективности. Эти вопросы должны и дальше находиться в фокусе юридической науки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Анисимов П. В.* Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека : дис. ... д-ра юрид. наук. — Н. Новгород, 2005. — 370 с.
2. Защищать ежечасно... Омбудсмен Татьяна Москалькова — о том, зачем нужна система уполномоченных по правам человека // URL: <https://iz.ru/news/650424>, 16.12.2016 (дата обращения: 04.12.2022).

²⁰ *Корнев А. В.* О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 11—22.

²¹ *Синюков В. Н.* Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // *Lex russica*. 2018. № 10. С. 18—29.

3. Корнев А. В. О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 6. — С. 11—22.
4. Корнев А. В. Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 6. — С. 21—30.
5. Мархгейм М. В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — 385 с.
6. Новикова А. Е. Правозащитные риски: конституционная теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. — Белгород, 2021. — 436 с.
7. Рагимов А. Т. Правозащитные отношения: вопросы теории и методологии : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2011. — 370 с.
8. Синюков В. Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex russica. — 2018. — № 10. — С. 18—29.
9. Черников В. В. Актуальные вопросы качества полицейского законодательства России // Административное право и процесс. — 2021. — № 7. — С. 16—27.
10. Экимов А. И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Правоведение. — 2013. — № 2 (307). — С. 51—61.





**Инна Сергеевна
БАРЗИЛОВА,**

профессор кафедры
теории государства и
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор

isbarzilova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Правовые системы Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой анализ

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ правовой системы Китайской Народной Республики и правовой системы Российской Федерации. Особое внимание уделено источникам права, системе права и системе законодательства. В работе выделяются такие компоненты правовых систем, как право, правовые механизмы, юридическая практика, господствующая правовая идеология и др. В рамках анализа правовой системы Китайской Народной Республики рассматриваются особенности правовых систем административных районов Гонконга и Макао, а также провинции Тайвань. Обращается внимание на смешанный характер правовой системы континентального Китая, влияние норм традиционного права. Проведение сравнительно-правовых исследований позволит усилить интеграционные процессы, повысить значимость Российской Федерации на международной арене, эффективность ее взаимодействия с иностранными государствами, в том числе по линии БРИКС.

Ключевые слова: сравнительно-правовые исследования, правовые системы, юридическая карта мира, система права, система законодательства, механизм правового регулирования, источники права.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.166-173

Inna S. BARZILOVA,

Professor of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Dr. Sci. (Law), Professor

isbarzilova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Legal System of the Russian Federation and the People Republic of China Legal System: Comparative Legal Analysis

Abstract. The article provides a comparative analysis of the legal system of People Republic of China and the Russian Federation legal system. Special attention is paid to the sources of law, the system of law and the system of legislation. The work highlights such components of legal systems as law, legal mechanisms, legal practice, prevailing legal ideology, etc. As part of the analysis of the legal system of the People's Republic of China, the features of the legal systems of the administrative regions of Hong Kong and Macau, as well as the province of Taiwan, are considered. Attention is drawn to the

mixed nature of the legal system of mainland China, the influence of the norms of traditional law. Conducting comparative legal studies will strengthen integration processes, increase the importance of the Russian Federation in the international arena, and the effectiveness of its interaction with foreign countries, including through BRICS.

Keywords: *comparative legal studies, legal systems, the legal map of the world, the system of law, the system of legislation, the mechanism of legal regulation, sources of law.*

Повышение взаимодействия стран БРИКС ставит перед современной юридической наукой задачи, связанные с более глубоким исследованием особенностей правовых систем государств — участников данного межгосударственного объединения. Особое внимание хотелось уделить специфике правовых систем Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Правовая система как объект сравнительно-правовых исследований выбрана неслучайно. Именно национальная правовая система позволяет рассмотреть право как элемент социокультурной системы общества, явление мировой цивилизации, учитывающее особенности географического положения государства, историческое время его существования, внешние формы выражения, происходящие в нем политические процессы.

Правовая система как центральная категория юридической компаративистики позволяет проанализировать право с точки зрения национальных особенностей проживающего на территории государства населения, закрепленных в нем традиций, проявления специфики национального менталитета, создания механизмов согласования интересов различных социальных групп в рамках общества.

С помощью сопоставления правовых систем различных государств выявляются основные закономерности их развития, тенденции в формировании отдельных институтов, юридических норм, правовых механизмов, что позволяет с определенной долей вероятности делать прогнозы относительно дальнейшего пути их развития, основных направлений взаимодействия стран по линии БРИКС.

Правовая система выступает своего рода элементом «периодической системы» мирового права, позволяющим более основательно проанализировать глубинные свойства права, его природу, социальную роль, тенденции развития в рамках как отдельного общества, так и человеческой цивилизации в целом. Изучение правовых систем дает возможность рассмотреть как взаимосвязь элементов (институтов, отраслей) внутри системы права, так и взаимоотношение права с другими социальными явлениями и регуляторами (моралью и религией).

Сопоставление правовых систем Российской Федерации и Китайской Народной Республики позволяет определить их общие и отличительные черты, выявить их исторические, культурные, идеологические особенности. Это позволит сформировать более оптимальные механизмы взаимодействия данных государств по линии БРИКС, определить дальнейшие пути преобразования национального права в плане заимствования опыта иностранных государств.

Среди элементов национальной правовой системы, согласно получившему наибольшее распространение подходу в отечественной юридической доктрине,



можно выделить право в его конкретно-исторической обусловленности, юридическую практику и господствующую правовую идеологию, существующие в рамках отдельного государства¹. Правовая система включает, по сути, все юридические явления и средства, позволяющие сформировать особый правовой порядок, правовые режимы². На формирование национальной правовой системы оказывают влияние и общественное сознание, культура, традиции, религиозные нормы, менталитет проживающих на той или иной территории народов, что необходимо учитывать в процессе создания механизмов взаимодействия государств в рамках БРИКС.

Правовую систему Китайской Народной Республики в отечественной литературе, посвященной проблемам юридической компаративистики, традиционно относят к семье социалистического права³. Вместе с тем многие исследователи отмечают специфику социалистической правовой системы КНР, обусловленную влиянием традиционного права Китая, форм (источников) права, присущих романо-германской, англосаксонской, социалистической правовым семьям, особенностями правового статуса административных районов Гонконга и Макао, провинции Тайвань⁴. В этой связи правовую систему КНР можно отнести к системам смешанного типа, включающих нормы и институты, относящиеся к разным правовым системам.

На формирование правовой системы КНР значительное влияние оказали история и культура китайского народа, его менталитет, религиозные и этнические особенности жизни различных социальных слоев китайского общества, специфика их традиций и обычаев.

Национальная правовая система Китайской Народной Республики характеризуется рядом отличительных особенностей.

В современной правовой системе КНР широко используются нормы традиционного права Китая. Согласно сформировавшимся правовым традициям на протяжении длительного времени нормы морали имели главенствующее значение по отношению к нормам права. Значительную роль в этом сыграло конфуцианство как этико-философское учение. Подобная ситуация была характерна для правовой системы Китая до начала XX в. С позиции конфуцианства для

¹ См. подробнее: *Чиркин В. Е.* Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2017. № 4 ; *Лукьянова Е. Г.* Правовая система России: современные тенденции развития // *Труды Института государства и права РАН.* 2016. № 6 ; *Матузов Н. И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003 ; *Тихомиров Ю. А.* Правовая сфера общества и правовая система // *Журнал российского права.* 1998. № 4—5.

² См. подробнее: *Барзилова И. С.* Понятие и юридическая природа правовых режимов // *Lex russica.* 2013. № 11 ; *Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты / под ред. А. В. Малько, И. С. Барзиловой.* М., 2012.

³ *Лафитский В. И.* Миры права в теории и практике сравнительного правоведения : монография : в 2 т. М., 2021.

⁴ См., например: *Трощинский П. В.* Правовая система Китайской Народной Республики: становление, развитие и характерные особенности // *Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).* 2015. № 5.

поддержания порядка и всеобщей гармонии необходимо соблюдение моральных норм, традиций, а не норм юридических; обращение в суд рассматривалось как исключительное средство; должно быть стремление к гармонии в государственном управлении и организации общественной жизни; «совершенный муж» должен ставить общественные интересы выше личных⁵.

Вместе с тем в правовой системе древнего Китая широкое распространение получили идеи легизма. Согласно концепции «Школы законников» власть должна ориентироваться на подчинение законам, которые являются едиными для всего государства; получили распространение идеи права и закона⁶. Со временем произошел синтез норм конфуцианской морали и норм права; юридические правила поведения запрещали отклоняться от стереотипов поведения, установленных в конфуцианстве. Это оказало существенное влияние на формирование правовой системы современного Китая, правового сознания и правовой культуры его граждан, правотворчество. С позиций этико-религиозных норм конфуцианства и политико-правовых идей легизма жизнь китайского общества основывалась на принципах справедливости.

В рамках правовой системы Китайской Народной Республики можно выделить правовые системы особых административных районов Гонконга и Макао. Правовые системы указанных территорий отличаются от правовой системы континентального Китая, что согласуется с принципом «одно государство — две системы»⁷.

На формирование правовой системы Гонконга оказали влияние, с одной стороны, англосаксонское право, где основным источником права является судебный прецедент, что связано с ранее осуществлявшимся британским колониальным правлением; с другой — нормы традиционного права периода Цинской империи. Кроме того, в систему источников права Гонконга включаются нормативные акты Китайской Народной Республики и самого Гонконга, которые постепенно приводятся в соответствие с континентальным законодательством. Таким образом, до 2047 г. в рамках социалистической правовой системы КНР будет существовать система общего права, предусматривающая особые источники и судебные процедуры.

Согласно ст. 1 Основного закона Сянганского особого административного района Китайской Народной Республики специальный административный район Гонконг является неотъемлемой частью Китайской Народной Республики. К числу национальных законов, подлежащих применению в специальном административном районе Гонконг, относятся: Резолюция о столице, календаре, государственном гимне и государственном флаге Китайской Народной Республики; Резолюция о Национальном дне Китайской Народной Республики; приказ о Государственном гербе Китайской Народной Республики, провозглашенный Центральным народным правительством; Декларация Правительства Китайской Народной Республики о территориальном море; Закон о гражданстве Китайской

⁵ См. подробнее: Шуцкий Ю. К. Чжоуская Книга перемен // Конфуций. Уроки мудрости. М., 1998; Лунь Юй. XII, 13 // Конфуций. Уроки мудрости. М., 2000.

⁶ См.: Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.

⁷ См.: Ван Чжэньминь. Отношения между центром и особыми административными районами: анализ одной правовой конструкции. Пекин, 2002.



Народной Республики; положения Китайской Народной Республики о дипломатических привилегиях и иммунитетах⁸.

Для правовой системы специального административного района КНР Макао характерно преобладание черт континентального португальского права. Согласно законодательству сохраняют силу действовавшие раньше в Аомэне законы, указы, административные регламенты и другие нормативные акты, за исключением тех положений, которые идут вразрез с Основным законом либо которые законодательные органы ОАР Аомэнь или другие соответствующие органы найдут необходимым пересмотреть согласно законодательной процедуре. В Макао основным источником права является закон, используются кодифицированные нормативные акты (Гражданский кодекс, Торговый кодекс, Гражданский процессуальный кодекс и др.).

Особой спецификой обладает и правовая система Тайваня, на формирование которой оказали существенное влияние традиционное, романо-германское и англосаксонское право.

Правовая система континентального Китая тоже носит смешанный характер, в ней присутствуют черты романо-германского, англосаксонского, традиционного и советского права. Свой современный облик данная правовая система стала приобретать с конца 70-х гг. прошлого века. В 1978 г. была принята Конституция КНР⁹, обозначившая курс на социально-экономические и правовые преобразования. Принятая позднее Конституция КНР 1982 г. в своей 13-й поправке обозначает Китай как «социалистическое правовое государство»¹⁰.

Ведущим источником права в правовой системе КНР является нормативный правовой акт (законы и подзаконные акты). Среди источников права КНР, обладающих разной юридической силой, можно выделить следующие: Конституцию КНР; законы, принимаемые Всекитайским собранием народных представителей и Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей; административные постановления, решения и распоряжения Государственного совета; постановления Правительства КНР; местные подзаконные акты и решения органов государственной власти провинций, автономных районов и городов центрального подчинения и др. К числу источников права КНР можно отнести правовой обычай и локальные (корпоративные) подзаконные нормативные акты.

Согласно ст. 58 Конституции КНР Всекитайское собрание народных представителей и Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей осуществляют законодательную власть в стране.

В современной правовой системе КНР по сравнению с Российской Федерацией небольшое количество законов (Законы КНР «Об авторском праве», «Об административных наказаниях», «О векселе», «О договорах»)¹¹, регулирование

⁸ URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/187158> (дата обращения: 13.04.2022).

⁹ Гудошников Л. М. Конституция 1978 г. и начало правосознательного процесса в Китае // Публично-правовые исследования. 2008. № 3. С. 119—129.

¹⁰ Жэньминь жибао. 1982. 5. XII / пер. с кит. Л. М. Гудошникова // Конституции социалистических государств. М., 1987. Т. 1 ; Гудошников Л., Поляков В. Развитие конституционного права Китайской Народной Республики (1988—2004 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 47—52.

¹¹ URL: <https://chinalawinfo.ru/all> (дата обращения: 10.03.2022).

осуществляется, как правило, на уровне подзаконных нормативных правовых актов, например актов Государственного совета КНР.

В Законе КНР от 15 марта 2000 г. «О законодательстве Китайской Народной Республики» предусмотрена возможность делегирования полномочий Государственному совету. По вопросам, по которым Всекитайским собранием народных представителей и его Постоянным комитетом не приняты законы, Всекитайское собрание народных представителей и его Постоянный комитет вправе вынести решение о делегировании Государственному совету в связи с реальной необходимостью полномочия на первоочередное принятие по указанным вопросам административных узаконений¹².

Широкое распространение в Китае получило и локальное правотворчество.

Среди нормативных правовых актов КНР можно выделить государственные (партийные) программные документы, принимаемые по вопросам социально-экономического и политического развития страны (Резолюция ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии, принятая 11 ноября 2021 г.¹³; решение ЦК КПК относительно углубления курса реформ и прочих важных вопросов, принятое в 2013 г.¹⁴).

Среди нормативных правовых актов кодифицированные акты занимают небольшое место (Уголовно-процессуальный кодекс КНР¹⁵; Административно-процессуальный кодекс КНР¹⁶; Гражданско-процессуальный кодекс КНР¹⁷). Предпочтение отдается обычным нормативным актам подзаконного характера. Значительная роль принадлежит локальным актам местных органов власти.

Специфику правовой системе КНР придает и практика использования экспериментальных нормативных правовых актов, результативность которых проверяется в ходе их практической реализации. Окончательную редакцию подобные нормативные акты приобретают только после их экспериментальной проверки (Закон КНР «О лесах», Закон КНР «Об охране окружающей среды»)¹⁸.

Специфику имеет и юридическая техника составления нормативных правовых актов: формулировки носят обобщенный характер, предусматривается возможность расширительного толкования в процессе применения права. В связи с небольшим количеством законов для правовой системы КНР характерна значительная роль традиционализма в правовом сознании.

Среди особенностей правовой системы КНР можно выделить и существование «белых книг», которые периодически публикуются в официальной печати

¹² URL: <https://chinalawinfo.ru/all> (дата обращения: 01.03.2022).

¹³ URL: http://russian.news.cn/2021-11/16/c_1310314781.htm (дата обращения: 01.03.2022).

¹⁴ Агентство Синьхуа. 2013. 15 ноября. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-11/15/c_118164235.htm (дата обращения: 01.03.2022).

¹⁵ URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus/rus/zfhz/zgflyd/t1330729.htm> (дата обращения: 01.03.2022).

¹⁶ URL: https://chinalaw.center/procedure_arbitration/china_administrative_procedure_law_2017_russian (дата обращения: 01.03.2022).

¹⁷ URL: https://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_civil_procedure (дата обращения: 01.03.2022).

¹⁸ URL: <https://chinalawinfo.ru/all> (дата обращения: 01.03.2022).



Информационным бюро Государственного совета Китайской Народной Республики. «Белые книги» — это программные заявления, поясняющие и обосновывающие политику государства в определенной области («Арктическая политика Китая», «Прогресс Китая в борьбе с бедностью и соблюдении прав человека», «Судебная реформа в Китае»¹⁹).

Правовая система Российской Федерации тоже характеризуется рядом особенностей. Так, основными источниками права здесь являются, как известно, нормативные правовые акты. В зависимости от юридической силы данные акты подразделяются на законы, обладающие высшей юридической силой (федеральные конституционные законы, федеральные законы, законы субъектов РФ) и подзаконные нормативные акты (указы и распоряжения Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ и т.д.).

К источникам права следует отнести правовые обычаи, договоры с нормативным содержанием и судебные прецеденты. Споры об обоснованности использования судебных прецедентов в качестве источников права в правовой системе Российской Федерации ведутся до сих пор как учеными-теоретиками, так и представителями отраслевых юридических наук²⁰.

Правовая система Российской Федерации относится к числу моноядерных правовых систем. Это система континентального типа, более близка к ее германской части. Система права и система законодательства в российской правовой системе тоже имеют свои особенности. Система российского законодательства предполагает наличие вертикальных и горизонтальных связей между нормативными правовыми актами, в рамках же системы права можно говорить о наличии только горизонтальных связей.

С точки зрения объема российская система законодательства значительно больше, чем система права, так как включает помимо нормативных правовых актов еще и акты неюридического характера (технические правила и регламенты и т.д.). В правовой системе Российской Федерации отрасли права и отрасли законодательства не всегда совпадают. В последнем случае речь идет об отраслях законодательства, выделяемых в зависимости от сфер государственного управления экономикой и т.д.

В заключение хотелось отметить, что российские ученые-компаративисты обращают пристальное внимание на особенности права, его системы, механизма правового регулирования и других составляющих правовых систем.

Для усиления интеграционных процессов, повышения значимости Российской Федерации на международной арене важно более досконально анализировать специфику компонентов национальных правовых систем стран, с которыми наше государство сотрудничает по линии БРИКС; изучать опыт регулирования вопросов

¹⁹ URL: <http://www.china.org.cn/e-white/index.htm> (дата обращения: 11.04.2022).

²⁰ См. подробнее: *Марченко М. Н.* Судебное правотворчество и судебное право : учебное пособие. М., 2016 ; *Бошно С. В.* Формы правового регулирования государственно-служебных отношений. М., 2008 ; *Верещагин А. Н.* Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты. М., 2004 ; *Суд как субъект правовой политики / под ред. А. В. Малько.* М., 2014 ; *Гук П. А.* Судебный прецедент как источник права. Пенза, 2003.

в экономической, политической, социальных сферах; выявлять проблемы, мешающие успешному взаимодействию. Поэтому значимость компаративных исследований в подобном направлении нельзя приуменьшать.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Лафитский В. И.* Миры права в теории и практике сравнительного правоведения : монография : в 2 т. — М., 2021.
2. *Лукьянова Е. Г.* Правовая система России: современные тенденции развития // Труды Института государства и права РАН. — 2016. — № 6. — С. 6—23.
3. Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты / под ред. А. В. Малько, И. С. Барзиловой. — М., 2012.
4. *Тихомиров Ю. А.* Правовая сфера общества и правовая система // Журнал российского права. — 1998. — № 4—5. — С. 7—14.
5. *Трощинский П. В.* Правовая система Китайской Народной Республики: становление, развитие и характерные особенности // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2015. — № 5. — С. 99—117.
6. *Чиркин В. Е.* Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — № 4. — С. 18—30.





**Олег Владимирович
ТАНИМОВ,**

доцент кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
ovtanimov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Правовая охрана экономического суверенитета России¹

Аннотация. В статье анализируются угрозы экономическому суверенитету Российской Федерации. Исследуются важнейшие из них — санкции экономического характера, а также антикризисные меры, направленные на охрану российского экономического суверенитета. Анализируются меры Банка России по стабилизации ситуации на финансовом рынке, антикризисные меры по поддержке российского бизнеса: общие меры поддержки, заключения Торгово-промышленной палаты РФ, меры поддержки общественно значимых организаций, субъектов малого и среднего предпринимательства, туристического бизнеса, меры поддержки при аренде земельных участков, изменения в валютном законодательстве и др.

Рассматриваются основы антисанкционного законодательства России: законы и подзаконные акты, в соответствии с которыми осуществляется правовая охрана экономического суверенитета страны. Отмечается наращивание использования санкций и применение уголовной ответственности на основании изменений и дополнений к Закону 2012 г. «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации».

Ключевые слова: Россия, экономический суверенитет, санкции, антикризисные меры, законодательство.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.174-182

Oleg V. TANIMOV,

Associate Professor of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
ovtanimov@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Legal Protection of Russia's Economic Sovereignty

Abstract. This article analyzes threats to the economic sovereignty of Russian Federation. We examine the most important threats: economic sanctions, anti-crisis measures, which are aimed at protecting Russian economic sovereignty. In this article we analyze the measures of the Bank of Russia to stabilize the situation in the financial market, anti-crisis measures, which are aimed at supporting Russian businesses: general supportive measures,

¹ Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

conclusions of Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, supportive measures for public interest entities, small and medium sized businesses, the tourism business, supportive measures for land lease, changes in foreign exchange legislation, and others.

This article investigates the fundamentals of anti-sanction legislation of Russian Federation: laws and regulation in accordance with which the legal protection of economic sovereignty of the state is implemented. There has been an increase of implementation of sanctions and criminalization of them in accordance with the amendments to 2012 act "On Measures of Influence on People Involved in Violations of Fundamental Human Rights and Freedoms and the Rights and Freedoms of Russian Citizens".

Keywords: *Russia, economic sovereignty, sanctions, anti-crisis measures, legislation.*

Под суверенитетом понимается независимость государства на международной арене и верховенство его законов внутри страны.

Экономический суверенитет государства представляет собой свойство государства, при котором оно способно самостоятельно принимать решения в сфере экономики и проводить экономическую политику.

Наиболее актуальными угрозами экономическому суверенитету являются истощение природных ресурсов в связи с изменением климата, неблагоприятной экологической ситуацией. Для их ликвидации устанавливаются определенные стандарты и требования для производств экологического характера и поддержания нормального уровня инфляции, увеличения ВВП на душу населения, поддержания малого и среднего бизнеса, которые в дальнейшем смогут выйти на мировой рынок и соревноваться с иными компаниями.

В современных условиях для экономического суверенитета России существует ряд угроз, вызванных, по существу, внешними причинами. Основными из них являются санкции, применяемые США и государствами Евросоюза. Наша страна, соответственно, принимает антикризисные меры, направленные на охрану своего экономического суверенитета, которые требуют законодательного регулирования. Далее об этих мерах и их правовом обеспечении подробно пойдет речь в данной статье.

Правовые основы антисанкционных действий России²

Президентом РФ в феврале 2022 г. был подписан Указ «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями США и примкнувших к ним стран», 18.03.2022 — Указ «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования».

² Подробнее см.: Санкции в отношении России // URL: https://tass.ru/info/14538591/amp?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru (дата обращения: 01.12.2022).



Установление уголовно-правовой и административной ответственности. На основании изменений, внесенных в Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», подписанных В. В. Путиным 04.03.2022, соответствующие действия будут осуществляться в отношении иностранных граждан и апатридов, посягнувших на права граждан России в любой форме. Это также относится и к иностранным юридическим лицам. Если их действия нарушают права россиян, то деятельность таких субъектов может быть приостановлена.

Были приняты федеральные законы о внесении изменений в УК РФ и КоАП РФ. Так, за призывы к введению санкций гражданам грозит административный штраф в размере до 50 тыс. рублей, а должностным и юридическим лицам — до 200 тыс. и 500 тыс. рублей соответственно. Если правонарушение в течение года будет совершено повторно, за это предусмотрена уже уголовная ответственность. За подобные действия может грозить лишение свободы на срок до трех лет.

Деятельность Банка России по обеспечению устойчивости финансового рынка

Центральный Банк РФ как главный регулятор в финансовой сфере осуществляет следующие действия с целью обеспечения экономико-финансовой устойчивости на финансовом рынке³:

- 1) устанавливает правовые преференции резидентам финансовой сферы (указание Банка России № 6073-У «О порядке отражения на счетах бухгалтерского учета вложений в ценные бумаги, оцениваемые по справедливой стоимости», указание Банка России № 6074-У «О порядке отражения на счетах бухгалтерского учета вложений кредитных организаций в ценные бумаги, оцениваемые по справедливой стоимости» и т.д.);
- 2) оказывает правовую поддержку кредитных организаций (указание Банка России № 5886-У «О внесении изменений в Инструкцию Банка России от 29 ноября 2019 г. № 199-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией» и т.д.);
- 3) устанавливает легальные преференции для иных поднадзорных Банку России структур (информационное письмо Банка России от 06.03.2022 № ИН-018-38/28, информационное письмо Банка России от 06.04.2022 № ИН-018-53/49 и т.д.);
- 4) осуществляет меры по валютному регулированию. Банк России предписал уполномоченным банкам «ограничить осуществление в течение календарного месяца переводов физического лица — резидента за рубеж суммой в 5 000 долларов США, определяемой с использованием официальных курсов иностранных валют к рублю, установленных Банком России на дату поручения на осуществление перевода, либо эквивалент в иной иностранной

³ Меры Банка России по стабилизации ситуации на финансовом рынке в условиях реализации санкционных рисков // URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/134865/plan_limit.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

валюте» (информационное письмо Банка России от 05.03.2022 № ИН-019-12/27) и т.д.

Антикризисные меры, направленные на поддержку российского бизнеса

В современном мире экономической санкционный механизм является одним из самых эффективных средств воздействия на государство без применения силы и угрозы силой. Санкционные действия являются опасной возможностью причинения вреда экономическому суверенитету страны, экономической безопасности и развитию. В качестве адекватной реакции на санкции необходимо формирование реального юридического инструмента, способного легально уменьшить отрицательные результаты санкционных действий недружественных государств и результативно противодействовать им. В настоящее время наша страна энергично вырабатывает такой инструмент.

Рассмотрим отдельные меры поддержки, касающиеся бизнеса и предпринимательской деятельности:

- *общие меры поддержки*. До 1 октября 2022 г. был введен мораторий на возбуждение дел о банкротстве организаций и индивидуальных предпринимателей по заявлениям, подаваемым кредиторами. Как растолковал Пленум Верховного Суда РФ, целью введения моратория, предусмотренного статьей 9.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», является обеспечение стабильности экономики путем оказания поддержки отдельным хозяйствующим субъектам⁴;
- *заклучения Торгово-промышленной палаты РФ*. Предлагается введение *юридической фикции*, а именно на законодательном уровне приравнять санкции недружественных государств к обстоятельствам непреодолимой силы;
- *меры поддержки для общественно значимых организаций*. Они касаются оказываемых аудиторских услуг⁵;
- *меры поддержки для субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП)*. Уменьшены процентные ставки по некоторым кредитам для субъектов МСП;
- *меры поддержки для туристического бизнеса*. Введена нулевая ставка НДС для некоторых операций. Это касается, например, сдачи в аренду некоторых объектов туристической или пользования ими на ином праве;
- *преференции при аренде земельных участков*. Установлена специфика регулирования земельных отношений (например, земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности). В условиях экономической нестабильности обеспечивается содействие гражданам и основным секторам экономики, попавшим в область риска.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // URL: <https://vsrf.ru/documents/own/29543/>.

⁵ Меры поддержки для МСП // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_411198/5bc46481589901e5ac516e41a554a61f46e2c127/; Меры поддержки для общественно значимых организаций // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_411198/7c9b2102124c0d5d82fd949089aa456627fb4715/.



Наиболее полный перечень мер, направленных на защиту экономического суверенитета России⁶

В данном перечне содержатся главные варианты содействия населению и сферам хозяйствования, попавшим в область риска из-за введения санкций:

1. *Меры господдержки организаций и ИП.* Они включают особенности лицензирования и других разрешительных процедур; особенности погашения регистрационной записи об ипотеке; сертификаты и заключения ТПП; меры по защите компаний в сфере корпоративных отношений; поддержку инжиниринга и инноваций; меры поддержки для инвесторов, IT-компаний, системообразующих организаций, общественно значимых организаций, получателей субсидий и госгарантий, медицинской и фармацевтической отраслей, аграрной и других пищевых отраслей; меры поддержки внешнеэкономической, в том числе внешнеторговой, деятельности; меры в сфере транспорта; меры поддержки строительной отрасли и ЖКХ; поддержку турбизнеса; меры поддержки при аренде земельных участков; поддержку для производителей, организаций торговли; особенности маркировки и оборота отдельных товаров; меры господдержки в г. Москве.

2. *Меры налоговой поддержки.* Включают установление операций, не облагаемых НДС; введение нулевой ставки НДС, «налога на Google»; применение заявительного порядка возмещения НДС, «ввозной» НДС; налогообложение контролируемых сделок, долговых обязательств и контролируемой задолженности; отмену НДС/НДФЛ, плату за пользование водными объектами, начисление пеней налоговыми органами; подачу документов, подтверждающих размер прибыли (убытка) КИК, и др.

3. *Ограничение проверок.* Это ограничение государственного и муниципального контроля; ограничение валютного контроля⁷.

4. *Преференции в финансовой и страховой сферах для организаций и ИП.* Содействие заключается в изменении ключевой ставки, поддержке заемщиков; введении обязательной продажи иностранной валюты; временных изменениях в части операций с наличной валютой; во введении ограничений в работе с контрагентами; в ограничениях, связанных с участием в бизнесе с иностранными компаниями; страховании импортных и экспортных кредитов.

5. *Экономическая и иная поддержка физических лиц.* Это поддержка в сфере занятости; в части налога на имущество физических лиц; банковское обслуживание физических лиц, поддержка заемщиков ликвидируемых банков. Внесены изменения в порядок обучения лиц, прервавших учебу за границей. Отдельно предусмотрены меры поддержки в г. Москве.

6. *Изменения в валютном законодательстве для физических лиц.*

Проведя анализ перечня основных мер, направленных на защиту экономического суверенитета России, можно сделать вывод о том, что в данной ситуации и на данном этапе развития событий, связанных с введением против России санкций, наше государство адекватно и полноценно реагирует на внешние воздействия со стороны Запада.

⁶ В процессе систематизации необходимой информации использовались интернет-ресурсы СПС «КосультантПлюс», СПС «Гарант» и др.

⁷ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411198/ (дата обращения: 26.02.2023).

Далее проанализируем антисанкционное законодательство РФ, обеспечивающее рассмотренные меры защиты экономического суверенитета.

Основы антисанкционного законодательства России

Президент РФ 04.06.2018 подписал Федеральный закон «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств». Этот нормативный правовой акт усовершенствовал действующее российское законодательство в данной сфере. Отметим, что до 2018 г. основным нормативным правовым актом в сфере антисанкционного законодательства был Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах». Согласно этому Закону Президент и Правительство России имели довольно значительные полномочия: по ограничению программ помощи; запрещению финансовых и иных внешнеэкономических операций; аннулированию коммерческих соглашений; запрещению нахождение в русских территориальных водах; рестрикциям на туристическую деятельность и др.

Кроме того, рассматриваемый нормативный правовой акт требовал придерживаться международных обязательств при принятии СБ ООН постановления о применении санкционных действий в отношении того или иного государства. Данный Закон давал возможность совершать встречные рескриптные действия в ответ на санкционные действия против нашего государства.

Федеральный закон 2018 г. полностью отображает нынешние проблемы и пути их решения. Он отражает основные направления и контрмеры в ответ на санкции. И по своей сути он носит защитное, а не агрессивно-атакующее направление. В качестве главного возбудителя негативных воздействий в Законе указываются Соединенные Штаты Америки. Закон 2006 г. не содержал подобных определенных оценок и суждений. В нем компетенции главы государства воспроизводят смысл Закона «О специальных экономических мерах»⁸, только с более концентрированным акцентом на деяния против застрельщиков санкционных действий.

Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 утверждена Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. В статье 38 Стратегии говорится: «Итогом реализации настоящей Стратегии должны стать обеспечение экономического суверенитета Российской Федерации и устойчивости национальной экономики к внешним и внутренним вызовам и угрозам, укрепление общественно-политической стабильности, динамичное социально-экономическое развитие, повышение уровня и улучшение качества жизни населения».

Указанные законы и подзаконные акты являются основой антисанкционного законодательства РФ. Кроме того, необходимо отметить, что информационный ресурс законодательства в данной сфере отношений значительно увеличился после февраля 2022 г. Ниже рассмотрим основные нормативные правовые акты, принятые для защиты экономического суверенитета нашей страны.

⁸ Тимофеев И. Противодействия санкциям: от законодательства к стратегии // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/protivodeystvie-sanktsiyam-ot-zakonodatelstva-k-strategii/> (дата обращения: 26.02.2023).



Подзаконные акты РФ

Российское правительство, оказавшись под жестким натиском западных санкций, в целях уменьшения негативного влияния этих ограничений на государственную экономику было вынуждено быстро и действенно принимать меры.

В частности, Президент России с целью укрепления рубля принимает конкретные меры. Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 ввел с 28.02.2022 для резидентов — участников внешнеэкономической деятельности обязательную продажу иностранной валюты в размере 80 % выручки, причитающейся резидентам в рамках всех внешнеторговых договоров. Также были изданы Указы Президента РФ от 18.03.2022 № 126 (ред. от 09.06.2022) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования» и от 04.05.2022 № 254 «О временном порядке исполнения финансовых обязательств в сфере корпоративных отношений перед некоторыми иностранными кредиторами».

Указ Президента РФ от 08.03.2022 № 100 «О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности» ввел:

- а) запрет на вывоз за пределы территории Российской Федерации и (или) ввоз на территорию Российской Федерации продукции и (или) сырья согласно перечням, определяемым Правительством РФ;
- б) ограничение на вывоз за пределы территории Российской Федерации и (или) ввоз на территорию Российской Федерации продукции и (или) сырья согласно перечням, определяемым Правительством РФ.

Помимо издания указов Президента РФ, также были приняты соответствующие меры со стороны Правительства РФ. Так, Правительство выпустило распоряжение от 28.02.2022 № 357-рс, утверждающее состав Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций, созданной постановлением Правительства РФ от 17.09.2018 № 1100-44. Одними из главных задач Комиссии являются:

- а) мониторинг развития ситуации в связи с введением санкций в отношении Российской Федерации;
- б) выработка мер по противодействию негативным последствиям введения санкций в экономической сфере.

Постановлением от 26.02.2022 № 235 Правительство РФ расширило перечень случаев использования резервов госфонда для стабилизации внутренних цен на сельхозпродукцию.

Распоряжением от 04.03.2022 № 411-р Правительство РФ продлило на полгода программу компенсации малому и среднему бизнесу расходов на использование отечественной системы быстрых платежей.

Постановлением Правительства РФ от 04.03.2022 № 287 срок уплаты утилизационного сбора за I—III кварталы 2022 г. для отечественных автопроизводителей был перенесен на декабрь.

Распоряжением Правительства РФ от 09.03.2022 № 435-р на поддержку программы льготного кредитования сельхозпроизводителей было дополнительно направлено 25 млрд рублей.

Постановление от 17.03.2022 № 391 дало возможность Правительству РФ оперативнее решать проблемы, связанные с финансированием основных сфер экономики.

Постановление Правительства РФ от 22.03.2022 № 437 создало возможности оказания помощи производственному сектору и обеспечения стабильности экономики в условиях санкций.

Согласно постановлению Правительства РФ от 05.04.2022 № 594 часть дополнительных нефтегазовых доходов бюджета в 2022 г. может быть использована для финансирования дефицита, а также напрямую для финансирования приоритетных расходов федерального бюджета.

Распоряжением Правительства РФ от 14.04.2022 № 884-р по поручению Президента РФ на докапитализацию региональных фондов развития промышленности было направлено федеральное финансирование. Благодаря докапитализации, планировалось обеспечить дополнительную поддержку промышленных предприятий в 77 регионах России.

Постановлениями от 22.04.2022 № 742, от 23.04.2022 № 745, распоряжением от 28.04.2022 № 1048-р Правительство РФ внедрило специальную кредитную программу поддержки транспортных системообразующих организаций.

Основные антикризисные законы РФ

Кроме того, что были приняты соответствующие подзаконные акты Президента, Правительства РФ и иных органов власти, внесены изменения в федеральные законы, а также в законы субъектов РФ. Ниже представлены основные изменения в нормативные правовые акты.

Федеральный закон от 28.06.2022 № 212-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепляет за Президентом РФ полномочия:

- по введению финансовых специальных мер. Дано следующее официальное разъяснение Банка России от 27.06.2022 № 7-ОР⁹: «С 10 июня 2022 года обязательная продажа иностранной валюты, в том числе зачисленной на счета в период с 28 февраля по 9 июня 2022 года и не проданной, не осуществляется»;
- по установлению особого (специального) порядка приобретения иностранной валюты резидентами и нерезидентами, запретов и (или) ограничений на осуществление валютных операций. По информации Банка России от 08.04.2022г., с 11.04.2022 отменена комиссия на покупку валюты через брокеров, которая ранее была установлена на уровне 12 %;
- по установлению особого (специального) порядка ввоза в Россию и вывоза из России валютных ценностей и валюты РФ, запретов и (или) ограничений на осуществление валютных операций и др.

Федеральный закон от 14.07.2022 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений статьи 5.1 Федерального закона “О банках и банковской деятельности”» увеличил порог покупки или продажи наличной

⁹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420226/.



иностранной валюты физическим лицом с 600 тыс. рублей до 1 млн рублей, что подлежит обязательному контролю со стороны Росфинмониторинга, и др.

Правительство РФ также направило в Государственную Думу *законопроект о внесении изменений в Бюджетный кодекс РФ* для повышения устойчивости экономики. Законопроект в последующем был одобрен.

Таким образом, законодательство, обеспечивающее меры защиты экономического суверенитета Российской Федерации, представляет собой достаточно объемный информационно-правовой ресурс и охватывает три основных направления:

- преференции для финансово-экономических структур и бизнеса;
- различного рода ограничения (например, на ввоз и вывоз из страны некоторых видов продукции и сырья);
- расширение полномочий государственных органов и должностных лиц в экономической, торговой и таможенной сферах деятельности.

Отметим также, что законодательство, направленное на охрану экономического суверенитета России, динамично развивается в соответствии с изменением международного положения (введением новых торгово-экономических санкций и др.). Такое оперативное изменение нормативных правовых актов обеспечивает поддержку экономики нашей страны на достойном уровне.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Меры Банка России по стабилизации ситуации на финансовом рынке в условиях реализации санкционных рисков // URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/134865/plan_limit.pdf (дата обращения: 02.02.2023).
2. Меры поддержки для МСП // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411198/5bc46481589901e5ac516e41a554a61f46e2c127/.
3. Меры поддержки для общественно значимых организаций // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411198/7c9b2102124c0d5d82fd949089aa456627fb4715/.
4. Санкции в отношении России // URL: https://tass.ru/info/14538591/amp?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru (дата обращения: 01.12.2022).
5. Тимофеев И. Противодействие санкциям: от законодательства к стратегии // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/protivodeystvie-sanktsiyam-ot-zakonodatelstva-k-strategii/> (дата обращения: 26.02.2023).

К вопросу о проблеме обеспечения экономического суверенитета России¹

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к суверенитету государства как категории теории государства, отдельные его аспекты в условиях цифровизации и глобализации. Исследуется проблема десуверенизации государства. Анализируются идеи частичного отказа от государственного суверенитета, предлагаемые в научной литературе, а также появление такого содержащегося в международном праве элемента суверенитета, как ответственность за защиту внутри государства и за его пределами. В контексте рассмотрения суверенитета государства в целом рассматривается экономический суверенитет как его составляющая. В статье исследуются элементы экономического суверенитета государства, влияние на него цифровых технологий, анализируются риски его размывания под влиянием цифровизации, рассматривается и подвергается критике концепция «цифрового суверенитета». Особое значение вопрос обеспечения суверенитета государства в целом и экономического суверенитета в частности приобретает в условиях развития многополярного мира, формирования новых экономических союзов государств, усиления позиций валют разных государств.

Ключевые слова: суверенитет, цифровой суверенитет, экономический суверенитет, экономическая политика государства.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.183-191

Анастасия Игоревна МИНАЕВА,

ассистент кафедры
теории государства и
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
aiminaeva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Сергей Александрович РОМАНОВ,

ассистент кафедры
теории государства и
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
saromanov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Андрей Юрьевич ФИЛИН,

преподаватель кафедры
теории государства и
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
ayufilin@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

¹ Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Anastasia I. MINAEVA,

Assistant of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

aiminaeva@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Sergey A. ROMANOV,

Assistant of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

saromanov@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Andrey Yu. FILIN,

Lecturer of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ayufilin@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

**On the Issue of Ensuring
the Economic Sovereignty of Russia**

Abstract. *The article examines approaches to state sovereignty as a category of state theory, its individual aspects in the context of digitalization and globalization, explores the problem of state desuverenization, analyzes the ideas of partial renunciation of state sovereignty proposed in the scientific literature, as well as the emergence of such an element of sovereignty as responsibility to protect within states and beyond, contained in international law. In the context of considering the sovereignty of the state as a whole, economic sovereignty as its component is examined. The article examines the elements of the economic sovereignty of the state, the impact of digital technologies on it, analyzes the risks of its erosion under the influence of digitalization, examines and criticizes the concept of «digital sovereignty». The issue of ensuring the sovereignty of the state in general and economic sovereignty in particular is of particular importance in the context of the development of a multipolar world, the formation of new economic unions of states, and the strengthening of the positions of currencies of different states.*

Keywords: *sovereignty, digital sovereignty, economic sovereignty, economic policy of the state.*

В условиях стремительного изменения политэкономической конъюнктуры одним из ключевых вызовов современному государству стало обеспечение государственного суверенитета. Так, Президент России В. В. Путин, выступая с обращением 21.02.2022 по поводу признания независимости Донецкой и Луганской народных республик, обратил внимание на важность проблемы десувверенетизации и указал, что Россия «никогда не поступится своим суверенитетом»².

² Путин назвал отличия между суверенным государством и колонией // URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/06/2022/62a1fbf39a79478868eacf78> (дата обращения: 31.01.2023).

Вместе с тем до недавних пор в политико-правовой науке XXI в. главенствовала парадигма «размывания» суверенитета, утраты актуальности суверенитета в качестве априорного признака государства на современном этапе развития. В работе американского политолога Ф. Фукуямы «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке» обосновывалась следующая позиция: вестфальская система международных отношений, еще в XVII в. закрепившая суверенитет и неприкосновенность национального государства в качестве неотъемлемых принципов политического взаимодействия, сейчас фактически разрушена и не соблюдается, поскольку то, что происходит внутри отдельных государств — в их внутреннем управлении, — часто оказывает большое влияние и на жизнь других членов международного сообщества³.

В этой связи многие как западные, так и отечественные теоретики государства развивали идеи о том, что частичный отказ от государственного суверенитета в пользу межгосударственной коммуникации является следствием установившегося мирового порядка — глобализации, которая характеризуется укреплением экономических связей между государствами, созданием транснациональной рыночной экономики и формированием глобальной системы безопасности.

С момента распада социалистического блока Российская Федерация на протяжении нескольких десятилетий пыталась встроиться в мир-систему в качестве полупериферии мировой экономики, выступая страной — донором природных ресурсов по отношению к ее центру и создавая вокруг себя собственную периферию на постсоветском пространстве.

Тем не менее, с учетом общих кризисных тенденций XXI в., рядом ученых были высказаны гипотезы о том, что вследствие усиления эксплуатации периферии мировой экономики ее центром, вызвавшей углубление глобального неравенства, торможение научно-технического прогресса и финансиализацию мировой экономики, интенсивность международных экономических связей неизбежно снизится, что будет сопровождаться ростом протекционистских тенденций и усилением политической напряженности в мире⁴.

Пандемия COVID-2019, прокси-война блока НАТО и Российской Федерации, рост популярности политиков правого толка, а также всеобъемлющий разрыв экономических связей между государствами наглядно демонстрируют, что данные гипотезы в полной мере реализовались на практике, в связи с чем полагаем необходимым говорить об окончании периода глобализации и переходе к новому мировому порядку, для характеристики которого в современной науке принято использовать термин «деглобализация» либо «сепарация».

Указанные процессы, в сущности которых заложен антагонизм глобализации, очевидно, и стали причиной повышения исследовательского внимания к теоретико-правовым концепциям государственного суверенитета, поскольку перед теоретиками и практиками поставлена задача поиска путей восстановления

³ Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. С. 54.

⁴ Комолов О. О. Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // ЭВР. 2018. № 4 (58). С. 50.



утраченного национальными государствами суверенитета, реиндустриализации и выхода из кризиса.

В этой связи следует отметить, насколько изменился сам подход к значению суверенитета, который в своем классическом понимании воспринимался как некое неотъемлемое свойство государства как системы политической власти, а ныне рассматривается как оценочная характеристика, которую, очевидно, возможно измерить как качественно, так и количественно. Причем можно с уверенностью говорить, что суверенитет в современном видении уже не рассматривается как некое неделимое свойство государства как его понимал Жан Боден⁵.

Так, если исторически под суверенитетом понималась независимость суверена (верховного правителя или народа как носителя власти) от иных лиц при принятии решений властного характера в целом, то в современной науке и политической практике принято разделять суверенитет на отдельные элементы: экономический, военный, научный, информационный и проч. При этом конкретное государство может быть как полностью суверенным, так и в определенной степени не обладать суверенитетом в части его отдельной составляющей.

Г. Кельзен⁶, Г. Г. Лаутерпахт⁷, Харт⁸ предлагали сосредоточиться на суверенитете в контексте правовой системы. М. Коскенниemi утверждает, что в свете этой стратегии «государство не может ссылаться на суверенитет для оправдания своих действий, но должно найти правовые основания, дающие ему право, свободу или компетенцию действовать определенным образом»⁹.

Позиции таких авторов, как Б. Кингсбери¹⁰ и Дж. Коэн¹¹, К. Хабермас¹², ориентируют в первую очередь на развитие международного права с целью осмысления функции государств как немонопольных носителей политической власти.

Необходимо признать несоответствие традиционного понимания суверенитета реалиям информационного общества и предложить решения для развития (трансформации, адаптации) идеи государственного суверенитета в информационной сфере.

Статья 2 (1) Устава ООН признает равенство всех государств как признак того, что они являются суверенными субъектами международного права. Формальное равенство всех государств подразумевает суверенитет, т.е. равенство в правах и обязанностях, а не в том, как они выполняются. О формальном равенстве государств в информационной сфере можно говорить только при обсуждении

⁵ См.: Боден Ж. Метод легкого познания истории. М. : Наука, 2000. С. 151.

⁶ Kelsen H. Sovereignty and International Law // Georgetown LJ. 1960. P. 627.

⁷ Lauterpacht H. The Nature of International Law and General Jurisprudence. *Economica*. 1932. P. 316.

⁸ Hart H. L. A. The Concept of Law. 2nd ed. Oxford : Clarendon Press, 1994.

⁹ Koskenniemi M. From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument. Cambridge, CUP, 2005. P. 231.

¹⁰ Kingsbury B. Sovereignty and Inequality // EJIL. 1998. 9. P. 599.

¹¹ Cohen J. L. Sovereignty in the Context of Globalization : A Constitutional Pluralist Perspective. Besson and Tasioulas. P. 262.

¹² Habermas J. Die postnationale Konstellation. Politische Essays. Frankfurt/Main : Suhrkamp, 1998.

фактического экономического и технологического неравенства государств (например, по такому показателю, как степень проникновения информационных технологий).

С точки зрения защиты информационной безопасности государства формальное равенство с другими государствами не устанавливает требований к реальному равенству. С помощью современных технологий необходимо активно продвигать национальные интересы, поддерживая их в глобальном масштабе. Участие или неучастие государства в международных соглашениях, касающихся информации, таких как Регламент международной электросвязи (декабрь 2012 г., Дубай), не лишает государство суверенитета, но может быть напрямую связано с эффективностью национальной информационной безопасности и положением в международных делах.

Приведем яркий пример по вопросу трансформации суверенитета: в 1921 г. английский пароход «Уимблдон», зафрахтованный французской компанией Les Affréteurs Reunis, перевозил груз боеприпасов и артиллерии из Салоников на польскую военно-морскую базу в Данциге. Корабль дошел до Кильского канала, прежде чем Германия отказалась пропустить его из-за своего нейтралитета во время русско-польской войны. Однако Кильский канал перестал быть внутренним водным путем Германии, поэтому она была вынуждена пропустить судно¹³.

Дело касалось прохода судна через территорию Германии по Кильскому каналу, аналогия применима к трансграничным информационным потокам. Представляет интерес вопрос о юрисдикции государств в осуществлении контроля за реализацией государственного суверенитета при условии прохождения информационных потоков через территорию государства. Судом была сформулирована следующая позиция: обязательства, которые государства несут по международному праву, ограничивают государственный суверенитет. Информационные потоки являются частью глобальной информационной инфраструктуры. Только в границах, установленных международным правом, допускаются барьеры для свободного потока информации. Государства противостоят другим игрокам, обладающим регулирующей властью, что особенно ярко проявляется в информационной сфере.

Информационно-коммуникационные технологии сузили границы и пределы регулирования со стороны любого отдельного государства, сконструировав политико-правовую сферу информационного общества. Появление права управления Интернетом со его сложной многосторонней структурой продемонстрировало жизнеспособность легитимных и эффективных режимов, в которых государства могут быть лишь одним (безусловно, важным) из многих действующих лиц.

Утрата государством нормативного превосходства будет иметь пагубные последствия, так как «усилится неравенство, ослабнут ограничения на вмешательство, уменьшится важная роль государства, а мир будет разделен на зоны»¹⁴.

Существует и иная позиция: «Суверенитет — это структура, которая гибка и изменчива не только на международном уровне. Когда государства подписывают новые договоры и когда появляются новые сферы международной деятельности,

¹³ The SS 'Wimbledon' // PCIJ. Ser. A. No. 1. 1923. P. 25.

¹⁴ Kingsbury B. Op. cit. P. 599.



границы между внутренним и внешним также могут смещаться»¹⁵, что несколько меняет содержание суверенитета, но не отменяет его.

Процесс изменения суверенитета следует рассматривать как «возникновение нового дуалистического суверенного режима»¹⁶, нового глобального порядка. На примере Европейского союза утверждается, что государства теряют политическое влияние по сравнению с «постнациональной системой» из-за регионального сотрудничества¹⁷.

Для подрыва иерархии в отношениях между государством и личностью и урезания привилегий государства возникла идея «глобального конституционного сообщества», оказавшаяся одним из факторов, способствовавших разрушению регулирующей монополии государства.

Вызовы нашего времени, такие как массовые экстерриториальные перемещения людей, денег, товаров и информации, являющиеся результатом глобализации, некоторым образом затрагивают фундаментальную природу суверенитета.

Экономический суверенитет Российского государства как категория может включать в себя верховенство государственной власти и независимость от других государств при определении и реализации мер фискальной и финансовой политики (в частности, при регулировании так называемых цифровых финансовых активов); торговой политики (при выборе модели регулирования торговли, заключении различных международных торговых соглашений, установлении преференций или ограничений).

Особенно актуально на современном этапе развития общества определение государством своей научно-технологической политики в части приоритетных направлений развития науки и техники, кадровой политики, в особенности — подготовки национальных кадров IT-отрасли, выбора модели правового регулирования так называемой цифровой среды, обеспечения функционирования собственной внутригосударственной технологической инфраструктуры.

В настоящее время среди основных задач по «реализации направления, касающегося создания экономических условий для разработки и внедрения современных технологий, стимулирования инновационного развития, а также совершенствования нормативно-правовой базы в этой сфере, является развитие технологий (в том числе технологий цифровой экономики)»¹⁸.

В этой связи представляются обоснованными мнения ученых относительно угроз научно-технологическому суверенитету государства, в частности из-за «привязывания национального производителя к зарубежным стандартам и комплекующим, а также встраивания его в мировую производственную цепочку с закреплением за ним производств с низкой добавленной стоимостью»¹⁹.

¹⁵ Crawford J. *Chance, Order, Change : The Course of International Law*. Hague Academy of International Law, 2014. P. 92.

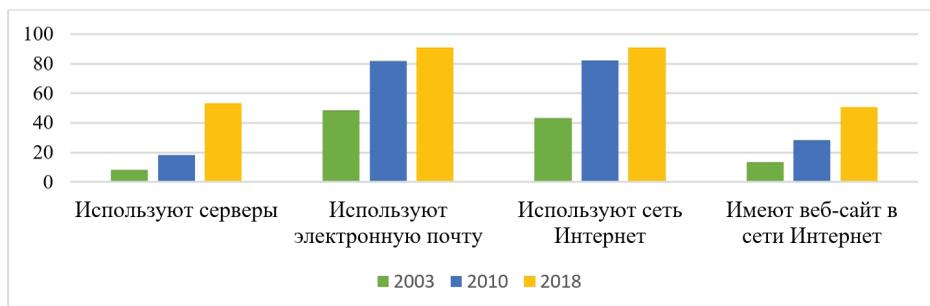
¹⁶ Cohen J. L. *Op. cit.* P. 262.

¹⁷ Schiemann K. *Europe and the Loss of Sovereignty* // ICLQ. 2007. 56. P. 487.

¹⁸ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Пп. 5 п. 18 // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.12.2022).

¹⁹ Болдырев О. Ю. Экономический суверенитет государства: элементы и механизмы защиты // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 3 (100). С. 151 ; Комолов О. О. Указ. соч. С. 50.

Статистические данные, приводимые Росстатом, свидетельствуют о том, что активно растет количество организаций, использующих цифровые технологии (в процентах от общего числа обследованных организаций)²⁰ (см. рисунок).



Частью процесса обеспечения государством экономического суверенитета должна являться поддержка независимости национальных организаций от иностранных государств в вопросе обеспечения технологической основы использования национальными компаниями объектов цифровой инфраструктуры для исключения риска отключения доступа и саботажа нормальной производственной деятельности.

Внедрение системы оказания государственных услуг посредством использования платформы (портал «Государственные услуги»), создания приложений «Мой налог» и т.д. привело к постановке вопроса о трансформации научных подходов в рамках теории государства, в частности к формированию категории «цифровой суверенитет», определение которой отсутствует в отечественной правовой науке.

Сама категория может предполагать множество контекстов: от рассмотрения цифрового суверенитета как возможности контроля государства над цифровыми данными и цифровыми технологиями до восприятия указанной категории как полностью свободного от государственного контроля особого пространства, связанного с использованием цифровых технологий и цифровых данных различными пользователями, операторами.

Полностью игнорировать активное внедрение цифровых технологий в систему государственного управления невозможно, однако необходим крайне осторожный подход к формированию таких категорий, как «цифровой суверенитет», поскольку очевидно, что верховенство государства на своей территории не может выражаться цифрами. Речь, скорее, идет о необходимости защиты именно «технологического суверенитета» как совокупности национальной, создаваемой за счет государственного финансирования и находящейся под контролем государства инфраструктуры, связанной с созданием собственных центров обработки данных, информационно-телекоммуникационных сетей, сетей электросвязи, программного обеспечения и технологий защиты всего вышеперечисленного.

²⁰ Официальная статистика использования цифровых технологий организациями по Российской Федерации, субъектам Российской Федерации и видам экономической деятельности (с 2003 г.) // URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 18.02.2023).



Кроме того, обеспечение суверенитета государства в современном мире связано с необходимостью выбора модели правового регулирования, достаточной для создания именно внутреннего контура безопасности объектов критической инфраструктуры в целях исключения зависимости в этом от иностранных государств, похищения данных, нарушения прав пользователей при заключении различных сделок посредством цифровых технологий, незаконного оборота цифровых финансовых активов.

На современном этапе в условиях противостояния государств особое значение приобретает формирование такой экономической политики государства, которая направлена на поддержку национальной технологической платформы, а также экспорт технологических решений для создания, например, в рамках Союзного государства России и Белоруссии, не только единого собственно экономического пространства (в части, например, таможенных, валютных режимов), но и единого технологического контура.

Обеспечение экономического суверенитета государства (составляющая экономической функции государства) должно базироваться на построении стратегических целей государства, быть в органической связи с ними, на учете национального и зарубежного опыта регулирования экономики. Обеспечение суверенности государства связано с признанием определяющей роли государства в решении макроэкономических задач (роста производства, стабильности национальной валюты, вложения государственных средств в стратегически важные отрасли экономики, поддержки предпринимательства, сохранении государственного контроля за использованием природных ресурсов, обеспечении безопасности золотовалютного резерва, повышения благосостояния населения). Среди макроэкономических задач существенное значение имеет и создание собственного внутреннего технологического контура, как гарантии суверенности государства.

Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года *экономический суверенитет* рассматривается как «объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств». В указанном определении воплощается реалистическая концепция суверенитета, в рамках которой государственный суверенитет рассматривается как проявление независимости государства в объективной реальности, его действительная способность самостоятельно определять политический курс, противодействовать вмешательству в его внутренние дела со стороны других суверенных государств.

Ценность такого подхода позволяет, с одной стороны, раскрыть понятие суверенитета как некой относительной категории, содержание которой меняется в разные исторические периоды и зависит от различных факторов развития общества и государства на данном этапе, и избежать при этом излишней юридической догматики²¹, а с другой — оценить фактическое состояние экономической, политической, социальной и идеологической подсистем в конкретном обществе и определить место государства в мир-системе на этапе деглобализации.

²¹ Филлин А. Ю. Государство в современных политико-правовых учениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2021. С. 9.

Последнее имеет особенное значение, поскольку для определения вектора развития и прогнозирования его результатов необходимо верно определить значение Российской Федерации в системе глобальных экономических связей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боден Ж. Метод легкого познания истории. — М. : Наука, 2000.
2. Болдырев О. Ю. Экономический суверенитет государства: элементы и механизмы защиты // Сравнительное конституционное обозрение. — 2014. — № 3 (100).
3. Комолов О. О. Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // ЭВР. — 2018. — № 4 (58).
4. Официальная статистика использования цифровых технологий организациями по Российской Федерации, субъектам Российской Федерации и видам экономической деятельности (с 2003 г.) // URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 18.02.2023).
5. Путин назвал отличия между суверенным государством и колонией // URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/06/2022/62a1fbf39a79478868eac78> (дата обращения: 31.01.2023).
6. Филин А. Ю. Государство в современных политико-правовых учениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — М., 2021.
7. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. — М., 2006.
8. Cohen J. L. Sovereignty in the Context of Globalization : A Constitutional Pluralist Perspective. — Besson and Tasioulas.
9. Crawford J. Chance, Order, Change : The Course of International Law. — Hague Academy of International Law, 2014.
10. Habermas J. Die postnationale Konstellation. Politische Essays. — Frankfurt/Main : Suhrkamp, 1998.
11. Hart H. L. A. The Concept of Law. — 2nd ed. — Oxford : Clarendon Press, 1994.
12. Kelsen H. Sovereignty and International Law // Georgetown LJ. — 1960.
13. Kingsbury B. Sovereignty and Inequality // EJIL. — 1998. — 9.
14. Koskeniemi M. From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument. — Cambridge, CUP, 2005.
15. Lauterpacht H. The Nature of International Law and General Jurisprudence. — Economica, 1932.
16. Malcolm J. Multi-stakeholder Governance and the Internet Governance Forum Perth. — Terminus Press, 2008.
17. Schiemann K. Europe and the Loss of Sovereignty // ICLQ. — 2007. — 56.
18. The SS 'Wimbledon' // PCIJ. — Ser. A. — No. 1. — 1923.

Сенатский приговор о лишении царедворцев и офицеров их поместий за неявку на царские смотры и на службу¹

16 июля 1711 года

Киевский губернатор князь Дмитрий Михайлович Голицин 30 апреля 1711 года писал из Киева в канцелярию Правительствующего сената, что «в 1709 году, по именному указу, присланы из Преображенского смотру царского величества в Киевскую губернию к делам офицеры и царедворцы, а кто имяны присланы и оставлены в Киевской губернии к делам, и о том от него ведение послано в розряд; и из тех царедворцов и офицеров подписались своими руками что стать было им на срок в Киев в марте месяце 710 года, под потерянием чина и лишения деревень, и оных не явилось за огурством и до ныне живут по деревням и на Москве, и о высылке их писано в розряд, а об отписке поместей их и вотчин писано ж в поместный приказ — а потому просил поименованных в приложенном списке 53 царедворцов и офицеров выслать в Киев; а за их ослушательное укрывательство об отписке поместей и вотчин указ учинить в канцелярии Правительствующего сената».

ПРИГОВОР

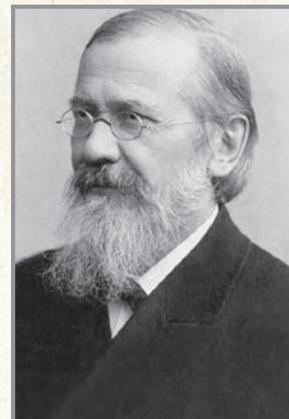
1711 г. июля 16 дня

Правительствующий сенат слушав сей выписки, приговорили:
У царедворцов и у офицеров, которые с смотру его царского величества определены быть в Киеве, а они, отбывая от службы, огурством своим в Киев не поехали и на Москве ни в которых приказах не явились, за эту вину поместья их и вотчины отписать на него, Великого Государя, из поместного приказа, и для того из тех их поместей и вотчин жен и детей их выслать и людям и крестьяном слушать их не велеть; а у капитана Якова Боева, у поручика Ивана Киреевского поместей и вотчин не отписывать, потому что они, Боев и Киреевской, присланы к Москве от бригадира Шидловского и отданы были в полк московского гарнизона и из гарнизона ныне посланы Яков за рекруты в Ригу, а Киреевской в армию к царскому величеству с писмами, и о том из канцелярии Правительствующего сената в Московскую губернию ко управителю, а в Киев для ведома губернатору из канцелярии Правительствующего сената послать его Великого Государя указы.

¹ Источник: Доклады и приговоры Правительствующего Сената в царствование Петра I. СПб. : изд. Академии наук, 1880. Т. 1. С. 175—176.

Юридическое наследие

Василий Осипович Ключевский — видный русский историк, ординарный профессор Московского университета; ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (сверх штата) по истории и древностям русским (1900), председатель Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, тайный советник.



Профессор Василий
Осипович Ключевский
(28.01.1841—25.05.1911)

В. О. Ключевский **Русская история: полный курс лекций**

ЛЕКЦИЯ LXXV¹

Основной факт эпохи

Манифест Екатерины II от 6 июля 1762 г. возвестил о новой силе, имевшей впредь направлять государственную жизнь России. Доселе единственным двигателем этой жизни, признанным в единственном основном законе империи, в Уставе Петра Великого о престолонаследии, была всевластная воля государя, личное усмотрение. Екатерина объявила в Манифесте, что самодержавное самовластие само по себе, без случайной, необязательной узды добрых и человеколюбивых качеств есть зло, пагубное для государства. Торжественно были обещаны законы, которые указывали бы всем государственным учреждениям пределы их деятельности. Как проводилось в государственную жизнь возвещенное начало законности — в этом интерес царствования Екатерины II и ее преемников; как случилось, что именно Екатерине II пришлось возвестить это начало — в этом интерес ее личности, ее судьбы и характера.

Императрица Екатерина II

Июньский переворот 1762 г. сделал Екатерину II самодержавной русской императрицей. С самого начала XVIII в. носителями верховной власти у нас были люди либо необычайные, как Петр Великий, либо случайные, каковы были его преемники и преемницы, даже те из них, кого назначала на престол в силу закона Петра I предыдущая случайность, как было с ребенком Иваном VI и с Петром III. Екатерина II замыкает собою ряд этих исключительных явлений нашего во всем не упорядоченного XVIII в.: она была последней случайностью на русском престоле и провела продолжительное и необычайное царствование, создала целую эпоху в нашей истории. Далее пойдут уже царствования по законному порядку и в духе установившегося обычая.

¹ Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций : в 3 т. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. Т. 3.



Ее происхождение

Екатерина по матери принадлежала к голштейнготторпскому княжескому роду, одному из многочисленных княжеских родов Северной Германии, а по отцу — к другому тамошнему же и еще более мелкому владетельному роду — ангальт-цербстскому. Отец Екатерины, Христиан Август из цербстдорнбургской линии ангальтского дома, подобно многим своим соседям, мелким северогерманским князьям, состоял на службе у прусского короля, был полковым командиром, комендантом, а потом губернатором города Штеттина, неудачно баллотировался в курляндские герцоги и кончил свою экстерриториальную службу прусским фельдмаршалом, возведенным в это звание по протекции русской императрицы Елизаветы. В Штеттине и родилась у него (21 апреля 1729 г.) дочь Софья-Августа, наша Екатерина.

Таким образом, эта принцесса соединяла в своем лице два мелких княжеских дома Северо-Западной Германии. Эта Северо-Западная Германия представляла в XVIII в. любопытный во многих отношениях уголок Европы. Здесь средневековый немецкий феодализм донашивал тогда сам себя, свои последние династические регалии и генеалогические предания. С бесконечными фамильными делениями и подразделениями, с принцами брауншвейг-люнебургскими и брауншвейг-вольфенбюттельскими, саксен-гомбургскими, саксен-кобургскими, саксен-готскими и саксен-кобург-готскими, мекленбург-шверинскими и мекленбург-стрелицкими, шлезвиг-голштейнскими, голштейн-готторпскими и готторп-эйтинскими, ангальт-дессаускими, ангальт-цербстскими и цербст-дорнбургскими это был запоздалый феодальный муравейник, суетливый и в большинстве бедный, донельзя перероднившийся и перессорившийся, копошившийся в тесной обстановке со скудным бюджетом и с воображением, охотно улетающим за пределы тесного родного гнезда. В этом кругу все жило надеждами на счастливый случай, расчетами на родственные связи и заграничные конъюнктуры, на желанные сплетения неожиданных обстоятельств. Потому здесь всегда сберегались в потребном запасе маленькие женихи, которые искали больших невест, и бедные невесты, тосковавшие по богатым женихам, наконец, наследники и наследницы, ожидавшие вакантных престолов.

Понятно, такие вкусы воспитывали политических космополитов, которые думали не о родине, а о карьере и для которых родина была везде, где удавалась карьера. Здесь жить в чужих людях было фамильным промыслом, служить при чужом дворе и наследовать чужое — династическим заветом. Вот почему этот мелкокняжеский мирок получил в XVIII в. немаловажное международное значение: отсюда не раз выходили маленькие принцы, игравшие иногда крупные роли в судьбах больших европейских держав, в том числе и России. Мекленбург, Брауншвейг, Голштиния, Ангальт-Цербст поочередно высылали и к нам таких политических странников-чужedomов в виде принцев, принцесс и простых служак на жалованье. Благодаря тому, что одна из дочерей Петра Великого вышла за герцога голштинского, этот дом получил значение и в нашей истории.

Родичи Екатерины по матери, прямые и боковые, с самого начала XVIII в. либо служили на чужбине, либо путем браков искали престолов на стороне. Дед ее (по боковой линии) Фридрих Карл, женатый на сестре Карла XII шведского,

в начале Северной войны сложил голову в одном бою, сражаясь в войсках своего шурина. Один ее двоюродный дядя, сын этого Фридриха Карла, герцог Карл Фридрих, женился на старшей дочери Петра I Анне и имел неудачные виды на шведский престол. Зато сына его Карла Петра Ульриха, родившегося в 1728 г. и рождением своим похоронившего мать, шведы в 1742 г., при окончании неудачной войны с Россией, избрали в наследники шведского престола, чтобы этой любезностью задобрить его тетку, русскую императрицу, и смягчить условия мира; но Елизавета уже перехватила племянника для своего престола, а вместо него навязала шведам не без ущерба для русских интересов другого голштинского принца — Адольфа-Фридриха, родного дядю Екатерины, которого русское правительство прежде проводило уже в герцоги курляндские. Другой родной дядя Екатерины из голштинских — Карл был объявлен женихом самой Елизаветы, когда она была еще цесаревной, и только скорая смерть принца помешала ему стать ее мужем. Ввиду таких фамильных случаев один старый каноник в Брауншвейге мог, не напрягая своего пророческого дара, сказать матери Екатерины: «На лбу вашей дочери я вижу по крайней мере три короны». Мир уже привыкал видеть в мелком немецком князьке головы, которых ждали чужие короны, оставшиеся без своих голов.

Екатерина родилась в скромной обстановке прусского генерала из мелких немецких князей и росла резвой, шаловливой, даже бедовой девочкой, любившей попроказить над старшими, особенно надзирательницами, щегольнуть отвагой перед мальчиками и умевшей не смигнуть, когда трусила. Родители не отягощали ее своими воспитательными заботами. Отец ее был усердный служака, а мать, Иоанна-Елизавета, — неуживчивая и непоседная женщина, которую так и тянуло на ссору и клязу, ходячая интрига, воплощенное приключение; ей было везде хорошо, только не дома. На своем веку она исколесила чуть не всю Европу, побывала в любой столице, служила Фридриху Великому по таким дипломатическим делам, за которые стеснялись братья настоящие дипломаты, чем заслужила большой респект у великого короля, и незадолго до воцарения дочери умерла в Париже в очень стесненном положении, потому что Фридрих скупно оплачивал услуги своих агентов.

Екатерина могла только благодарить судьбу за то, что мать редко бывала дома: в воспитании детей штеттинская комендантша придерживалась простейших правил, и Екатерина сама потом признавалась, что за всякий промах приучена была ждать материнских пощечин. Ей не исполнилось и 15 лет, когда в нее влюбился один из ее голштинских дядей, состоявший на саксонской, а потом на прусской службе, и даже добился от племянницы согласия выйти за него замуж. Но чисто голштинская встреча благоприятных обстоятельств разрушила эту раннюю идиллию и отвела ангальт-цербстскую принцессу от скромной доли прусской полковницы или генеральши, чтобы оправдать пророчество брауншвейгского каноника, доставив ей не три, а только одну корону, но зато стоившую десяти немецких.

Во-первых, императрица Елизавета, несмотря на позднейшие увлечения своего шаткого сердца, до конца жизни хранила нежную память о своем так рано умершем голштинском женихе и оказывала внимание его племяннице с матерью, посылая им безделки вроде своего портрета, украшенного бриллиантами



в 18 тыс. тогдашних рублей (не менее 100 тыс. нынешних). Такие подарки служили семье штеттинского губернатора, а потом прусского фельдмаршала немалым подспорьем в ненастные дни жизни. А затем Екатерине много помогла ее фамильная незначительность. В то время петербургский двор искал невесты для наследника русского престола, и дальновидные петербургские политики советовали Елизавете направить поиски к какому-нибудь скромному владетельному дому, потому что невестка крупного династического происхождения, пожалуй, не будет оказывать должного послушания и почтения императрице и своему мужу. Наконец, в числе сватов, старавшихся пристроить Екатерину в Петербурге, было одно довольно значительное лицо в тогдашней Европе — сам король прусский Фридрих II. После разбойничьего захвата Силезии у Австрии он нуждался в дружбе Швеции и России и думал упрочить ее женитьбой наследников обеих этих держав. Елизавете очень хотелось женить своего племянника на прусской принцессе, но Фридриху жаль было расходовать свою сестру на русских варваров, и он наметил ее за шведского наследника упомянутого выше ставленника Елизаветы из голштинских Адольфа-Фридриха для подкрепления своей дипломатической агентуры в Стокгольме, а за русского наследника хотел испоместить дочь своего верного фельдмаршала, бывшего штеттинского губернатора, рассчитывая создать из нее тоже надежного агента в столице страшной для него империи. Он сам признается в своих записках с большим самодовольством, что брак Петра и Екатерины — его дело, его идея, что он считал его необходимым для государственных интересов Пруссии и в Екатерине он видел лицо, наиболее пригодное для их обеспечения со стороны Петербурга.

Все это и решило выбор Елизаветы, несмотря на то или, скорее, между прочим, потому что невеста по матери приходилась троюродной сестрой своему жениху. Елизавета считала голштинскую родню своей семьей и видела в этом браке свое семейное дело. Оставалось успокоить отца, строгого лютеранина старой ортодоксальной школы, не допускавшего мысли о переходе дочери в греческую ересь, но его убедили, что религия у русских почти что лютеранская и даже почитание святых у них не приемлется. Помыслы 14-летней Екатерины шли навстречу тонким расчетам великого короля. В ней рано проснулся фамильный инстинкт: по ее признанию, уже с 7 лет у нее в голове начала бродить мысль о короне, разумеется чужой, а когда принц Петр голштинский стал наследником русского престола, она «во глубине души предназначала себя ему», потому что считала эту партию самой значительной из всех возможных; позднее она откровенно признается в своих записках, что по приезде в Россию русская корона ей больше нравилась, чем особа ее жениха. Когда (в январе 1744 г.) из Петербурга пришло к матери в Цербст приглашение немедленно ехать с дочерью в Россию, Екатерина уговорила родителей решиться на эту поездку. Мать даже обиделась за своего влюбленного брата, которому Екатерина уже дала слово. «А мой брат Георг, что он скажет?» — укоризненно спросила мать. «Он только может желать моего счастья», — отвечала дочь, покраснев.

И вот, окутанные глубокой тайной, под чужим именем, точно собравшись на недоброе дело, мать с дочерью спешно пустились в Россию и в феврале предстали в Москве Елизавете. Весь политический мир Европы дался диву, узнав о таком выборе русской императрицы. Тотчас по приезде к Екатерине

приставили учителей закона Божия, русского языка и танцев — это были три основные предмета высшего образования при национально-православном и танцевальном дворе Елизаветы. Еще не освоившись с русским языком, заучив всего несколько расхожих фраз, Екатерина затвердила, «как попугай», составленное для нее исповедание веры и месяцев через пять по приезде в Россию при обряде присоединения к православию произнесла это исповедание в дворцовой церкви внятно и громко, нигде не запнувшись; ей дано было православное имя Екатерины Алексеевны в честь матери императрицы. Это было первое торжественное ее выступление на придворной сцене, вызвавшее общее одобрение и даже слезы умиления у зрителей, но сама она, по замечанию иноземного посла, не проронила слезинки и держалась настоящей героиней. Императрица пожаловала новообращенной аграф и складень бриллиантовый в несколько сот тысяч рублей. На другой день, 29 июня 1744 г., чету обручили, а в августе 1745 г. обвенчали, отпраздновав свадьбу 10-дневными торжествами, перед которыми померкли сказки Востока.

Двор Елизаветы

Екатерина приехала в Россию совсем бедной невестой; она сама потом признавалась, что привезла с собой всего дюжину сорочек, да три-четыре платья, и то сшитые на вексель, присланный из Петербурга на путевые издержки; у нее не было даже постельного белья. Этого было очень мало, чтобы жить прилично при русском дворе, где во время одного дворцового пожара у Елизаветы сгорела только частица ее гардероба — до 4 тыс. платьев. Свои дворцовые наблюдения и впечатления тех лет Екатерина вспоминала потом с самодовольным спокойствием человека, издали оглядывающегося на пройденную грязную дорогу. Дворец представлял не то маскарад с переодеванием, не то игорный дом. Дамы меняли костюмы по два, по три раза в день, императрица — даже до пяти раз, почти никогда не надевая два раза одного и того же платья. С утра до вечера шла азартная игра на крупные суммы среди сплетен, подпольных интриг, пересудов, наушничества и флирта, флирта без конца. По вечерам сама императрица принимала деятельное участие в игре. Карты спасали придворное общежитие: другого общего примиряющего интереса не было у этих людей, которые, ежедневно встречаясь во дворце, сердечно ненавидели друг друга. Говорить прилично между собою им было не о чем; показать свой ум они умели только во взаимном злословии; заводить речь о науке, искусстве или о чем-либо подобном остерегались, будучи круглыми невеждами; половина этого общества, по словам Екатерины, наверное, еле умела читать и едва ли треть умела писать. Это была мундирная придворная лакейская, нравами и понятиями мало отличавшаяся от ливрейной, несмотря на присутствие в ее среде громких старофамильных имен, титулованных и простых. Когда играл фаворит граф А. Разумовский, сам держа банк и нарочно проигрывая, чтобы поддержать славу тороватого барина, статс-дамы и другие придворные крали у него деньги; действительный тайный советник и президент вотчинной коллегии министр своего рода князь Одоевский однажды тысячи полторы в шляпе перетаскал, отдавая краденые деньги в сенях своему слуге. С этими сановниками и поступали, как с лакеями. Жена самого бойкого государственного дельца при Елизавете — графа П. И. Шувалова служила молебны,



когда ее муж возвращался с охоты того же Разумовского не высеченный добродушным фаворитом, который бывал буен, когда напивался. Екатерина рассказывает, что раз на празднике в Ораниенбауме Петр III на глазах у дипломатического корпуса и сотни русских гостей высек своих любимцев: шталмейстера Нарышкина, генерал-лейтенанта Мельгунова и тайного советника Волкова. Полоумный самодержец поступал со своими сановными фаворитами, как пьяный фаворит умной самодержицы мог поступить с любым придворным сановником. Тон придворной жизни давала сама императрица. Символизируя размеры и богатство своей империи, она являлась на публичных выходах в огромных фижмах и усыпанная брильянтами, ездила к Троице молиться во всех русских орденах, тогда существовавших. В будничном обиходе дворца царили неряшество и каприз; ни порядок придворной жизни, ни комнаты, ни выходы дворца не были устроены толково и уютно; случалось, навстречу иноземному послу, являвшемуся во дворец на аудиенцию, выносили всякий сор из внутренних покоев. Придворные дамы во всем должны были подражать императрице, но ни в чем не превосходить ее; осмелившиеся родиться красивее ее и одеться изящнее неминуемо шли на ее гнев: за эти качества она раз при всем дворе срезала ножницами «прелестное украшение из лент» на голове у обер-егермейстерши Нарышкиной. Раз ей понадобилось обрить свои белокурые волосы, которые она красила в черный цвет. Сейчас приказ всем придворным дамам обрить головы. С плачем расставались они со своими прическами, заменяя их безобразными черными париками. А то однажды, раздраженная неладами своих четырех фаворитов, она в первый день Пасхи разбранила всех своих 40 горничных, дала нагоняй певчим и священнику, испортила всем пасхальное настроение. Любя веселье, она хотела, чтобы окружающие развлекали ее веселым разговором, но беда — обмолвиться при ней хотя одним словом о болезнях, покойниках, о прусском короле, о Вольтере, о красивых женщинах, о науках, и все большею частью осторожно молчали. Елизавета с досадой бросала на стол салфетку и уходила.

Положение Екатерины при дворе

Екатерина ехала в Россию с мечтой о короне, а не о семейном счастье. Но в первое время по приезде она поддалась было иллюзии счастливого будущего: ей казалось, что великий князь любит ее даже страстно; императрица говорила, что любит ее почти больше, чем великого князя, осыпала ее ласками и подарками, из которых самые маленькие были в 10—15 тыс. руб. Но она скоро отрезвилась, почувствовав опасности, какими грозил ей двор, где образ мыслей был, переводя возможно мягче ее выражение, низкий и испорченный (*lache et corrompue*). Почва затряслась под ее ногами. Раз у Троицы сидят они с женихом на окне и смеются. Вдруг из комнат императрицы выбегает ее лейб-медик Лесток и объявляет молодой чете: «Скоро ваше веселье кончится». Потом, обратившись к Екатерине, он продолжал: «Укладывайте ваши вещи; вы скоро отправитесь в обратный путь домой!» Оказалось, что мать Екатерины перессорилась с придворными, замешалась в интригу французского уполномоченного, маркиза Шетарди, и Елизавета решила выслать неугодную губернаторшу с дочерью за границу. Ее потом и выслали, только без дочери. При этой опасности неожиданной разлуки жених дал понять невесте, что расстался бы с нею без сожаления. «Со своей стороны

я, — прибавляет она как бы в отместку, — зная его свойства, и я не пожалела бы его, но к русской короне я не была так равнодушна».

Незадолго до свадьбы она раздумалась над своим будущим. Сердце не предвещало ей счастья; замужество сулило ей одни неприятности. «Одно честолюбие меня поддерживало, — добавляет она, припоминая эти дни много после в своих записках, — в глубине души моей было я не знаю, что такое, что ни на минуту не оставляло во мне сомнения, что рано или поздно я добьюсь своего, сделаюсь самодержавной русской императрицей». Это предчувствие помогало ей не замечать или терпеливо переносить многочисленные терния, которыми был усыпан ее жизненный путь. После свадьбы 16-летняя вещая мечтательница вступила в продолжительную школу испытаний. Серо и черство началась ее семейная жизнь с 17-летним вечным недоростком. Впрочем, самые тяжкие уроки шли не со стороны мужа. С ним она еще кое-как, с грехом пополам уживалась. Он играл в свои куклы и солдаты, наделав глупостей, обращался за советом к жене, и та выручала его, выдавал ее с головой в ее затруднениях, то принимался обучать ее ружейным приемам и ставить на караул, то ругал ее, когда проигрывал ей в карты, поверял ей свои амурные делишки с ее фрейлинами и горничными, несколько не интересовался ее мыслями и чувствами и предоставлял ей заниматься вдоволь своими слезами и книгами. Так изо дня в день через длинный ряд лет тянулась супружеская жизнь, в которой царило полное равнодушие друг к другу, чуть не дружеское взаимное безучастие супругов, не имевших ничего общего, даже обоюдной ненависти, хотя они жили под одной кровлей и носили звание жены и мужа — не самый высокий, зато довольно привычный сорт семейного счастья в тех кругах.

Настоящей тиранкой Екатерины была «дорогая тетушка». Елизавета держала ее, как дикую птицу в клетке, не позволяла ей выходить без спросу на прогулку, даже сходить в баню и переставить мебель в своих комнатах, иметь чернила и перья. Окружающие не смели говорить с ней вполголоса; к родителям она могла посылать только письма, составленные в Коллегии иностранных дел; следили за каждым ее шагом, каждое слово подслушивалось и переносилось императрице с наговорами и вымыслами; сквозь замочные скважины подсматривали, что она делает одна в своих комнатах. Люди из прислуги, которым она оказывала доверие или внимание, тотчас изгонялись из дворца. Раз по оскорбительному доносу ее заставили говеть в неурочное время только для того, чтобы через духовника выяснить ее отношения к красивому лакею, с которым она обменялась несколькими словами через залу в присутствии рабочих, и чтобы живее дать ей почувствовать, что для набожного двора нет ничего святого, именем императрицы ей запретили долго плакать по умершем отце на том основании, что он не был королем: не велика-де потеря. До поздних лет Екатерина не могла без сердечного возмущения вспомнить о таком бессердечии. Ласки и безумно щедрые подарки чередовались с более частыми грубыми выговорами, которые были тем обиднее, что нередко пересылались через лакеев; делая это лично, Елизавета доходила до исступления, грозившего побоями. «Не проходило дня, — пишет Екатерина, — чтобы меня не бранили и не ябедничали на меня». После одной из непристойных сцен, когда Елизавета наговорила «тысячу гнусностей», Екатерина поддалась



было ужасному порыву: вошедшая к ней горничная застала ее с большим ножом в руке, который, к счастью, оказался так туп, что не одолел даже корсета.

Образ действий Екатерины

Это был минутный упадок духа перед невзгодами жизни. Но Екатерина явилась в Россию со значительной подготовкой ко всяким житейским невздам. В ранней молодости она многое видела. Родившись в Штеттине, она подолгу жила на попечении бабушки в Гамбурге, бывала в Брауншвейге, в Киле и в самом Берлине, где видела двор прусского короля. Все это помогло ей собрать обильный запас наблюдений и опытов, развило в ней житейскую сноровку, привычку распознавать людей, будило размышление. Может быть, эта житейская наблюдательность и вдумчивость при ее природной живости была причиной и ее ранней зрелости: в 14 лет она казалась уже взрослой девушкой, поражала всех высоким ростом и развитостью не по летам. Екатерина получила воспитание, которое рано освободило ее от излишних предрассудков, мешающих житейским успехам. В то время Германия была наводнена французскими гугенотами, бежавшими из отечества после отмены Нантского эдикта Людовиком XIV. Эти эмигранты принадлежали большею частью к трудолюбивому французскому мещанству; они скоро захватили в свои руки городские ремесла в Германии и начинали овладевать воспитанием детей в высших кругах немецкого общества.

Екатерину обучали закону Божию и другим предметам французский придворный проповедник патер Перар, ревностный служитель папы, лютеранские пасторы Дове и Вагнер, которые презирали папу, школьный учитель кальвинист Лоран, который презирал и Лютера и папу, а когда она приехала в Петербург, наставником ее в греко-российской вере назначен был православный архимандрит Симон Тодорский, который со своим богословским образованием, совершенным в немецком университете, мог только равнодушно относиться и к папе, и к Лютеру, и к Кальвину, ко всем вероисповедным делителям единой христианской истины. Можно понять, какой разнообразный запас религиозных мирозерцаний и житейских взглядов можно было набрать при столь энциклопедическом подборе вероучителей. Это разнообразие, сливавшееся в бойкой 15-летней голове в хаотическое религиозное безразличие, очень пригодились Екатерине, когда в ней, заброшенной к петербургскому двору ангальт-цербст-голштинской судьбой и собственным честолюбием, по ее словам, среди непрерывных огорчений «только надежда или виды не на небесный венец, а именно на венец земной поддерживали дух и мужество». Для осуществления этих видов понадобились все наличные средства, какими ссудили ее природа и воспитание и какие она приобрела собственными усилиями. В детстве ей твердили, и она сама знала с семи лет, что она очень некрасива, даже совсем дурнушка, но знала и то, что она очень умна. Поэтому недочеты наружности предстояло восполнять усиленной разработкой духовных качеств. Цель, с какой она ехала в Россию, дала своеобразное направление этой работе. Она решила, что для осуществления честолюбивой мечты, глубоко запавшей в ее душу, ей необходимо всем нравиться, прежде всего мужу, императрице и народу.

Эта задача сложилась уже в ее 15-летней голове в целый план, о котором она говорит приподнятым тоном, не без религиозного одушевления, как об одном из

важнейших дел своей жизни, совершавшемся не без воли провидения. План составлялся, по ее признанию, без чьего-либо участия, был плодом ее ума и души и никогда не выходил у нее из виду: «Все, что я ни делала, всегда клонилось к этому, и вся моя жизнь была изысканием средств, как этого достигнуть». Для этого она не щадила ни своего ума, ни сердца, пуская в оборот все средства — от искренней привязанности до простой угодливости. Задача облегчалась тем, что она хотела нравиться надобным людям независимо как от их достоинств, так и от своего внутреннего к ним отношения; умные и добрые были благодарны ей за то, что она их понимает и ценит, а злые и глупые с удовольствием замечали, что она считает их добрыми и умными; тех и других она заставляла думать о ней лучше, чем она думала о них. Руководясь такой тактикой, она обращалась со всеми как можно лучше, старалась снискать себе расположение всех вообще, больших и малых, или, по крайней мере, смягчить неприязнь людей, к ней не расположенных, поставила себе за правило думать, что она во всех нуждается, не держалась никакой партии, ни во что не вмешивалась, всегда показывала веселый вид, была предупредительна, внимательна и вежлива со всеми, никому не давая предпочтения, оказывала великую почтительность матушке, которой не любила, беспредельную покорность императрице, над которой смеялась, отличное внимание к мужу, которого презирала, — «одним словом, всеми средствами старалась снискать расположение публики», к которой одинаково причисляла и матушку, и императрицу, и мужа.

Поставив себе за правило нравиться людям, с какими ей приходилось жить, она усваивала их образ действий, манеры, нравы и ничем не пренебрегала, чтобы хорошенько освоиться с обществом, в которое втолкнула ее судьба. Она вся превратилась, по ее словам, в зрителя, весьма страдательного, весьма скромного и даже видимо равнодушного, между тем прибегала к расспросам прислуги, обоими ушами слушала рассказы словоохотливой камер-фрау, знавшей соблазнительную хронику всех придворных русских фамилий со времен Петра Великого и даже раньше, запаслась от нее множеством анекдотов, весьма пригодившихся ей для познания окружавшего ее общества, наконец, не брезгала даже подслушиванием. Во время продолжительной и тяжелой болезни вскоре по приезде в Россию Екатерина привыкла лежать с закрытыми глазами; думая, что она спит, приставленные к ней придворные женщины, не стесняясь, делились друг с другом рассказами, из которых она, не разрушая их заблуждения, узнавала много такого, чего никогда не узнала бы без такой уловки. «Я хотела быть русской, чтобы русские меня любили». По усвоенному ею способу нравиться это значило и жить по-русски, т.е. как жили толкавшиеся перед ней русские придворные.

В первое время, по ее словам, она «с головой окунулась» во все дрязги двора, где игра и туалет наполняли день, стала много заботиться о нарядах, вникать в придворные сплетни, азартно играть и сильно проигрываться, наконец, заметив, что при дворе все любят подарки от последнего лакея до великого князя — наследника, принялась сорить деньгами направо и налево; стоило кому похвалить при ней что-нибудь, ей казалось уже стыдно этого не подарить. Назначенных ей на личные расходы 30 тыс. руб. не хватало, и она входила в долги, за что получала обидные выговоры от императрицы. Она занимала десятки тысяч даже с помощью английского посла, что уже было близко к политическому подкупу, и к



концу жизни Елизаветы довела свой кредит до такого истощения, что не на что стало сшить платье к Рождеству. К тому времени по ее смете, не считая принятых ею на себя долгов матери, она задолжала свыше полумиллиона — не менее 3,5 млн руб. на наши деньги — «страшная сумма, которую я выплатила по частям лишь по восшествии своем на престол».

Она прилагала свое правило и к другой хорошо подмеченной ею особенности елизаветинского двора, где религиозное чувство сполна разменялось на церковные повинности, исполняемые за страх или из приличия, подчас не без чувствительности, но и без всякого беспокойства для совести. С самого прибытия в Россию она прилежно изучала обряды Русской церкви, строго держала посты, много и усердно молилась, особенно при людях, даже иногда превосходя в этом желания набожной Елизаветы, но страшно сердя тем своего мужа. В первый год замужества Екатерина говела на первой неделе Великого поста. Императрица выразила желание, чтобы она попостилась и вторую неделю. Екатерина ответила ей просьбой позволить ей есть постное все семь недель. Не раз заставляли ее перед образами с молитвенником в руках.

Ее занятия

Как ни была она гибка, как ни гнулась под русские придворные нравы и вкусы, окружающие чувствовали и давали ей понять, что она им не ко двору, не их поля ягода. Ни придворные развлечения, ни осторожное кокетство с придворными кавалерами, ни долгие остановки перед зеркалом, ни целодневная езда верхом, ни летние охотничьи блуждания с ружьем на плече по побережьям под Петергофом или Ораниенбаумом не заглушали чувства скуки и одиночества, просыпавшегося в ней в минуты раздумья. Покинуть родину для далекой страны, где надеялась найти второе отечество, и очутиться среди людей одичалых и враждебных, где слова по душе сказать не с кем и никого не приручишь никакой уживчивостью, — в таком положении минутами меркла светлая мечта честолюбия, которая завела ее в такую нелюдимую пустыню.

В первое время Екатерина много плакала втихомолку. Но, всегда готовая к борьбе и самообороне, она не хотела сдаваться и из уныния сделала средство самовоспитания, духовного закала. Всего больше боялась она показаться жалкой, беззащитной жертвой. Выходки императрицы возмущали ее как человека; пренебрежение со стороны мужа оскорбляло ее как жену и как женщину; самолюбие ее страдало, но из гордости она не показывала своих страданий, не жаловалась на свое унижение, чтобы не стать предметом обидного сострадания. Наедине она обливалась слезами, но тотчас тихонько утирала глаза и с веселым лицом выбегала к своим фрейлинам. Настоящую, надежную союзницу в борьбе со скукой Екатерина встретила в книге. Но она не сразу нашла свою литературу. В Германии и в первое время по приезде в Россию она не обнаруживала особой охоты к чтению. Незадолго до свадьбы один образованный и уважаемый ею иностранец, опасаясь тлетворного влияния русского двора на ее ум, посоветовал ей читать серьезные книги, между прочим, «Жизнь Цицерона» и Монтескье о причинах величия и упадка Римской республики. С большим трудом [она] достала эти книги в Петербурге, но прочла две страницы о Цицероне, потом принялась за Монтескье, который заставил ее задуматься, но, не будучи в состоянии читать

последовательно, она стала зевать и, сказав «Вот хорошая книга», бросила ее, чтобы вернуться к нарядам.

Однако невыносимо бестолковая жизнь, какую устроила своей племяннице Елизавета, пошлая компания (*l'insipite compagnie*), какой окружена была Екатерина, бессмысленные разговоры, которые она каждый день вокруг себя слышала, научили ее читать внимательнее, сделали для нее книгу убежищем от тоски и скуки. После свадьбы она, по ее словам, только и делала, что читала. «Никогда без книги и никогда без горя, но всегда без развлечений», — так очерчивает Екатерина свое тогдашнее времяпровождение. В шуточной эпитафии, которую она написала себе самой в 1778 г., она признается, что в течение 18 лет скуки и уединения (замужество) она имела достаточно времени, чтобы прочитать много книг. Сначала она без разбора читала романы; потом ей попались под руку сочинения Вольтера, которые произвели решительный перелом в выборе ее чтения: она не могла от них оторваться и не хотела, прибавляет она в письме к самому Вольтеру, читать ничего, что не было так же хорошо написано и из чего нельзя было бы извлечь столько пользы. Но чтение не было для нее только развлечением. Потом она принимается за историю Германии, изданную в 1748 г. французским каноником Барром в 10 тяжеловесных томах, усидчиво прочитывая по одному тому в 8 дней, столь же регулярно изучает огромный, в четырех объемистых томах философский словарь Бэйля, прочитывая по тому в полгода. Трудно даже представить себе, как она справлялась с этим словарем, продираясь сквозь чащу ученых цитат, богословских и философских учений, не все в них понимая, и как производила в своей голове логическое размещение познаний, извлекаемых из источника в алфавитном беспорядке.

В то же время она прочитала множество русских книг, какие могла достать, не пугаясь очень трудных по неуклюжему изложению. Екатерина превращала свой спорт в регулярную работу, а работу любила доводить до крайнего напряжения сил, терпеливо коротала долгие часы в своей комнате за Барром или Бэйлем, как летом в Ораниенбауме по целым утрам блуждала с ружьем на плече или по 13 часов в сутки скакала верхом. Ее не пугало переутомление. Словно она пробовала себя, делала смотр своим силам, физическим и умственным; ее как будто занимало в чтении не столько содержание читаемого, сколько упражнение внимания, гимнастика ума. И она изощрила свое внимание, расширила емкость своей мысли, без труда прочитала даже «Дух законов» Монтескье, вышедший в том же 1748 г., не швырнула его, зевая, со словами, что это хорошая книга, как прежде поступила она с другой книгой того же писателя, а «Анналы» Тацита своей глубокой политической печалью произвели даже необыкновенный переворот в ее голове, заставив ее видеть многие вещи в черном свете и углубляться в интересы, которыми движутся явления, проносящиеся перед глазами.

Испытания и успехи

Но Екатерина не могла корпеть над своими учеными книгами спокойной академической отшельницей: придворная политика, от которой ее ревниво и грубо отталкивали, задевала ее за живое, била прямо по чувству личной безопасности. Ее выписали из Германии с единственной целью добыть для русского престола запасного наследника на всякий случай при физической и духовной неблагонадежности штатного. Долго, целых 9 лет, не могла она исполнить этого поручения



и за такое замедление потерпела немало горестей. Впрочем, и рождение великого князя Павла (20 сентября 1754 г.) не заслужило ей приличного с ней обращения. Напротив, с ней стали поступать, как с человеком, исполнившим заказанное дело и ни на что более не нужным. Новорожденного как государственную собственность тотчас отобрали от матери и впервые показали ей только спустя 40 дней. Больную, заливавшуюся слезами и стонавшую, бросили одну без призора в дурном помещении между дверьми и плохо затворявшимися окнами, не переменили ей белья, не давали пить. В это время великий князь на радостях пил со своей компанией, едва повернувшись у жены, чтобы сказать ей, что ему некогда с ней оставаться. Императрица подарила Екатерине 100 тыс. руб. за рождение сына. «А мне зачем ничего не дали?» — сказал страшно рассерженный Петр. Елизавета велела и ему дать столько же. Но в кабинете не оказалось ни копейки, и секретарь кабинета ради Бога выпросил у Екатерины займы пожалованные ей деньги, чтобы передать их великому князю. Она старалась укрепить свое шаткое положение, всеми мерами и с заслуженным успехом приобретая сочувствие в обществе. Она хорошо говорила и даже порядочно писала по-русски; господствовавшая при дворе безграмотность извиняла ее промахи в синтаксисе и особенно в орфографии, где она в слове из трех букв делала четыре ошибки (исчо — еще). В ней замечали большие познания о русском государстве, какие редко встречались тогда среди придворного и правительственного невежества. По словам Екатерины, она, наконец, добилась того, что на нее стали смотреть как на интересную и очень неглупую молодую особу, а иноземные послы незадолго до Семилетней войны писали про Екатерину, что теперь ее не только любят, но и боятся, и многие, даже те, кто находится в лучших отношениях к императрице, все-таки ищут случая под рукой угодить и великой княгине.

Граф А. П. Бестужев-Рюмин

Но общественное мнение в России и тогда, как всегда, было плохой опорой всякого политического положения. Екатерина искала более надежного союзника. Чрезвычайно пронырливый и подозрительный, непоколебимый в своих мнениях, упорный, деспотичный и мстительный, неуживчивый и часто мелочный, как характеризует его Екатерина, канцлер граф А. П. Бестужев-Рюмин резко выделялся из толпы придворных ничтожеств, какими окружала себя Елизавета. Заграничный выученик Петра Великого, много лет занимавший дипломатические посты за границей, Бестужев-Рюмин хорошо знал отношения европейских кабинетов. Потом — креатура Бирона в кабинете министров императрицы Анны, присужденный к четвертованию, но помилованный после падения регента и из ссылки призванный к делам императрицей Елизаветой, он приобрел мастерство держаться при петербургском дворе, в среде, лишенной всякой нравственной и политической устойчивости. Ум его, весь сотканный из придворных каверз и дипломатических конъюнктур, привык додумывать каждую мысль до конца, каждую интригу доплетать до последнего узла, до всевозможных последствий. Раз составив мнение, он проводил его во что бы то ни стало, ничего не жалея и никого не щадя. Он решил, что захватчивый король прусский опасен для России, и не хотел идти ни на какие сделки с разбойничьим государством, каким тогда слыла в Европе Пруссия. Он и Екатерину встретил враждебно, видя в ней прусского агента. И этому врагу, от

которого она ждала себе всякого зла, она первая протянула руку, подхваченную с недипломатической доверчивостью. И они стали друзьями, как люди, молчаливо понявшие друг друга и умевшие вовремя забыть, чего не следовало помнить, приберегая, однако, за пазухой камень друг против друга. Их сблизили общие враги и опасности. С императрицей начались болезненные припадки. В случае ее смерти при императоре Петре III, настоящем прусском агенте, Бестужеву грозила ссылка из-за Пруссии, Екатерине — развод и монастырь из-за Воронцовой. Личные и партийные вражды усугубляли опасность. В женские царствования XVIII в. фавориты заместили роль прежних цариц, приводивших ко двору свою родню, которая и мучила придворную жизнь. У дряхлевшей Елизаветы явился новейший молодой фаворит И. И. Шувалов, который поднял придворный курс своей фамилии с ее приверженцами. Они увеличили число врагов страшного и ненавистного канцлера, которыми и без того был полон двор; они стали недругами и Екатерины за ее дружбу с Бестужевым. Оба друга насторожились и стали готовиться.

Бестужев сочинил и сообщил Екатерине план, по которому она в случае смерти Елизаветы провозглашалась соправительницей своего мужа, а канцлер, оставаясь руководителем внешней политики, становился во главе гвардейских полков и всего военного управления, сухопутного и морского. Но соправительство с мужем обещало Екатерине быть не более удачным, чем было супружество. Она хотела полной, а не долевого власти, решилась, по ее словам, царствовать или погибнуть. «Или умру, или буду царствовать», — писала она своим друзьям. Она стала запасаться средствами и сторонниками, выпросила займы на подарки и подкупы 10 тыс. фунтов стерлингов у английского короля, обязавшись честным словом действовать в общих англо-русских интересах, стала помышлять о привлечении гвардии к делу в случае смерти Елизаветы, вступила в тайное соглашение об этом с гетманом К. Разумовским, командиром одного из гвардейских полков; вмешивалась исподтишка при участии канцлера в текущие политические дела. Но Семилетняя война налетела вихрем на обоих заговорщиков; канцлер повалился. Екатерина удержалась на ногах. Бестужев-Рюмин привык соединять в своей вражде Пруссию и Францию, друга Англии, а английская пенсия в 12 тыс. руб., подкрепляя 7-тысячный русский канцлерский оклад, подогревала его неостывавшее убеждение в единстве интересов России и Англии.

Теперь международные отношения перевернулись: Франция очутилась на стороне врагов Пруссии, а Англия дружила Фридриху II. Бестужев не умел извернуться; Шуваловы подорвали доверие к нему Елизаветы, и в феврале 1758 г. он был арестован. Он и Екатерина успели сжечь опасные бумаги; но следствие вскрыло их секретные сношения, ее переписку с главнокомандующим русской армией, действовавшей против Фридриха, строго воспрещенное вмешательство в политику. Императрица была страшно раздражена. В обществе пошли толки, будто Екатерину собираются выслать из России. «Надобно раздавить змею», — шептали Петру враги Екатерины. Придворные боялись говорить с ней, как с опальной. Непристойная выходка великого князя сделала ее положение еще более щекотливым. Около того времени она опять готовилась стать матерью. Шальной супруг по этому поводу высказал окружающим свое крайнее недоумение.

Екатерина выпрямилась во весь свой рост и приготовилась к самообороне. На угрозу высылкой она отвечала встречным ходом, написала императрице



по-русски решительное письмо с просьбой отпустить ее домой в Германию, так как жить в России среди ненависти мужа и немилости императрицы стало для нее невыносимо. Елизавета обещала поговорить с ней; но разговор заставил ждать себя томительно долго. Екатерина измучилась и исплакалась, похудела, наконец, сказала больно и потребовала духовника. Встревоженный гофмаршал граф А. Шувалов привел докторов, но она объявила им, что, умирая, нуждается в духовной помощи, что душа ее в опасности, а телу врачи уж больше не нужны. Дубянский, ее и императрицын духовник, выслушав ее подробный рассказ о своем положении, мигом устроил дело. Через день, уже за полночь, Екатерину позвали. Фаворит советовал ей для успеха оказать императрице хоть маленькую покорность. Екатерина пошла и на большую, бросилась на колени перед Елизаветой и не встала, когда та попыталась поднять ее. «Вы хотите, чтобы я отпустила вас к родным? — сказала Елизавета со слезами на глазах, — но у вас дети». — «Они в ваших руках, и лучше для них ничего не может быть». — «Но как объяснить обществу эту высылку?» — возразила Елизавета. — «Ваше величество объявите, если найдете удобным, чем я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великого князя». — «А чем вы будете жить у своих родных?» — «Чем жила перед тем, как вы удостоили взять меня сюда». Елизавета была сбита с позиции и, вторично велев Екатерине встать, в раздумье отошла в сторону, чтобы сообразить, что делать дальше. Вспомнив, что она пришла распекать великую княгиню, она принялась упрекать ее во вмешательстве не в свои дела, в политику, попрекнула ее чрезмерной гордостью, напомнила, как четыре года назад она не хотела поклониться ей, императрице, как следует, и прибавила: «Вы воображаете, что никого нет умнее вас». Екатерина отвечала на все отчетливо и почтительно, а на последний упрек возразила, что если бы она так думала о себе, то не допустила бы себя до настоящего глупого положения.

Во все это время великий князь поодаль шептался с графом Шуваловым. Уверенный, что Екатерине не выздороветь, он на радостях в этот самый день дал своей Воронцовой слово жениться на ней, как только овдовеет. Теперь, вовлеченный в разговор, в досаде, что Екатерина вовсе не собирается умирать, он набросился на нее. Та отвечала твердо и сдержанно на его озлобленные и нелепые речи. Ходя взад и вперед по комнате, Елизавета все более смягчалась и, подошедши к Екатерине, доброжелательно вполголоса сказала ей: «У меня еще много о чем говорить с вами», и при этом дала ей понять, что не хочет говорить при свидетелях. «Я также не могу говорить, как ни сильно хочется мне открыть вам мое сердце и душу», — поспешила сказать Екатерина чуть слышно. Задушевный шепот дошел по назначению, тронул Елизавету; у ней навернулись слезы, и, чтобы скрыть свое волнение, «она отпустила нас» под предлогом позднего часа. Так описывает сама Екатерина этот полуторачасовой томительный разговор. Две захватчицы престола сцепились, и будущая одолела: ее же потом упрашивали не делать того, чем ей грозили, отказаться от мысли о возвращении в отечество, сильно-де печалившей императрицу и всех честных людей. Впечатление, вынесенное из разговора, Елизавета выразила окружающим в отзыве, что племянник ее — дурак, а великая княгиня очень умна.

Екатерина при императоре Петре III

Так Екатерина с бою взяла свое положение и к концу царствования Елизаветы настолько его упрочила, что благополучно прошла сквозь все придворные превратности. Умея уступить печальным обстоятельствам, она примирилась с незавидным положением молодой брошенной жены, даже извлекла из этого положения свои выгоды. Супружеский раздор помог разъединению политической судьбы супругов: жена пошла своей дорогой. Под конец жизни Елизаветы совсем опустилась; ежедневные занятия ее, по словам Екатерины, сделались сплошную цепью капризов, ханжества и распущенности; нервы ее, развинченные мелкими раздражениями зависти и тщеславия, не давали ей покоя; ее мучила боязнь, как бы и ее не постигла участь, какую она сама устроила Анне Леопольдовне. Женщина без твердых правил и без всякого серьезного дела, но настолько умная, чтобы понимать нелепость своего положения, она впала в безысходную скуку, от которой спасалась только тем, что спала, сколько было возможно. В таком состоянии она могла уступить настойчивому представлению приближенных о необходимости изменить престолонаследие. При дворе одни думали о шестилетнем цесаревиче Павле с удалением из России обоих его родителей, другие хотели выслать только отца, видя в матери опору порядка; те и другие с тревогой ждали смерти Елизаветы, ничего не чая от ее племянника для России, кроме бедствий. В самой Елизавете эта тревога доходила минутами до ужаса, но, отвыкнув думать о чем-либо серьезно, она колебалась, а фавориты не внушили ей решимости.

Воцарился Петр III. С первых же дней его царствования с Екатериной стали обращаться презрительно. Но роль жертвы была уже ей знакома; французский посол Бретейль в своих депешах вел дневник ее исполнения. В начале апреля 1762 г. он писал: «Императрица старается вооружиться философией, хотя это и противно ее характеру». В другой депеше он сообщает: «Люди, выдающие императрицу, говорят, что она неузнаваема, чахнет и, вероятно, скоро сойдет в могилу». Но она не сошла в могилу, но все время твердым, хотя и неслышным шагом шла по намеченному пути, подкрадываясь к престолу. Весь Петербург, приходя во дворец поклониться праху Елизаветы, видел Екатерину в глубоком трауре благоговейно стоящей у гроба покойной. При погребении она усерднее всех исполняла похоронные обряды русской церкви; и духовенство и народ были этим очень тронуты, и тем больше крепло их доверие к ней среди усиливавшегося ропота на безумства императора. По словам того же посла, она строго соблюдала все праздники и посты, все, к чему император относился так легкомысленно и к чему русские так равнодушны. Тот же посол вопреки апрельскому пророчеству о скорой смерти императрицы в начале июня должен был написать, что императрица обнаруживает мужество, ее любят и уважают все в такой же степени, в какой ненавидят императора. Мы видели, как воспользовалась Екатерина общим недовольством, особенно в гвардии, и со своими сообщниками произвела переворот, положивший конец шестимесячному царствованию Петра III.

Закон есть закон¹

**Юрий Григорьевич
ШПАКОВСКИЙ,**

главный редактор
журнала «Вестник
Университета

имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)»,

доктор юридических наук,
профессор

Значение права в жизни человека и общества огромно. Являясь универсальным регулятором общественных отношений, оно закрепляет основы любого существующего строя. При этом право является и критерием правомерного и неправомерного поведения людей, и основанием для применения мер государственного принуждения к лицам, нарушающим нормы права.

Прошло не так много времени с распада СССР, но многие законы социалистического государства того времени сейчас воспринимаются иногда с улыбкой, иногда с удивлением (как такое могло быть!), а иногда и с ностальгией. Достаточно для этого посмотреть на некоторые законы СССР, которые уже канули в лету.

1. Взять на поруки

Советское государство строило коммунизм, и главным было воспитание нового человека, основанное на новых моральных принципах. Так, принцип коллективизма «каждый за всех, все за одного», провозглашенный в Моральном кодексе строителя коммунизма, должен был способствовать развитию коллективного начала в советском обществе.

В. И. Ленин неоднократно отмечал преобладающее значение убеждения. «Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, — подчеркивал В. И. Ленин, — а потом принудить». Одной из форм участия советской общественности в исправлении и перевоспитании лиц, впервые совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности, являлась передача правонарушителей на поруки.

Передача на поруки в советском уголовном праве — одна из форм освобождения от уголовной ответственности лиц, деяния которых не повлекли тяжких последствий, если сами они не представляют большой общественной опасности. По ходатайству организации или коллектива трудящихся правонарушитель передается им для перевоспитания и исправления по решению суда или прокурора, а также следователя и органа дознания (с согласия прокурора). Если взятый на поруки в течение года не оправдал доверия коллектива, решение коллектива об отказе от поручительства направляется в суд или прокуратуру для постановки вопроса об уголовной ответственности.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. в ст. 9 определял: «Суд, прокурор, а также следователь и орган дознания с согласия прокурора вправе на основании соответствующего заявления потерпевшего прекратить уголовное дело в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой тяжести, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред».

Условиями передачи на поруки, среди прочих, было наличие совокупности следующих оснований:

— во-первых, признание вины и чистосердечность раскаяния. Лицо, совершившее преступление, могло быть передано на поруки лишь в том случае, если оно признало себя виновным в инкриминируемом преступлении и чистосердечно раскаялось;

— во-вторых, совершение преступления лицом, не представляющим большой общественной опасности. Это положение являлось определяющим как для уголовной ответственности, так и для освобождения от нее. Однако совершение преступления, не представляющего большой общественной опасности, не означало само по себе, что лицо, его совершившее, не представляет большой общественной опасности;

— в-третьих, отсутствие возражений со стороны лица, передаваемого на поруки. Правонарушитель, признавший свою вину и чистосердечно раскаявшийся, был наделен правом возражать против передачи его на поруки и требовать рассмотрения дела в суде. Подобные возражения могли быть вызваны и несогласием с формулировкой его вины, квалификацией преступления или другими обстоятельствами.

В СССР была очень сильная пропаганда человеческих ценностей. И благодаря безграничной вере во все хорошее, что может быть в человеке, в том числе и в то, что он может усилием своей воли и жадой труда побороть то плохое, что толкнуло его на преступление, его и отдавали на поруки трудовому коллективу или более ответственному гражданину, проявлявшему активность в общественной жизни. На поруки передавали в основном за аморальное и антисоциальное поведение, мелкое хулиганство. За уголовные преступления, конечно же, следовало совсем другое — суровое наказание.

Конечно, были и определенные перегибы, когда на поруки брали пьяниц, прогульщиков — нужны были рабочие руки. Эти факты высмеивались в кино и печати, обсуждались на собраниях.

История знает и положительные стороны поручительства. Так, маршал авиации Александр Голованов в своих воспоминаниях приводит один интересный случай. Во время Великой Отечественной войны в Москву прибыл летчик-истребитель, чтобы получить награду — Звезду Героя Советского Союза. Звезду он получил, отметил с товарищами это событие и ночью возвращался домой. По стечению обстоятельств летчик стал свидетелем нападения на девушку неизвестного мужчины. Офицер заступился за девушку и в схватке застрелил из табельного оружия неизвестного. Москва была на военном положении, летчика задержали и доставили в комендатуру. Убитый оказался ответственным работником одного из наркоматов. Дело было доложено Сталину. Разобравшись во всех деталях, Верховный Главнокомандующий спросил, что по советским законам можно сделать для летчика. Ему сказали: можно только взять его на поруки до суда. Сталин написал заявление в Президиум Верховного



Карикатура 1960 гг.

Совета с просьбой отдать летчика на поруки. Просьбу удовлетворили, летчика освободили. Офицер вернулся в свою часть, героически сражался и погиб в воздушном бою.

По советским законам, если совершившего преступление человека брали на поруки, суд откладывался на год. В случае если за это время человек проявлял себя с лучшей стороны, он мог быть освобожден от уголовной ответственности.

Но было и другое поручительство. В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. все чаще отправленные за границу служащие отказывались возвращаться домой. Возможности побега имелись и у военнослужащих, расквартированных в приграничных гарнизонах.

В целях применения эффективных мер борьбы с нарушителями границы Союза ССР и укрепления пограничного режима НКВД СССР вышло с предложением установить уголовную ответственность членов семей изменников родине, бежавших за границу.

И. В. Сталину предложение понравилось, и 8 июня 1934 г. СССР распространяет уголовную ответственность на родственников людей, виновных в государственных преступлениях. В Уголовный кодекс внесли соответствующие поправки. В новой редакции 58-й, «контрреволюционной», статьи говорилось:

«В случае побега или перелета за границу военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются — лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества. Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет».

Получалось, что если военнослужащий бежал, а родственники об этом знали, но не донесли, то автоматически получали от 5 до 10 лет лагерей с конфискацией имущества. Если же и для родственников побег был сюрпризом, то они «всего лишь» высылались на спецпоселение в таежные поселки.

Несколько лет эта мера касалась только родственников военнослужащих. Но в 1940 г. наказание распространили вообще на всех беглецов.

Такая практика просуществовала до середины 50-х гг. Но вплоть до самого конца существования СССР родственники перебежчиков и невозвращенцев подвергались «некоторым неудобствам». В лагерь уже никого не отправляли, но карьере это могло серьезно помешать.

2. Трудовое законодательство

Сегодня, глядя в течение дня на пробки на дорогах крупных городов, состоящие, преимущественно, из личных автомобилей, невольно задаешь себе вопрос: так кто же у нас работает? А как было в СССР с трудовой дисциплиной?

При капитализме все просто: если человек работает плохо, то его банально увольняют, и после этого на работу ему устроиться сложно. Капитализму свойственна безработица, так как существуют рынок труда и конкуренция. Люди

Запада дорожат своим рабочим местом. В СССР же к концу 30-х гг. прошлого века рабочих рук в народном хозяйстве тотально не хватало.

Стимулов работать хорошо в СССР на большинстве заводов было мало: зарплаты небольшие, условия труда и быта часто не выдерживали критики. В итоге — текучка кадров и низкая производительность труда. Кроме того, не все хотели строить коммунизм, а большинство составляли обыватели.

До поры до времени руководство страны несознательных граждан терпело и старалось их как-то перевоспитать. Но в конце 1930-х гг. уже было очевидно, что война с фашизмом неизбежна, поэтому возникла острая необходимость резко повысить трудовую дисциплину и производительность труда, так как на кону стояла судьба страны.

Уже с конца 30-х гг. XX в. начался период ужесточения рабочего законодательства. Законодательно была отменена часть социальных достижений советских граждан, которые они получили в результате Октябрьской революции. Был введен восьмичасовой рабочий день вместо семичасового. Тогда люди работали 6 дней в неделю, и в итоге рабочая неделя стала длиться 48 часов, а не 42, как было раньше. Кроме того, предусматривались следующие меры:

а) работникам запретили увольняться или переходить на другую работу без разрешения директора или начальника предприятия. Руководители были обязаны дать согласие только при выходе на пенсию, по состоянию здоровья и беременным перед родами. Всем остальным имели право отказать;

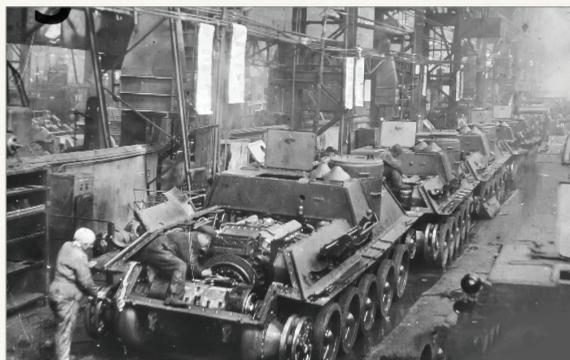
б) те, кто покидал предприятия самовольно, «предавались суду и по его приговору подвергались тюремному заключению сроком от двух месяцев до четырех месяцев» согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» (при этом седьмой день недели — воскресенье — считался днем отдыха);

в) руководители, которые покрывали тех, кто самовольно ушел с работы, или трудоустраивали таких, сами попадали под суд и получали срок.

В период Великой Отечественной войны трудовое законодательство ужесточили. Постановлением Пленума Верховного суда СССР № 28/11/у от 17 июля 1941 г. за повторный прогул выносили новый приговор. И он суммировался с предыдущим наказанием. Если во время отбывания наказания человек совершал третий прогул, то получал тюремный срок от двух до четырех месяцев.

Но и это еще не все. Нормы выдачи хлеба прогульщикам уменьшили. Тем, кто получал 800 граммов, стали давать 500; а тем, кому выдавали 400 граммов, выдавали на 100 граммов меньше.

26 декабря 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». По этому акту оставление рабочего места на военном предприятии приравнивалось к дезертирству: рабочих судили военные трибуналы, которые давали от пяти до восьми



Цех военного завода в 1940-х гг.

лет лагерей. Если трибуналы усматривали еще и отягчающие обстоятельства, например вредительство, то могли дать и «вышку».

В 1956 г. трудовое законодательство изменилось в сторону смягчения. А вот в 1983 г. в СССР была предпринята попытка укрепления трудовой дисциплины сталинскими методами. 7 августа 1983 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об укреплении социалистической трудовой дисциплины», предусматривавшее наказания за выпуск брака, прогулы и опоздания на работу, пьянство на рабочем месте.

После принятия постановления в ряде городов начались милицейские облавы в кинотеатрах, крупных универсамах и других местах скопления людей, во время



Проверка на улицах Москвы. 1983 г.

которых тотально проверялись документы с целью выявить прогульщиков. Серьезность проверок была такова, что в некоторые из них попадали прогуливающие уроки школьники, решившие посетить полуденный сеанс кино. Через несколько дней на имя директора школы приходило официальное письмо из силовых органов, докладывавшее о поимке прогульщиков с указанием фамилий.

Во время дневных рейдов милиции и дружинников по ресторанам, кинотеатрам и магазинам отлавливались злостные прогульщики. Попался — жди серьезных проблем. По месту работы компетентные органы присылали соответствующую бумагу.

И, надо сказать, что начальников, желающих вспомнить сталинские времена, оказалось немало. На предприятиях ужесточились наказания за прогулы и опоздания: виновным грозили не только вычеты из зарплаты и перенос отпуска на зимний период, но также перевод на нижеоплачиваемую работу. Появился даже «план» по разоблачению прогульщиков, нарушителей порядка и трудовой социалистической дисциплины.

Это стало одним из самых ярких решений занимавшего в то время пост Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова. Дело в том, что Ю. В. Андропов искренне полагал, что достаточно навести порядок на местах, укрепить трудовую дисциплину на производстве и в органах управления и все остальные проблемы построения коммунизма в отдельно взятой стране решатся сами собой. Цитируя В. Ленина, он провозгласил тогда, что дисциплина — «это то звено, за которое надо ухватиться, чтобы вытащить всю цепь».

3. Закон об эвтаназии

В переводе с греческого «эвтаназия» — легкая, хорошая, счастливая смерть. В наши дни эвтаназия стала актуальной проблемой, так как у медицины появилась возможность сохранить жизнь (или ее подобие) человеку, которого сто лет назад сочли бы уже умирающим. Однако спасенный человек может оказаться в длительной коме либо его мозг может быть необратимо поврежден. Кроме того, дальнейшая жизнь человека может быть сопряжена с мучительной физической

болью. Современная медицина способна поддерживать больного в состоянии комы годами, порой десятилетиями.

Отсюда возникает основной моральный вопрос эвтаназии, принимающий форму дилеммы: что будет большим злом: позволить пациенту умереть (убить пациента) или продолжать его полную страданий жизнь?

Помимо моральной, важно рассматривать и практическую сторону вопроса. Она затрагивает проблемы распределения ресурсов медицинских учреждений, вреда для близких умирающего человека, злоупотребления эвтаназией в корыстных целях и т.д.

В России эвтаназия запрещена Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации». В частности, ст. 45 Закона говорит, что медицинские работники не имеют права проводить эвтаназию или ускорять наступление смерти пациента как по его просьбе, так и по просьбе его родственников. Более того, в УК РФ проведение эвтаназии приравнивается к убийству.

А вот в СССР в 1922 г. узаконили эвтаназию, но ненадолго. Закон об эвтаназии — это условное название примечания к 143-й статье Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Данное примечание разрешало убийство человека, совершенное из сострадания к нему, и фактически являлось легализацией эвтаназии. Оно было сформулировано следующим образом: «Убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается». Инициатором данного примечания был высокопоставленный большевик Юрий Ларин (Лурье), который выдвинул эту идею при обсуждении Кодекса на заседании ВЦИК.

Ларин страдал от прогрессирующей мышечной атрофии и указал на то, что, если бы кто-нибудь из товарищей-большевиков достал для него яд по его просьбе, его судили бы как за убийство, что было бы отнюдь не справедливо. Поэтому он предложил внести в Кодекс примечание об убийстве из сострадания. Примечание просуществовало всего несколько месяцев. Новый Уголовный кодекс был опубликован в мае 1922 г., а уже в ноябре того же года данное примечание было из него изъято. Вероятно, из опасений широкого использования данной практики.

В 1952 г. в адрес ООН было направлено обращение с более чем 2,5 тыс. подписей, среди которых были имена известных врачей, ученых, деятелей культуры из США и Великобритании. В обращении говорилось о необходимости дополнить Всеобщую декларацию о правах человека правом неизлечимо больного потребовать для себя легкой смерти. Обращение было отклонено как антигуманное.

Определение термина «эвтаназия» представлено в Декларации ВОЗ в 1987 г.: «Акт преднамеренного прерывания жизни пациента, даже выполненный по просьбе самого пациента или по просьбе его ближайших родственников, является неэтичным. Это не освобождает врача от принятия во внимание желания пациента, чтобы естественные процессы умирания шли своим ходом в завершающей стадии заболевания».



Смертельная инъекция. Эвтаназия

Однако с 1 апреля 2002 г. Нидерланды стали первой страной в мире, законодательно закрепившей за смертельно больными пациентами право на активную эвтаназию. Согласно закону, смертельная процедура может быть применена к больным не моложе 12 лет и осуществлена только по требованию пациента, если будет доказано, что его страдания невыносимы, болезнь неизлечима и врачи не могут ничем помочь.

В 2002 г. эвтаназия была легализована в Бельгии, которая с 2014 г. стала первой страной в мире, отменяющей возрастной предел эвтаназии. Сегодня эвтаназия также официально легализована в Швейцарии, Израиле, Франции и других странах. В Швеции и Финляндии пассивная эвтаназия путем прекращения «бесполезного» поддержания жизни также не считается противозаконной. Однако основой для принятия врачом решения о прекращении лечения является свободное и осознанное волеизъявление пациента. Аналогичные просьбы от ближайших родственников больного, находящегося в бессознательном состоянии, юридически недействительны.

На данный момент говорить о легализации эвтаназии в большинстве стран мира еще очень рано. Но даже там, где нет повсеместной качественной паллиативной помощи, заявлять, что эвтаназия — единственный выход, неправильно. Не стоит забывать про моральные и этические стороны. Сложность заключается в том, что каждая отдельная ситуация затрагивает не только пациента, принявшего это крайне тяжелое решение, но и интересы семьи и представителей медицины.

4. Приобщение к труду цыган



Цыганский табор. 1950 г.

Цыгане с древних времен вели кочевой образ жизни и не имели ни подсобных хозяйств, ни домов для проживания, ни наделов земли.

В первые послереволюционные годы большевики видели в цыганах союзников. Бедность и таборный коллективизм по ошибке приняли за классовую близость. Однако цыганские племена всегда были далеки от политики. Поняв, что цыгане не желают принимать новую идеологию, большевики быстро причислили их к «неблагонадежным элементам», с которыми нужно бороться.

Первым шагом на пути борьбы с цыганами в СССР стало введение паспортов в 1932 г. Те, у кого не имелось паспорта и прописки, не могли получать талоны на еду.

Большую роль в борьбе с цыганами сыграл принятый в 1956 г. Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством». Указ констатировал, что в результате мер, принятых Советским государством по трудоустройству кочующих цыган, улучшению условий их жизни, повышению культурного уровня, большинство из них перешло к трудовому оседлому образу жизни. Однако некоторая часть цыган продолжала заниматься бродяжничеством, вела паразитический образ жизни и нередко совершала преступления.

Поэтому в целях приобщения к общественно-полезному труду цыган, занимающихся бродяжничеством, Президиум Верховного Совета СССР предписывал:

— во-первых, запретить цыганам заниматься бродяжничеством и предложить им перейти к трудовому оседлому образу жизни;

— во-вторых, обязать советы министров союзных республик принять меры к расселению на постоянное место жительства цыган, занимающихся бродяжничеством, их трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию;

— в-третьих, установить, что достигшие совершеннолетия цыгане, которые будут злостно уклоняться от общественно-полезного труда и заниматься бродяжничеством, наказываются по приговору народного суда ссылкой на срок до пяти лет в соединении с исправительно-трудовыми работами. Расследование этих дел должно было производиться органами милиции в соответствии с действующими уголовно-процессуальными кодексами союзных республик.

К началу 1958 г., по информации Министерства внутренних дел СССР, удалось зарегистрировать более 70 тысяч цыган, большая часть которых позже обрела постоянный адрес и работу. В то же время за отказ перейти к оседлой жизни было отправлено в ссылку более 300 непокорных цыган.

Сегодня в России практически нет кочующих цыган. Часть живет диаспорами в больших городах, а также немалая часть живет в цыганских поселках.

Конечно, приведенные нормы советского права уже не действуют, но это наша история, наше прошлое. Советский Союз не мог обеспечить человеку высокого уровня жизни и многих элементарных благ, доступных гражданам европейских государств, но он создавал мощную идентификацию с силами прогресса: интернационализм — как будущее мира; полеты в космос и освоение ядерной энергии — как воплощение технологического лидерства.

5. «Необычный» брак по французскому закону

В контексте данной статьи хочется привести один пример законодательных актов других государств, которые, несмотря на свою необычность, уже много десятилетий продолжают действовать.

Так, Франция — единственная страна, в которой на законодательном уровне разрешено выходить замуж за покойника. Каждый год здесь в соответствии с законом заключаются десятки подобных браков. Этот закон восходит к 1959 г., когда прорвавшаяся на юге Франции плотина убила 420 человек.

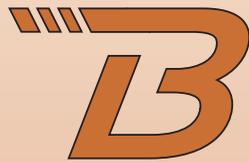
Среди погибших был Андре Капра (André Capra). У молодого человека была невеста Ирен Жодар (Irène Jodart), и она ждала ребенка. Несмотря на то, что жених погиб, Ирен намеревалась выйти замуж. Именно с этой просьбой она обратилась к Президенту Шарлю де Голлю, когда он приехал на место трагедии. И уже через месяц был принят уникальный закон, который позволял Президенту Франции разрешать регистрировать брак, если один из будущих супругов мертв.



«Необычная» регистрация брака во Франции

С тех пор сотни мужчин и женщин вступили в посмертный брак. Ежегодно французский президент получает порядка 50—70 подобных запросов, и часть из них он одобряет. Конечно, для этого необходимо собрать информацию и документально подтвердить, что партнер умер. Также должны быть свидетельства, что брак действительно планировался, а родители умершего должны дать свое согласие.

За такими браками стоит не только сентиментальная история любви, это еще и возможность дать ребенку отца, если невеста беременна, узаконить его рождение и сделать наследником



ISSN 2311-5998



9 772311 599771 >